

П.Г. Артееv

Была бы
вторая
жизнь...

МБУК "Ижемская МБС"

mp 17

84(2 ком)

A&G

АБ

П.Г. Артееев

БЫЛА БЫ ВТОРАЯ ЖИЗНЬ...

15848

Сыктывкар

2007

Муниципальное учреждение культуры
«Ижемская
межпоселенческая
библиотечная система»

84(2Рос=Рус)6

А86

*Редактор-составитель, автор вступительного очерка
«Последний романтик тундры» Р.И. Бихерт*

Авторы предисловий Г.А. Юшков, Е.В. Рочев

*Редакторы-переводчики с коми на русский язык
И.И. Белых, А.С. Одинцов*

Артеев П.Г.

Была бы вторая жизнь... Сборник рассказов и очерков. –
Сыктывкар, 2007. – 184 с.

В книгу вошли рассказы и очерки уроженца коми деревни на Печоре-реке, потомственного оленевода, зоотехника по образованию П.Г. Артеева. Автор, рано ушедший из жизни – на творческом взлёте, обнаруживает в своих произведениях тонкое знание человеческих характеров, обычаяев, традиций и многовекового уклада жизни оленеводов, непредубеждённо оценивает с нравственных позиций поступки людей, выступает заступником северной природы, тундры – среды обитания многих героев книги.

Книга посвящена 70-летию со дня рождения Пика Артеева.
Столько ему исполнилось бы 27 ноября 2007 года.

© Администрация МО ГО «Усинск», 2007
© Бихерт Р.И., 2007
© Вокуева (Артеева) О.П., 2007

ЗАСТУПНИК РОДНОЙ ЗЕМЛИ

Я был знаком с Пиком Герасимовичем Артееевым с начала 1980 года, бывал у него в гостях дома в деревне Новикбож. В последний раз даже парился с ним в бане, угощался прекрасной рыбой чир.

А познакомил меня с ним Рейнгольд Иванович Бихерт, в ту пору редактор районной газеты «Усинская новь». У себя в газете он уже напечатал несколько рассказов Пика Артееева, хвалил их. И меня удивили эти невыдуманные истории своей достоверностью, искренностью.

И если бы не требовать от них большего, чем газетная публикация, они вполне оправдывали бы себя. Но в них было уже и то, что тянет на литературу. Надо только придумать что-то, чтобы факт жизни поднять до социального явления, общественного события. Как, например, случай с разбойным нападением пришлых людей на оленье стадо из-за пыжика да камыса.

Когда я сказал об этом Пику Герасимовичу, он был удивлён тем, что, оказывается, можно и придумывать, а он, коми оленевод, этого-то и не допускал.

Очень жаль, что этот талантливый и честный человек не успел войти в литературу, рано ушёл из жизни.

Но остался заступником родной земли.

Геннадий ЮШКОВ,
народный писатель Республики Коми.

БЫЛА БЫ ВТОРАЯ ЖИЗНЬ...

Пик Артееев посвятил бы её литературе,
признавался начинающий прозаик

С Пиком Герасимовичем я впервые встретился в феврале 1980 года. Его, как начинающего прозаика, Союз писателей Коми АССР пригласил на семинар молодых писателей. Знакомство произошло с рукопожатия, как будто мы были давними друзьями и встретились через годы разлуки.

И надо же! В разговоре выяснилось, что я и Пик Артееев много лет назад были знакомы: год учились в Усть-Усинской средней школе. Он – в старшем классе, поступил раньше, а я в школу пошёл на год позже, хотя с Артееевым были одногодки. Младшеклассникам с ребятами из старших классов не принято было дружить. Мы ведь не искали покровительства, нас никто не унижал. Из-за этого и не произошло близкого знакомства в школьную пору...

Дороги с возрастом разошлись. Пик Герасимович стал управляющим оленеводческим отделением совхоза «Усть-Усинский», почти безвыездно находился при огромном оленьем стаде, жил с пастухами в чуме, работал в караале.*

Мои родители – оленеводы. С детства знаю, как тяжёл, напряжён их труд. В чум приходят только подкрепиться пищай, отдохнуть несколько часов и опять – к

---

* карааль – большая загородка, куда загоняют всё стадо для прививки от болезней, выбирают животных на убой (госпоставку).

стаду. У бригадиров, а тем более управляющего, работы – хоть не отдыхай. И меня очень удивило, что обременённый заботами хозяйственник находил время, чтобы уделить часок-другой литературной работе.

Как писатель, знаю: литературная работа требует очень много времени, усидчивости и терпения, отрывает даже от сна и отдыха. Об этом и спросил моего собеседника на первой встрече в Сыктывкаре.

Пик Герасимович неожиданно встрепенулся, начал эмоционально говорить о произведениях писателей тех лет, о том, что ему не по сердцу, осуждал мелкотемье...

– Много, много ещё в литературе недосказанного, обойдённого умолчанием. Жизнь налаживается из года в год, а сознание людей отстало на десятилетия. Это и заставило меня заняться литературой. Ведь рядом с утлым, отжившим есть и хорошее! Есть люди, идущие по жизни твёрдо, честной дорогой, живущие честным трудом, – вот что нужно показывать в настоящей современной литературе. Жизнь надо показывать нынешнюю, современную, без позолоты, без прикрас – такой, какая она есть. Почему-то нынешние писатели ухватились только за старое и, не зная той жизни, белое показывают чёрным, а ведь раньше было очень много хорошего, что сейчас забыто. Нельзя обеливать и то, что было чёрным. Надо бы по совести, по разуму подходить к тому, о чём пишешь, а не так, что это кому-то не понравится. Мы же не носим одежду наизнанку. Значит, и литература наизнанку – обман.

– Не всегда, Пик Герасимович, виноваты в том писатели, – парировал я честное высказывание Артеева. – Есть ещё и

редакторы, которые «причёсывают» произведения как льно-волоско, чтобы соринки не осталось, чтобы этот лён для «пряжи» (государственной цензуры) был годен. Выжмут все жилки, чтобы там и кровинки свободомыслия не осталось.

— Большое желание – довести до читателя всю правду честным, открытым словом, – ответил мне начинающий прозаик. – Это и заставило меня взяться за писательское перо.

Суждения Пика Артеева заставили меня, невзирая на редакторские и цензорские препоны, бережно, внимательно, с большой ответственностью отнестись к его творчеству.

В скором времени это заметил и сам автор – хозяин тундры. Завязалась между нами крепкая, братская дружба. Он часто писал письма, рукописи посыпал в редакцию журнала «Войыв кодзув» только на моё имя, а переводить на коми (если писал по-русски) я давал только одному сотруднику, которому верил. В письмах Артеев просил приехать посмотреть на жизнь оленеводов в преддверии нового тысячелетия, когда их быт, труд, обслуживание начали меняться к лучшему.

Надолго осталось в памяти посещение урочища у великолепных Вашуткинских озёр, откуда берёт исток река Адзыва. Спрятались эти творения природы меж высоких хребтов. Связываются водоёмы довольно широкими бурлящими протоками, текущими с верхних озёр в нижние между гранитными скалами, кое-где с водопадами, к матушке-реке Адзыве. Вода в них кристально чистая. В тихую, безветренную погоду на дне самых глубоких омутов камешки блестят как алмазы.

Под берегами проток, как на альпийских лугах, пасутся огромные стаи рыб – хариусов, нельмы, пеляди...

Не знаю, правда ли это, но от старых оленеводов слышал байки, что до революции приезжие купцы покупали рыбу, выловленную только из Вашуткинских озёр, и ниоткуда более. Да ещё и платили, не скупясь. Эту рыбу купцы вывозили в Петербург и продавали в самые изысканные рестораны столицы.

Сейчас рыбные запасы повсеместно пошли на убыль. Сократились косяки нельмы и на Вашуткинских озёрах. Браконьеры ловят ценную рыбу длинными карроновыми сетями, увозят бочками на вездеходах, вертолётах.

Караль совхоза размещён рядом с Вашуткинскими озёрами, на истоке реки Адзьва. В начале сентября нас, десять человек (ремонтников караля, других рабочих, в их числе и меня), вертолёт доставил к стойбищу, куда через несколько дней должно прибыть стадо оленей из Большеземельской тундры. Вертолёт улетел, а мы остались посреди тундры.

«Приветствовали» нас свирепый, ничем не удерживаемый, сшибающий с ног ветер да холодный дождь, который в эту пору льёт беспрестанно, сутками. Под брезент уложили весь груз с вертолёта, пожитки... К вечеру ветер усилился. Не было возможности установить палатки.

Как выводок неоперившихся утят мы зарылись под брезент. Беспрестанно ливший дождь образовал на брезенте озеро, свинцом прижавшее нас к мокрой земле. Одежда насквозь промокла. Но тундровики, к такой по-

---

годе привыкшие, не унывали, не кляли небесных богов, рассказывали байки – кто во что горазд.

Но и в тундре бывает затишье. Установили палатки. В одной через мокоту* струйкой стал пробиваться дымок – затопили чугунную буржуйку. Живём, значит! Горячий обед!

И началась тундровая, отшельническая жизнь. Управляющий Артеев каждое утро и вечер включал радио, звал к каралю разбросанные по тундре одиночные чумы. Но оленеводы не спешили. «Лето, – сообщали, – было жаркое, много было оводов, олени плохо кормились, бегали по каменистым увалам, заболели «копыткой». Ждём, когда у животных укрепятся копыта, тогда и двинем стадо к каралю».

Что нам делать? В погожие дни ходили на озеро ловить рыбу. Рыба – на завтрак, рыба – на обед, рыба – на ужин, причём отборная – пелядь, сиг. Брали только крупную. Вначале обедались жирной вкусной рыбой – давно такого деликатеса не пробовали. А неделю – десяток дней спустя рыба так опротивела, что на еду посмотришь – тошнит.

Одному повару это было на руку – дрова! Сырой хворост он вязанками таскал на спине за километр. Растили-ка его?! Ну, растопил, а вязанка хвороста – на десять минут! Вода закипела – бросил увесистые тушки в кипяток, рыбы глаза побелели – рыба сварилась. Обед готов.

---

* мокота – отверстие на самом верху конуса чума для выхода печного дыма.

Рыбу ели неохотно, но вынужденно. Работать в карале каждый день под дождём, а потом спать в сырой, холодной палатке – без еды никак не обойтись. Это понимал каждый. Когда повар утром клал перед рабочими отличные рыбины, у всех отвращённо дёргались щёки, но свою порцию каждый съедал полностью.

Я заметил, что эта еда для них была такой же тяжёлой работой, как и ремонт ограждения караля под непрерывно моросящим дождём. Но люди исполняли работу добросовестно даже за столом – всё съедали. В этом, как тогда я уразумел, чувствовался стойкий характер моих новых друзей. Надо? Значит, надо! Работу в карале закончить до прихода стада надо обязательно, стало быть, и есть нужно! А что есть? Что повар подаст. Чем богата тундра – то и на столе.

Тундра! Большеземельская тундра! Под ветрами, осенними дождями – и Вашуткинские озёра. Ночи становились всё прохладнее, а днём – холодный дождь с Царства Небесного. Мне, хотя и родился в Большеземельской тундре, но успел акклиматизироваться в Ухте, а потом и в Сыктывкаре, климат в голой тундре уже был неподходящим. Вскоре я стал самым громким квартрантом сырой, холодной палатки: чихал, кашлял...

Вот в эти тягостные часы, когда за пологом палатки чёрная-чёрная мгла, у меня, уже заболевшего, возникла мысль: «Как было бы хорошо, если бы вместо этих дырявых палаток построили на косогоре землянку с чугунной печкой! Да, и была бы ещё баня с парилкой! Оленеводам за лето хотя бы один-два раза помыться в баньке, пропарить натруженные кости, на время ос-

---

вободиться от зуда комариных укусов». С чем я и поделился с управляющим.

— Дельную мысль подсказал, Егор Васильевич, — согласился со мной Пик Герасимович. — Но до этого надо дожить. У нас нет ещё возможности — очень дорого обойдётся доставка материалов с Большой Земли на вертолёте. Оленеводство немалый доход приносит совхозу, но деревенские фермы (коровники) и прочие расходы всю прибыль как на пожаре пожирают.

Кстати, из числа пастухов, ремонтников караля никто не жаловался ни на неудобства, ни на тяготы тундровой жизни. Один, уже в возрасте, оленевод, который за всю свою жизнь не знал, что такое простуда, грипп, мне напрямую отрезал:

— Государству не нужны такие люди, которые только и пекутся о своём здоровье.

Я ответил ему общей фразой, которую твердили ещё в школе, а затем в институте:

— В нашем обществе самой большой ценностью является человек, его здоровье.

Простудный кашель довёл меня до постели. Я уже не выходил на ремонт караля. Не стал дожидаться тысячных стад Артеева. Лежать на мокрой постели, на тундровом мху — заработать пневмонию. И первым же попутным вертолётом улетел в Печору...

В моей папке хранятся письма Пика Герасимовича, присланные в редакцию журнала «Войвыв кодзув» на моё имя. Письма он писал на русском языке, а иногда и на коми. Сообщения доказывают, насколько Артеев

был неравнодушным к делу всей его жизни, к родной земле. Эти письма дороги мне.

Жаловался хозяин тундры: «Не хватает времени на всё». И добавлял: «Были бы две жизни, одну посвятил бы оленеводству, а вторую без колебания посвятил бы литературе, писал бы, выпускал книги, а отдушиной была бы охота – просто отдых на природе».

О его отношении к трудной, круглогодичной оленеводческой работе, литературному труду и дружбе, человеколюбию – в нескольких письмах, адресованных мне. Воспроизвожу их с некоторыми сокращениями.

«Егор Васильевич!

Получил твоё письмо, очень обрадовался. Спасибо за письмо и что перевёл рассказы. В «Войвыв кодзув» послал фотокарточку... Я получаю все новые книги коми авторов, с удовольствием читаю. Сам написал один рассказ – «В карьере», наметил ещё два, но дело идёт медленно, заедает ежедневная суэта.

Год по оленеводству закончили неплохо. Сейчас идёт зимовка и пока сносно. Два раза на «Буране» ездил в чум. Холодно.

В наши края не собираешься ли? Давай осенью прилетай в Вашуткино и дождись оленеводов, палатку утеплим...

Вл. Полов (гл. редактор) собирался всунуть пару моих рассказов в какой-то сборник. Не получилось? Найди время и черкни пару слов».

В конце письма речь идёт о сборнике «Парма гор», в котором публикуются произведения моло-

---

дых авторов. В альманахе вышли также и рассказы П. Артеева.

«Е.В., «Войвыв кодзув» с рассказами получил. Большое тебе спасибо за перевод и мужикам спасибо. Высылаю на твоё усмотрение ещё два рассказа. Е.В., пойми правильно, вся эта писанина моя теперь не – не то и не так. Знаю, но мне это сейчас нужно как свежий воздух.

Как твои личные дела – скоро ли закончишь то, что пишешь? Я тебе немного даже завидую – ты можешь засесть за стол и писать, писать, обо всём забыв, а моя голова и наяву, и во сне забита одним – как заставить моих яранов работать осознанно, по велению сердца, в полную силу...».

Наши северные соседи, оленеводы-ненцы, считают себя яранами. В письме Пик Артеев своих оленеводов тоже называет яранами. Этим он подчёркивает схожие жизненные условия ненецких оленеводов и коми.

«Егор Васильевич!

Я тебе писал, но ответа не получил. Может, письмо не дошло, а может, ты был сильно занят. Однако решил черкнуть пару слов. На днях я сделал удивительное открытие – одна женщина похвалила последние два мои рассказа в «В.К.», которые ты перевёл. Я пришёл домой, перечитал рассказы и, честное слово, так понравились они мне на коми языке, что в прекрасном настроении сейчас ешё хожу. Ты не думай, пожалуйста, что пишу это ради комплимента. Я на комплименты ужасно склонен. Это точно так. Ты так и не написал, что пишешь и когда закончишь.

В мае полечу в Колва-ты на пересчёт оленей, а в июне на недельку возвращаюсь домой и – обратно в тундру. Водным путём везём туда два домика, так что с жильём будет нормально. Можешь прилететь в Колва-ты осенью...».

«*Егор Васильевич!*

Получил твоё душесогревающее, юморное письмо. Помсиялся от души. Альманах «Парма гор» выслала мне из Сыктывкара моя дочь Оля. Обрадовала меня книга! Оказывается, труд литератора ценится – получил по почте гонорар 82 рубля. Хотя моя средняя зарплата 500-600 рублей в месяц. Передай большое спасибо Вл. Попову. Пишу редко...

Оленеводческие дела в этом году неплохие. Боюсь весны. Мои яраны гостят дома, пьют перед долгой разлукой – выходом в тундру с таянием снегов, на всё лето и осень (с мая до...декабря), но оленей на лесных ягелях пасут, не жалуюсь.

Приезжай, когда сможешь. Дорогу оплачу. Очень хочется увидеться».

Думаю, и последнее письмо что-то мне приоткроет в характере Пика Герасимовича.

«*Егор Васильевич!*

Нашёл время черкнуть несколько слов. Жизнь оленеводов идёт своим чередом. Яраны усиленно готовятся к выходу в тундру. Покупают продукты, укладывают нарты. Жалуются, что на «посошок» водку не даю. Погода пока благоприятствует. Вчера ездил на «Буране» в одиннадцатую бригаду. Кое-кого одёрнул за то, что в ответственный момент выхо-

---

да были с алкогольным запахом, не совсем тверды на ногах.

В Колва-ты я каждую весну стараюсь выйти со стадом в одно и то же время, день-в-день, в середине мая. Можем встретиться, если приедешь.

В эту осень в Вашуткино не собираюсь. Выхожу в отпуск, буду искать подходящее охотничье угодье и поставлю там избушку. Обустрою её и в дальнейшем в Вашуткино уже не буду ездить. Весь сентябрь планирую охотничать в своём новом уроцище. Будет время, можешь когда-нибудь приехать и ты. Вместе поохотимся.

Егор Васильевич, посылаю три новых этюда. Помести, на что они годны. Когда-нибудь опять дай о себе знать, отзовись, поедешь ли в Колва-ты?

Всем приветы. 10.04.1987 г. П.Артееев».

Я потом так ни разу и не съездил на Колва-ты ни осенью, ни весной. Не был повторно и в Вашуткино. Нет, не напугали меня ни холод, ни изнуряющий слякотный дождь в тундре. Подумал: мы ещё молоды, а значит, – впереди ещё уйма встреч. Выберу время такое, чтобы это не было «здравствуй-прощай». Лелеял в мечтах долго-долго пожить в одном чуме с другом детства, тундровиком (оба мы тундровики) Пиком Герасимовичем Артееевым. Но... времени-то, оказывается, осталось всего с ноготь... Каплями воды протекло оно между пальцами, до последней.

Ещё несколько лет назад мы с Артееевым написали очерк об оленеводах, об их нуждах. Очень жаль, что в своё время не опубликовали. Острота пробле-

мы, что мы подняли в этом очерке, не угасла, а ещё ярче обозначилась на судьбах и быте оленеводов-тундровиков. Об этом люди должны знать. Оленина подаётся на стол только в изысканных ресторанах и большим чиновникам.

Пик Герасимович уже умер. Дорогой мой друг! Рано остановились часы твоей жизни. В пятьдесят лет ты оставил освоенные тобой и полюбившиеся огромные просторы Большеземельской тундры, оленеводов, с которыми спасал вверенные тебе стада от волков и двуно-гих хищников-зверей, оставил своих верных друзей-то-варищей.

Знаю, мои слова уже не дойдут до твоих ушей. Но всё же от себя и от твоих добрых друзей хочу сказать: и в деревне, где ты жил, и оленеводы – молодые и старые – будут хранить о тебе добрую память долго-долго.

Егор РОЧЕВ,
член Союза писателей России.
(Журнал «Войвыв кодзув» № 4, 1988 г.).

ПЫЖИКОВАЯ ШАПКА

Пик Герасимович с Егором Рочевым были давними друзьями. Артеев печатался в журнале «Войвыв кодзув» уже года четыре. Изредка и в Сыктывкар приезжал. Заходил в Дом печати. Встречи отмечали в узком кругу. Оленину и рыбу пробовали. Деликатес.

Однажды Пик Герасимович появился у нас, когда Егора Рочева не было. Творческий день. Но в редакции люди были: поэт Николай Щукин, ещё кто-то – то ли заместитель редактора Алексей Попов, – возможно, ещё кто.

Вышли. Спустились аж до первого этажа.

– Алексей Серафимович... Вот... Подарок принёс...

– Какой? За что?

– А ты мои рассказы переводишь на коми язык.

– С удовольствием делаю это. Пишите больше.

– На... Это тебе...

– Что?

– Пыжик на шапку...

– Пик Герасимович, не возьму! Юшкову отдайте – он вас нашёл.

– Нет... Я тебе подарок принёс... Бери!

Препирались. Пришлось взять.

Шапку из пыжика (добротно сшили) носил лет пять.

Такая мягкая, тёплая, модная.

Ну, что добавить к этому? За добро человек платил десятикратным добром! В 80-х годах прошлого века такие шапки были на вес золота!

Алексей ОДИНЦОВ,

член Союза писателей России,

редактор отдела редакции журнала «Войвыв кодзув».

ПОСЛЕДНИЙ РОМАНТИК ТУНДРЫ

*Слово о судьбе потомственного оленевода
из деревни Новикбож на Печоре-реке*

В моём редакторском дневнике упомянута одна из апельских публикаций 1980 года журналиста газеты «Усинская новь» Олега Вахрушева, возглавлявшего литературное объединение (сокращённо – ЛИТО) при редакции. Он писал: «Высокую оценку в Союзе писателей Коми АССР получила проза Пика Артеева, управляющего оленеводческим отделением совхоза «Усть-Усинский». Его рассказы «Хранитель печали», «Враги» («Разлад»), «Серебряные зеркала», напечатанные в районке, рекомендованы для публикации в литературно-художественном журнале «Север».

Начинающий прозаик подавал немалые надежды. Мне посчастливилось «открыть» этого деревенского романтика для литературной страницы «Усинской нови», будучи её редактором во второй половине 70-х годов прошлого века, и для других изданий, включая республиканский литературно-художественный журнал «Войвыв кодзув», коллективные сборники прозы и поэзии. В начале 80-го, узнав о предстоящем недельном семинаре в Сыктывкаре для молодых прозаиков, я договорился с тогдашним председателем Союза писателей республики Геннадием Юшковым, чтобы пригласили и нашего оленевода.

Артеев возвратился из столицы окрылённым. Он впервые пообщался с профессиональными писателями, что позволило ему преодолеть провинциальную скованность, неуверенность, утвердиться в себе.

...К сожалению, Пика Герасимовича уже давно нет с нами. Однажды его сердце остановилось во сне. Он ушёл в пору творческого взлёта, на 51-м году жизни, оставив

после себя какое-то количество литературных заготовок и около двух десятков публикаций различного формата, включая рассказы, напечатанные в журнале «Войыв кодзув».

РОДОМ ИЗ НОВИКА

Главному оленеводу совхоза уже перевалило за сорок, когда увидели свет его первые рассказы, написанные задолго до этого. Творческое увлечение завладело выпускником Нарьян-Марского зооветтехникума ещё в 60-е годы. Он как-то признался в минуту откровения одному из друзей:

– Эх, если бы мы смогли выпускать журнал, я печатал бы в нём свои рассказы!

Молодой зоотехник, назначенный бригадиром животноводства, уже тогда искал отдушину душевным порывам. Они подпитывались колоритным деревенским укладом жизни, самобытностью местных жителей, яркой палитрой северной природы. Однако в силу скромности сельский любитель словесности не решался предложить какому-либо изданию свои первые литературные пробы.

Помог случай. Однажды один наш общий знакомый из республиканского Минсельхоза, профильный специалист, поведал мне о хобби провинциального коллеги. Мы оба в тот день оказались в совхозе «Усть-Усинский», каждый по своим делам. Будучи куратором оленеводства, он знакомился с результатами работы яранов. А меня пригласили прочитать лекцию о международном положении для аппарата управления совхоза.

Покончив с делами, решили заглянуть и в деревню Новикбож, где Артеев проживал с женой, сыном и двумя дочерьми. Тогда-то и довелось ознакомиться с рукописями Пика Герасимовича, обнаружившего несомненное

литературное дарование. Он передал мне несколько сочинений для публикации.

Кстати, размышляя о жизни и литературном творчестве Артеева, не могу преодолеть соблазн пересказать вкратце легенду о происхождении деревни Новикбож, передаваемую из поколения в поколение и имеющую отношение к предкам автора книги, которую вы держите в руках. При подготовке этого сборника мне прислали из Новикбожа 22-страничное краеведческое исследование 2006 года ученицы 11 класса Усть-Усинской средней школы Анжели Рочевой на тему «Человек и малая родина», посвящённое судьбе Пика Герасимовича.

По версии автора сочинения, более 225 лет назад в поселение Усть-Уса с верховьев реки Печоры приплыл солдат. История не сохранила его имени, за исключением прозвища – Новик*. Оно произошло от названия солдат-рекрутов, служивших во времена Петра Великого. Усть-усинцы направили солдата в живописное место на протоке реки Печоры. Новик выбрал для поселения невысокий берег с огромной раскидистой берёзой и решил срубить себе домик. Но жил здесь недолго, уплыл на лодке обратно вверх по Печоре.

Спустя некоторое время, вниз по реке Усе через болота шёл со своим стадом оленевод Игнатий Филиппов. Да случилась с ним страшная беда – утонули в болоте все его олени вместе с людьми. Чудом остались живы лишь Игнатий Алексеевич и его домочадцы, пришедшие в Усть-Усу. Отправили сельчане их на то же место, что и солдата. И сказали, что местечко называется Новик. Приплы-

* Новик – в Русском государстве 16-17 вв. молодой дворянин, впервые поступающий на службу./Новая иллюстрированная энциклопедия. Изд-во «Большая Российская энциклопедия». т.12, с.255.

ла семья на лодке к домику, сошёл Игнатий Алексеевич на берег и на сук берёзы повесил люльку со своим сыном. Так была основана деревня Новикбож. А протока была названа Новик шар. Таким образом, основателем деревни считается солдат по прозвищу Новик, а основателем рода – оленевод Филиппов Игнатий Алексеевич.

Быстро росла и ширилась деревенька. Места благодатные да богатые оказались. Зимой новикбожцы ловили столько налима, что складывали его в поленница. Этот промысел был делом женщин и детей. Рыбу ловили специально изготовленным неводом. Сорную выкидывали, брали только белую и красную. Рыбины были так велики, что их поднимали на берег несколько человек. Мужчины занимались охотой на пушного зверя. Зимой меняли мех на муку и сахар.

Шли годы. Деревня разрасталась. И ныне в ней живут потомки Игната Филиппова. Люди работящие, честные. Многие из них прославили свою деревню далеко за пределами района и республики. Один из этих потомков – уроженец Новикбожа Пик Артееев, утверждает юный краевед Анжела Рочева.

Итак, что же представлял собой этот крепко сбитый коми мужик, потомственный оленевод, сочетающий в себе хозяйствственный прагматизм и творческий идеализм?

Впервые я увидел его в 76-м, за два года до упомянутой встречи, в непривычной для оленевода обстановке. Коммуниста Артеева вызвали на «ковёр» в Усинский райком КПСС по поводу допущенной им на работе дисциплинарной провинности. Кажется, от лишней рюмки не отказался и попал на глаза секретарю парткома хозяйства.

Он отрешённо внимал нотациям членов бюро райкома, не оправдывался, не опровергал доводы своего парторга.

Объявленный ему выговор высушал сдержанно, пообещав учесть взыскание.

Не помню, какие обстоятельства сопутствовали возникновению персонального дела. Возможно, производственные неурядицы. Ведь Артееву приходилось опекать оленеводство не «в белых перчатках». Работал в условиях, приближённых к экстремальным. Тундра – не прогулка по парку.

Жизнь яранов кочевая, постоянно подвергается испытаниям, риску в условиях Крайнего Севера. Зимой – глубокие снега, затяжные метели, низкие температуры, летом – гнус, дожди, холодные арктические ветры... А на управляющем ещё и ответственность за людей, их быт и безопасность, за сохранность многотысячного оленьего поголовья от воров и разгильдяев, голодных волчьих стай и алчных браконьеров, способных даже убить человека ради добычи, о чём Артеев с болью писал в своих рассказах.

Стрессы. Вот бывало и снимал напряжение рюмкой. Но особо не злоупотреблял. Директор совхоза Галактион Канев был спокоен за оленеводческое отделение. Управляющий был на месте, слышал надёжным хозяйственником.

Впрочем, мне довелось знать и другого Артеева. Не такого, каким впервые увидел его в райкоме. А раскрепощённого, в привычной для него среде: в общении с тундровиками, на связи с бригадирами у микрофона совхозной радио, в часы досуга на рыбалке, в семье или в обличье добродушного дядьки с пышными усами, походившего на героя из кинофильма «Кубанские казаки», когда гостил как-то у меня в Сыктывкаре. Непосредственного, открытого и временами задумчивого. В такие минуты мысли оленевода, видимо, переносились в мир его творческих грёз.

Пик Герасимович был среднего роста, плотного телосложения, с могучими покатыми плечами. Несмотря на мощную комплекцию, отличался спортивной проворностью в любом деле.

Детство провёл вдали от благ цивилизации – в тундре с родителями, мужал и в условиях натурального хозяйства на одном из печорских островов – Ига-ди – с богатой флорой и фауной, неподалёку от Новикбожа. Летом на тучных травах острова паслись колхозные овцы. Здесь тогда проживала семья Артеевых. Её глава Герасим Иванович был потомственным оленеводом.

Пик с юности промышлял рыбалкой и охотой. Позднее у него появилось ещё одно увлечение – тяжёлая атлетика, гиревой спорт. Повзрослев, участвовал в престижных состязаниях. Даже завоевал титул чемпиона республики по гиревому спорту в своей весовой категории.

Мне рассказывали, он был настолько силен, что поднимал с реки на крутой и высокий берег Печоры-реки две 38-литровые молочные фляги, наполненные водой. Если же учесть, что сама тара весила два десятка килограмма, ноша тянула под сто кило.

Как это бывает, с годами снял спортивные нагрузки. Начал прибавлять в весе, что позже аукнулось на сердце...

Словом, внешне этот полноватый мужчина не производил впечатление человека с чувствительной душой художника, тонким наблюдением, способностью заметить мелкие детали, что и характеризует творческую личность. Именно таким он предстаёт в своей прозе.

Артеев зарекомендовал себя не только знатоком проблем оленеводства, суровых нравов тундры, традиций, обычаям и уклада жизни яранов. Он показал себя и тонким психологом с душой лирика, внимательным наблюдателем жизни и поведения окружающих его людей, ценителем кра-

соты в их отношениях. Мог из множества человеческих поступков разглядеть то, чего не видят другие. И на основе этого сделать обобщения морально-этического характера, которые заставляют читателя задуматься о своей роли и месте среди людей. Тому пример – рассказы «Разлад», «...И помнится миг», «Белая чайка», «На закате», «Укор»...

Его отличал образный взгляд на северную природу, на характер своих героев. Скажем, не оставляют равнодушным мечтания Никиты из рассказа «Хранитель печали» о синих далях на Севере, куда каждую весну прилетают птицы с Юга? И за теми далями, предполагает мечтательный Никита, возможно, находится родина его предков.

Этой светлой грустью о синих далях пропитано всё повествование. Очевидно, и сам автор испытывает неизъяснимую потребность заглянуть за мерцающий горизонт, куда его манят воображение и неизбытный интерес к неизведанному, непознанному. Как, скажем, и романтичных исследователей загадочного оазиса среди вечных льдов Арктики, описанного академиком Обручевым в книге «Земля Санникова», или мифологической Атлантиды, которую упоминал Платон в своих сочинениях.

Только упорные и настойчивые способны дойти до желанной цели, утверждает деревенский сочинитель в рассказе «Серебряные зеркала», заявляя о своём кредо. Он и его спутник, пережив блуждания и отчаяние в многокилометровом болотном аду, всё же вышли к цели – к сотворённым природой трём крохотным хрустальным озерцам. «Лишь тому, кто ищет, открываются серебряные зеркала спасительной надежды».

В жизни много рутины, и это угнетало Пика Герасимовича. Уже публикуясь в журнале «Войвыв кодзув», он признавался своему литературному редактору Егору Рочеву: «Написал один рассказ, наметил ещё два, но дело идёт

медленно, заедает ежедневная суeta...». Поэтому искал уединения, тишины, чтобы отвлечься, окунуться в мир воображения и выплеснуть эмоции на бумагу. Как поэт или живописец в минуты вдохновения.

Почувствовав вкус к писательству, Артеев не был самонадеянным автором. Понимал, что его увлечение не должно превращаться в ремесленничество. Поэтому часто его не удовлетворяло написанное. Но он нуждался в творческом самовыражении как в глотке свежего воздуха.

СРЕДА ОБИТАНИЯ

Ясно, что Пик Герасимович не мог быть «рабом» только своего увлечения. Понимал pragmaticallyм умом, что и службу надлежит нести исправно, и о семье заботиться – дом держать в достатке, не лишая себя таких радостей, как общение с природой, охота, рыбалка...

Рыба всегда водилась в его доме: варёная, жареная, подсоленная, вяленая, мороженая... Поздней осенью занимался подлёдным ловом рыбы в тундровых озёрах, замораживал и привозил домой. На всю зиму. Крупную, с нежной мякотью, очень вкусную в любом виде.

Рыбачил и неподалёку от Новикбожа, на печорских озёрах. Напротив деревни река раздваивается, а через несколько километров оба русла соединяются, образуя достаточно протяжённый остров, именуемый Новик-ди.

Как-то я гостил у моего друга, и он пригласил меня на рыбалку. Сети поставил на одном из озёр ещё накануне. Мы переправились через протоку на остров, шли вглубь около километра. У водоёма извлекли из тайника резиновую лодку, накачали её и отправились выбирать сети.

Улов составил полтора ведра золотистых карасей. Аж дух перехватило от азарта! Я вызвался донести до берега

всю добычу в рюзаке, ощущая приятную тяжесть за плечами.

Кстати, тема рыбалки и охоты, столь любимых занятий, прослеживается и в ряде публикаций Пика Герасимовича. Рассказ «Кельчи-князь» об удачливом Никите из Колвы, промышлявшем с семьёй на озере Писе-ты. Он возглавлял семейную артель, которая жила рыбным промыслом, бережно относилась к флоре и фауне. И природа воздавала ей сторицей. Щедра она к тем, кто берёт не больше того, что она может дать, резюмирует автор рассказа.

Другое повествование об уникальном промысловике, непокорённом Степане, у которого парализованы ноги. Уже тридцать лет мыкается, но не сдаётся, удивляется Артеев. Семья в село перебралась, а он остался на заброшенной Вашуткинской фактории. Сильный духом человек. В нехитром быту сам о себе заботится. Воду в полиэтиленовом мешке ползком тащит вверх по круто му берегу реки. Лучший рыбак-охотник в заполярной тундре, хотя фактически без ног. До 80-ти песцов ловит за сезон. Рыбу тоннами сдаёт. Оленей держит, приучает ходить в упряжке. И всегда бодрый, в весёлом настроении.

Да и сам Артеев в молодости был удачливым охотником. Страстно любил промышлять гусей на озёрах или мелководье. Гусь – осторожная птица. Приходилось маскироваться и часами терпеливо ждать момента для выстрела, чтобы поразить цель наверняка. В то же время в моём герое «соперничали» два взаимоисключающих начала: охотничий азарт и некое ощущение вины перед природой, на красоту которой посягал.

Однажды подстрелил утку, заткнул за пояс и гордо пошагал по деревенской улице. Увидел сосед, похвалил за удачную охоту, а потом буркнул себе под нос: «Какую

красоту загубил!» – лицо потемнело. Ещё многие годы охотничал, но слова соседа не забыл, признавался Артеев в коротком рассказике «Укор».

Как-то раз Пик Герасимович пригласил меня в чум к оленеводам, зимующим неподалёку от центральной усадьбы – между Усть-Усой и Щельябожем. Мы отправились по белой целине на снегоходе. Лёгкий мартовский морозец не стал помехой. Солнце слепило глаза, и я не сразу увидел в перелеске конусообразное жилище яранов.

Чум осел в глубоком снегу, и на входе в него образовался уклон. Этим пользовались детишки. Они попросту въезжали во внутрь в сидячем положении. Четырёхлетний карапуз сделал это вообще без штанишек.

Я всполошился:

– Заболеет малыш!

Меня успокоили:

– Они привычные.

Внутри жилища топилась «буржуйка». По кольцу размещались лежаки, покрытые олеными шкурами. Было тепло и уютно. К такому быту в кочевьях тундровики привычны как мы к городским удобствам. В течение столетий был оленеводов мало изменился. За исключением таких атрибутов цивилизации, как рация или радиоприёмник на аккумуляторах.

Хозяева сразу же пригласили нас к чаю. К нему подали, естественно, водку и традиционную строганину с ржаным хлебом. А к обеду решили побаловать гостей своим фирменным блюдом. Забили важенку, освежевали, удерживая тушу на спине. При этом в её полости, как в корыте, накапливалась горячая кровь. Один из пастухов бросил туда горсть соли, размешал ножом – и блюдо готово. Именуется оно не-привычно – айбарч. Яраны отрезали полоски парного мяса, макали в кровяной «соус» и со смаком поедали.

Пригласили и нас к трапезе. Мой спутник присоединился к компании. Я отказался. Вид крови, капающей с пальцев и губ сотрапезников, вызвал у меня отнюдь не положительные ассоциации.

У Артеева есть незаконченное повествование «Хале-ты» с недописанной пятой главой. Это многостраничное произведение, больше похоже на серьёзный очерк. В нём описываются события в карале, где тоже упоминается своего рода ритуал поедания айбарча.

Позже я поинтересовался у Пика Герасимовича, почему столь живуч этот первобытный обычай.

— Если бы оленеводы не пили свежую кровь и не ели сырое мясо, они остались бы без зубов. От цынги. Ослаб бы и общий иммунитет к болезням, поскольку организм не получал бы необходимые ферменты, играющие важнейшую роль в обмене веществ, — объяснил мне управляющий.

Мы покидали яранов в тот солнечный мартовский день, зная, что с уходом снега они снимутся с «зимних квартир» и отправятся на Север, к Карскому морю — к синим далям, где животные будут нагуливать вес на летних пастбищах.

Судьба яранов и их подопечных постоянно занимала мысли Пика Герасимовича, что заметно и в его прозе. В упомянутом выше очерке «Хале-ты» автор в художественной форме сумел рассказать о проблемах и бедах совхозного оленеводства, которое возглавлял.

«Это база оленеводов,— пишет автор. — Осенью, во время забоя, здесь шумно, людно... Жизнь клокочет, ворочается, с одной стороны, бурно — кипит работа по просчёту, зооветобработке поголовья, забою оленей и вывозке продукции; с другой — пьяно, с головной болью, а иногда разгульно и весело. Недаром один опытный ветеринар гова-

---

ривал: кто провёл в оленеводстве несколько лет, тот многое знает, но кто при этом прошёл и через Хале-ты, тот знает всё. Считай, прошёл огонь, воду, медные трубы и все крутые повороты».

Как специалист, Артеев прекрасно знал все тонкости итоговой работы оленеводов за год, когда результат зависит от соблюдения сроков забоя. Чем раньше – тем лучше. Когда же время упущено, и по вине заготовителей также, забойное стадо теряет упитанность. Хозяйство терпит убытки. И не только.

Устами пастуха Николая Шабанова автор осуждает пьянство и разгильдяйство большинства яранов, порождающие хаос и преступное промедление в подготовке поголовья к забою и отгрузке деликатесной продукции заготовительным организациям. Ситуацией пользуются с выгодой для себя нечистые на руку люди, наживаясь на пристрастии оленеводов к «зелёному змию». Пастухи готовы отдать последнее ради спиртного. А некоторые идут даже на воровство. Забивают животных из чужого стада и продают на сторону за алкоголь.

Ещё страшнее беда – браконьеры. Об этом рассказ «Выстрелы в карьере», полный драматизма. Автор поведал о звериной дикости пришлых в тундру людей. Любители лёгкой наживы загнали в карьер отбившихся от основного стада оленей и хладнокровно застрелили все сорок семь животных. Затем сняли камыс с ног своих жертв, вырезали языки и вспороли животы важенкам...

Не без содрогания читаются такие строки: «Борис залез руками в ещё тёплое, дымящееся чрево животного, поверочал там и вытащил плод. – Губайдуллин, снимай пыжик, – он отбросил в сторону мокрец, скользкое тельце крохотного оленёнка, так и не увидевшего свет. А сам взялся за следующую важенку. Когда всё было закончено, за-

валили гравием туши, закидали кровь на площадке. Разделили между собой камыс, языки и пыжик...».

Впоследствии Бог покарал двоих браконьеров за содеянное. Один замёрз в тундре при очередном набеге на совхозных оленей, второго осудили. Третий, Борис, оказался хитрее своих подельников – остался безнаказанным...

Пик Герасимович воспринимал подобные чрезвычайные происшествия в оленеводстве как личную трагедию и делал всё от него зависящее, чтобы преступления не оставались безнаказанными.

Весной 76-го года районная газета сообщила о заявлении в райотдел милиции управляющего оленеводческим отделением совхоза «Усть-Усинский» Артеева. Во время перегона стада оленей на новые пастбища браконьеры застрелили вблизи Головных сооружений под Усинском около двадцати животных. Милиция возбудила уголовное дело. Виновные были найдены и привлечены к суду.

По сему чрезвычайному поводу руководство Минсельхоза республики направило в МВД и прокуратуру Коми АССР письма, которые мы обнародовали в газете. Министр Александр Давыдов резюмировал: подобные преступления крайне отрицательно сказываются на моральном состоянии пастухов и членов их семей. Многие оленеводы отказываются работать из-за страха перед браконьерами, готовыми на всё. Министр просил силовые органы принять решительные меры, исключающие такие трагедии.

Как известно, домашние олени доверчивы, подпускают к себе чужого человека. Чем и воспользовались пришлые люди с преступными намерениями. К сожалению, ни милиция, ни прокуратура так и не сумели остановить

отстрелы совхозных оленей, о чём просил министр. Законы тундры писаны не для алчных стервятников. К тому же не приставиши милиционера к каждому стаду.

Трудно не согласиться с Пиком Артееvым: с приходом в тундру геологов, буровиков, нефтяников нарушился традиционный уклад жизни оленеводов. В чумах поселились тревога и страх. В предисловии к очерку «Хале-ты» автор приводит факт убийства браконьерами яранов с семьями, чтобы овладеть оленями. И всё же он пытался завершить эту рукопись на оптимистической ноте...

Была в те времена и социальная причина разгула браконьерства, которая не оставалась секретом для управляющего отделением. Казалось бы, совхозы района располагали многотысячными стадами оленей (поголовье «Усть-Усинского» доходило до 22 тысяч и более). Мясо этих животных пользовалось большим спросом и считалось деликатесом. Однако магазины им не торговали. После ежегодного забоя оленей сырьё отправлялось на мясокомбинаты, а готовые изделия из деликатесного мяса – в столицы страны и за рубеж. При остром дефиците мясопродуктов находились любители оленины, которые добывали её преступным путём.

Уже после смерти Пика Герасимовича журнал «Вой-выв кодзув» напечатал одно из его последних произведений – очерк «Извилистые тропы». Автор в форме художественной публистики размышляет о переустройстве отрасли в будущем, включая быт, условия труда и обучение профессии оленевода с целью привлечения в тундру сельской молодёжи.

Не знаю, читал ли эту публикацию тогдашний руководитель Агропрома республики, но она актуальна и сегодня.

Многому задуманному Артееvым как в оленеводстве, так и на литературной стезе не суждено было осуществить-

ся. Возможно, он предчувствовал приближение конца. Даже человек сильной воли может надломиться, если рушатся идеалы, надежды – всё, чем жил. Неизвестно, какие мысли одолевали Пика Герасимовича в те последние месяцы, что ему отмерила жизнь, но он явно переживал душевный кризис.

В папке с несколькими рукописями, которую после кончины отца передала мне его дочь Оля, я нашёл рассказ «Будь выше» (в книге он публикуется под другим названием – «Спасение от... себя»). Сюжет этого повествования выпадает из общей канвы произведений Артеева. Речь идёт о неком В.П., который в полной душевной отрешённости и состоянии тяжёлой депрессии решил уйти из жизни. Взяв ружьё, В.П. с мрачной решимостью отправился в лесную глушь. Он уходил прочь из деревни, потому что «всё надоело, осточертело, впереди одна муть, грязь. Никакого просвета в дальнейшей жизни, ничего нового, неизведанного».

Хотя сама природа пытается удержать В.П. от трагического шага. «Печальное солнце бабьего лета мягким теплом ласкало всё окружающее... Тропинка вывела В.П. к ручейку с каменистым дном. Прозрачные струйки прохладной воды весело омывали камешки. Ненадоедливое солнце, бегущая по камням вода, багрянство сентябрьской листвы радовали бы раньше В.П., наполняя душу тихим счастьем, но сейчас он брёл и отмечал всё это как бы вторым сознанием. А главное – его существо было заполнено безысходной тоской».

Читаешь эти строки и представляешь человека, потерявшего смысл в жизни, некие социальные ориентиры. Но Пик Герасимович не слыл бы романтиком, заверши он повествование о душевных терзаниях своего героя на печальной ноте. В.П. всё же нашёл в себе силы

отказаться от трагического намерения. «Он вспомнил отца, который погиб в войну, будучи вдвое моложе теперешнего его. Так что это значит – отец отдал жизнь, чтобы отвоевать вот такую участь для своего единственного сына? Эта вроде бы простая мысль потрясла В.П.».

Вероятно, не случайно автор отказался от первоначального названия рукописи, озаглавив её иначе – «Будь выше». Он будто советует своему герою: будь выше малодушия, будь сильнее духом, в этом ищи спасение, как бы ни била тебя жизнь.

ЧТО ТАМ, ЗА СИНИМИ ДАЛЯМИ?

Проживая с мая 80-го в Сыктывкаре, я не терял связи с Новикбожем. Будучи по журналистским делам в Усинске, несколько раз заезжал в деревню. Поторапливал моего «крестника»:

– Где твои новые рассказы, этюды о природе?

Он виновато разводил руками:

– Пишу, когда выпадает время. Дела засасывают. Да и сердце начало пошаливать.

В последний раз мы виделись с ним, кажется, летом 86-го года в Сыктывкаре, куда он приезжал со старшей дочерью Олей. Был полон энергии. Отрастил пышные пшеничные усы. В цивильном костюме с галстуком и в шляпе он больше походил на уверенного в себе крупного начальника, нежели на озабоченного сельского хозяйственника.

Мог ли я тогда предполагать, что в последний развижу в живых этого добрейшего, бескорыстного человека, которому, по-моему, были чужды негативные эмоции, или он умел гасить их в себе. По признанию того же Галактиона Канева, Артеев был большой души человек, который умел находить общий язык со всеми. Вызывал

Редактор газеты «Усинская новь» Р.Бихэрт (первый слева) с П.Артееевым и пастухом-оленеводом совхоза «Усть-Усинский». Март 1980 года.

к себе уважение, с кем бы ни общался. Добавлю, что он был нежен и заботлив к детям, как и подобает любящему отцу. Говорили, что семья почитала Пика Герасимовича как Бога, потому что его заботу о ней и о достатке в доме никто не мог заменить.

В декабре 87-го мне позвонили из Усть-Усы и сообщили скорбную весть о скоропостижной кончине моего друга. Это произошло несколько недель спустя после его 50-летия. Я сразу же вылетел в Усинск, а оттуда на редакционной машине добрался до Новикбожа. Деревня замерла. Над домами висело морозное марево. На дворе под минус 50. Перехватывало дыхание.

Хоронили Пика Герасимовича всем селением. Голосили женщины. Мужики со скорбными лицами все три километра до кладбища, поочерёдно сменяя друг

друга, молча несли на плечах гроб с телом именитого земляка, удостоенного за трудовые заслуги ордена «Знак Почёта» и общественного признания. Так они выражали уважение своему умершему руководителю, которого почитали за справедливый нрав, честность и порядочность.

Пик Артеев нашёл свой последний приют рядом с родителями на песчаном бугорке деревенского погоста, за которым неподалеку проходит широкая Печора. А за ней – горизонт, синяя даль, к которой так стремился герой его рассказа «Хранитель печали» Никита, мечтавший отыскать родину своих предков.

Без сомнения, словами Никиты мой литературный «крестник» в образной форме пытался обозначить цель своих творческих исканий, к которой он упорно шёл, пока не остановилось сердце... Сердце человека незаурядного ума и энергии, последнего романтика тундры, который нашёл своё призвание не только в профессии оленевода, управлявшего большим хозяйством, но и на писательской стезе, где в будущем, возможно, его ждала литературная слава.

Жаль, что ему не суждено было до конца пройти этот путь.

Рейнгольд БИХЕРТ,
член Союза журналистов России.

РАССКАЗЫ И ОЧЕРКИ

ХРАНИТЕЛЬ ПЕЧАЛИ

Я стоял возле бугорка земли и вспоминал Никиту. Он был, что называется, мужик с чудинкой. В каждую нашу встречу мы беседовали с ним об одном и том же. Никита говорил: «Вот погоди. Я дострою старухе дом, предоставлю ей на закате лет полное благополучие – и выйду на пенсию. И обойдём мы тогда с тобой всю нашу тундру, весь Север. Ты пойдёшь со мной?». Он спрашивал так уверенно, будто дело это для нас двоих давно понятное, давно решённое. И я всегда соглашался. Невозможно было не согласиться – такие удивительные глаза были у него в те минуты. А он продолжал: «Пойдём весной. Тундра весной хороша. Весенние снега, вода в распадках – и та весёлая, а на сопках прямо из-под снега пробивается зелень. Солнце спокойное, смотрит на землю круглые сутки, и никто тогда не спит в тундре. Жизнь кипит и воздух полон птичьего гама. А дальше к Северу – синяя даль, а за этой далью снова даль, и тоже синяя. И человека тянет туда, как птицу».

После этих слов он обычно замолкал и молча смотрел куда-то за горизонт.

Однажды он сказал: «Орёл и лебедь весной летят на Север первыми. А почему? Потому что птицы эти –

самые несуетные, в них сохранилась самая большая печаль по синим далям».

И язык у Никиты с чудинкой был. Мечту он называл печалью, горизонт – далью, а толстое сучковатое бревно под своим окошком не иначе как «кряжем». И горизонт синим мог быть, по нему, только весною. Словом «синий» он определял своё самое заветное. «Синей порою» называл он нашу раннюю северную весну. С каждым приходом её Никита преображался – даже посматривать начинал как-то по-особому, загадочно. Бывало, напевает себе потихоньку, и слов у этой песенки нет, и мелодия известна лишь ему одному. И каждое утро выходил он спозаранку из дома, садился на свой «кряж» – встречать новый весенний день.

Строя планы наших будущих походов, Никита никогда не мечтал, сколько набьём мы дичи, наловим рыбы. И никогда не определял, до какой «дали» дойдём. По нему выходило, что мы просто будем идти. Долго идти за весной. А куда? Зачем? Но я не спрашивал об этом – знал, что его манила сама весна, манили дали. Всегда, всю его жизнь.

Иногда, слушая Никиту, я думал: весна с юга идёт, а он с восхищением смотрит на Север. Может, действительно предки наши жили где-то там, за далями, а в нас осталась неизъяснимая, подспудная «печаль» по древней родине, как в птицах? И Никита – один из хранителей этой печали?

Нет, он не был из пустого племени мечтателей-лебярок – справный был мужик. И в колхозе, и по дому споро, не хуже других работал, а отличала его от дру-

гих деревенских мужиков только эта вот «печаль» о синих далях, о весенних просторах.

Рассказывают, в войну он носил в кармане гимнастёрки пёрышко гуся-гуменника – память о покинутом поневоле Севере. У сердца носил. С этой памятью отбивал у врага советскую землю и по чужой пронёс её с честью – до победы.

В последние годы жил одной мечтой: побродить, наконец, по земле, не торопясь. Год назад достроил дом. Ладный дом получился, как задумал, – со всеми деревенскими удобствами – долго ещё думал жить Никита. Но вышло иначе – не судьба. Прошлой зимой получил свою первую пенсию, а вскоре крепко занемог...

Хоронили его в первый весенний день. Прекрасен был этот день. Уже пахли весною снега, задувал молодой ветерок и был пронзительно чист далёкий горизонт. «Синий день» – сказал бы Никита, если б мог его видеть. Остались после него дом для его старухи, кряж под окном, на котором он больше никогда не будет сидеть, да несбывшаяся печаль по синим далям.

...Я дотронулся рукой до холодной земли и повернулся к деревне. И в этот момент до меня донеслись странные звуки. Но они были знакомы до боли. То перекликались лебеди, покидая Север. Мне стало грустно. И вдруг, провожая глазами белые точки, я будто очнулся, словно бы понял впервые – они же вернутся!

То будет пронзительно синий день. Они появятся в синей дали белыми точками и радостным древним кличем будут приветствовать землю своих предков.

Землю, которая хранит теперь и Никиту.

СЕРЕБРЯНЫЕ ЗЕРКАЛА

Весь день мы с Игнатьичем месили болото и никак не могли выйти на единственную в этих местах тропку, неровная нить которой должна была привести нас к избушке. Игнатьич не раз ходил здесь раньше, и всё-таки мы заблудились.

Похожие друг на друга болотинки, бочажки и чахлые перелески сменялись бесконечно, а глаз никак не мог отыскать знакомые приметы. Безжалостное солнце, орды осатаневших комаров, неподвижность заполненного удушливыми испарениями воздуха, чавканье под ногами, едкий пот, заливающий глаза, и жажда сделали наши блуждания сплошной мукой. Мы едва не падали в булькающее, кишащее всевозможными тварями месиво. Воды было много, но всё наше человеческое существо противилось принимать эту застоявшуюся, пропахшую гнилью жидкость. Тело ныло, зудело, настенило от усталости.

Мы плелись по зыбунам, хватаясь за редкие немощные берёзки и, казалось, не будет конца нашему испытанию. Но вот мы выбрали, наконец, на сухой, поросший мраморным ягелем взгорок, свалились, как подко-

шенные, и долго лежали, не двигаясь, не говоря ни слова. Только слышалось ровное гудение гнуса. Не выдержав мучений жажды, я поднялся и решил напиться из лужи через подол рубахи, но Игнатьич остановил меня.

– Пойдём к серебряным зеркалам, – он указал в сторону небольшого островка, покрытого лиственницами, и добавил: – Я узнал это место. Оттуда в нашу сторону тропинка бежит, там и чаю напьёмся, отдохнём перед дорогой.

Серебряные зеркала... На совершенно сухом месте, под могучими лиственницами, среди оленевых мхов, лежали три небольших озерца, чуть продолговатые, с крепкими берегами. Их чаши в ожерелье сочных россыпей морошки были заполнены хрустально чистой, как ранняя утренняя росинка, водой. Три чаши, три изумительных озерца-росинки в нескольких метрах друг от друга...

Вода в них оказалась студёной. Она не стояла на месте, а еле заметно переливалась. Если отойти от воды на несколько шагов, эти крохотные водоёмы, отражавшие ровную белизну небес, и впрямь могли показаться сказочными зеркалами. Подойдя ближе, видишь, что они прозрачны и неглубоки, их дно покрыто крупным песком и усеяно осколками незнакомых мне ярких камней. Было трудно понять, как могла сохраняться эта первозданная чистота в болотном аду, который на десятки километров простирался вокруг.

Насладившись прохладным воздухом водоёмов, благодатным чаем, отдохнув в тени зелёно-бархатных

лиственниц, мы почувствовали в себе бодрость и силу и к ночи успели добраться до своего таёжного стана. Уходя, я захватил на память осколок камня со дна одного из этих озерцов – быть может, кусочек горы, которая высились здесь когда-то.

Много лет прошло с тех пор, всякого хватало в моей жизни – и радости были, и лиха испробовал, но не стёрло время память о том далёком дне. И когда порой наваливается на меня жизненная непогода – когда сердцу тошно и, кажется, не будет конца душевным мукам и не видит выхода отчаявшийся разум, – вспоминаю трудные километры болотных блужданий, наше отчаяние и неожиданный выход к девственным озерцам с их живительной влагой. И думаю: мы пришли к ним, потому что шли, потому что искали. Лишь тому, кто ищет, открываются серебряные зеркала спасительной надежды.

РАЗЛАД

Григорий Петрович, товарищ по работе, пригласил меня в одно ноябрьское воскресенье поохотиться на глухарей. Снег был ещё неглубок, и мы решили в субботу добраться на лошади до лесной избушки, переночевать там, а утром поохотиться на берегах небольшой речки.

Вечером, одетые в тёплые малицы и тобоки, мы погрузились в кошёвку и понеслись из деревни.

Григорий Петрович, мужчина зрелого возраста, был могуч, высок ростом. Белокурый, с мужественным воевым лицом, он был ещё хорош собою, что называется, «внушал». Работал в совхозе главным инженером. Его недавно перевели к нам из соседнего колхоза. Там Григорий Петрович тоже работал «главным» много лет. Но старый председатель вышел на пенсию, а с новым, Фёдором Матвеевичем, инженер что-то не поладил. Долго они тягались и, наконец, расстались.

Я не знал причины разлада. Григорий Петрович, хоть и не имел высшего образования, технику знал отлично ещё с войны – служил в технических частях. Да и с людьми умел договориться, а там, где надо, был властным и непреклонным. Но я успел заметить, что недисцип-

линированные работники, лодыри и пьяницы не очень-то его слушали. На собраниях, когда главный инженер разносил всяческих нарушителей, самые пустые из этих людей усмехались, а иногда и шептали чуть ли не восхищённо: «Ловок мужик, ой ловок!». Меня это всегда раздражало, но причина такого отношения к нашему новому инженеру была для меня пока не ясной.

Мы не взяли с собой сена и остановились на последнем совхозном лужке, чтобы запастись им. Жеребец ткнулся мордой в стог, громко фыркнул и замер.

— Что-то не жалует наш коняга этот стожок, — пробормотал Григорий Петрович.

Я вылез из кошёвки, приподнял пласт и, просунув руку как можно глубже, вытянул клок. Поднёс его к лицу — знакомого приятного духа не почувствовал. Зажгли спичку — сено оказалось бурым, гнилым, как и весь стог. Да и неудивительно — лето было дождливым.

Решили мы тогда заехать на луга соседнего колхоза — того самого, откуда перевёлся к нам Григорий Петрович. Скоро в темноте зачернел низкий, но широкий в боках зарод. «Что-то уж больно сытые зароды у Фёдора Матвеевича», — подумал я и вспомнил наши, высокие и узкие (чтоб ветер скорей сушил сено после дождей). Понял, что здесь хорошего сена достать ещё меньше надежды, чем у нас. Подъехали. Я разрыл сено — и сразу пахнуло от него июльским страдным днём. Подошёл и Григорий Петрович, подивился:

— Хоть сам жуй. Что у них другое лето было?

Через несколько минут радостным лаем встречали нас собаки Ивана Васильевича, хозяина лесной обите-

ли. Невысокий потолок, керосиновая лампа, немудрёная хозяйская утварь, теплынь и приветливый хозяин с чайником в руках – всё располагало, обещало нам тот неповторимый вечер, о каком многие недели мечтают охотники: неторопливую беседу об охоте, о старине, о жизни вдали от суеты, в предвкушении прекрасного дня на лоне природы.

Мы выпотрошили свои кошёлки, Иван Васильевич занёс несколько мёрзлых карасей, пару пеляди, и мы дружно принялись готовить ужин. Старик расспрашивал о деревенских новостях, а мы – о его отшельнической жизни.

– Перед смертью человека на природу тянет. Ослаб я сильно. А был, помните, конь... Вот бы поставить ещё баньку здесь – вспомните тогда меня, старика, как заедете, – говорил он, орудуя у печки.

Покончив со строганиной, Григорий Петрович сунул руку в мешок и, поблёскивая глазами, вытащил запотевшую бутылку. Мы заполняли стол снедью, готовясь к долгому и приятному ужину. Но неожиданно собачий лай заставил нас отложить его начало. Скрипнули под окном сани, и в избу ввалился Фёдор Матвеевич, председатель колхоза.

Я с интересом смотрел на Григория Петровича: как повлияет на него неожиданное появление давнего противника? Главный инженер стоял какой-то потухший. А гость тем временем скинул длинный и широкий совик, с каждым поздоровался за руку, весело и доверительно заглядывая в лицо. Когда он здоровался с Григорием Петровичем, глаза его на

мгновение внимательно сощурились, но остались спокойными.

Поначалу за столом шёл обычный для таких случаев разговор: про охоту, рыбалку, что вот неплохо бы забраться куда-нибудь в глушь да жить на природе, не терзая нервы мирской суетой... Но вот Григорий Петрович, очевидно, разгорячившись спиртным и осмелев, обратился к Фёдору Матвеевичу:

— Что, Матвеич, а ты всё ещё старого мнения обо мне? — при этом он улыбнулся насмешливо, но как-то натянуто.

Матвеич сразу посерёезнел, но есть не бросил, а потом неторопливо отвечал:

— Ты, Григорий Петрович, небось, думаешь, что выпил я вот тут с тобой — и вроде как уже одна компания? Ошибаешься. С тобой «на пару», да по-твоему я никогда не пил и не буду. Потому что мнение о тебе у меня старое и крепкое. И отношу я тебя к людям определённой категории.

— Интересно, к какой? — с вызовом, но всё-таки настороженно, спросил Григорий Петрович.

— К врагам своим, — веско и чётко выговорил председатель и, мгновение помедлив, поправился: — К нашим врагам. Вредитель ты советской власти. Всему, что нам дорого, — вредитель. Всему, чем фактически сам дорожишь.

Воцарилась неловкая тишина. И хотя Григорий Петрович, видимо, уже привык к таким разговорам с председателем, но было ясно, что до подобных резкостей дело ещё не доходило. Он судорожно проглотил кусок

мяса, вскочил и стал с шумом пить из ковша холодную воду. Председатель размешивал чай, и все его движения, лицо с лохматыми бровями выражали спокойствие и уверенность.

— Ну, а тебе известно, что этот вредитель в годы, когда ты ещё в школу бегал, за эту самую власть кровь проливал, с войны орден привёз и полдюжины медалей? — Григорий Петрович бросил ковш в ведро и впился глазами в председателя.

— И не сомневаюсь, что ты, если потребуется, ещё раз прольёшь за неё кровь, — невозмутимо ответил Фёдор Матвеевич. — А вот теперь послушай, в чём вред от таких людей, как ты. Говоришь, орден, медали... Но в том-то и беда, что ты заслуженный... Отсюда всё начинается. Вроде бы авторитетный организатор, бессменный руководитель. А не заметил ты, что двойную жизнь ведёшь. Одну — официальную, когда ты, так сказать, на службе. Даёшь распоряжения, кого-то проверяешь, наказываешь или хвалишь, ведёшь совещание и так далее. А вторая — это когда ты после того же собрания, где ругал пьяниц, сам валяешься, в стельку напившись, больничные листки берёшь после попоек, казённым транспортом для личных нужд как собственным распоряжаешься... Не буду перечислять все твои «безобидные» делишки — лучше меня знаешь.

Григорий Петрович хотел что-то сказать, задвигался, но Матвеич резанул рукой воздух: мол, погоди, не кончил ещё.

— Ты забыл, что на виду у людей обе твои линии. Сравнивая их, и твоей общественной жизни не верят,

потому кое-кто из самых бесшабашных и себе наглеть позволяет: а что – ему можно-де, а нам нельзя? Вот и получается, что ты и есть самый первый дезорганизатор. Власть наша стояла и стоять будет, но ты своим поведением ей подножку ставишь. Подумай об этом, если думать не разучился. Если совесть ещё осталась, – Фёдор Матвеевич пристально и уже без обычной своей доброжелательности посмотрел на Григория Петровича и стал вдруг торопливо одеваться.

– Да куда ты, постой, переговорим, – выдохнул Григорий Петрович.

Стали мы уговаривать председателя, на ночь ссыльаться. Но тот натянул совик, глянул весело и сказал:

– Луна уже поднялась. А у меня лошадь стоит запряжённая – надо съездить на заозёрные луга, там есть один неважнецкий переезд через ручей. Поедут завтра наши за сеном – как бы чего не вышло. Слетаю, посмотрю, а то завтра некогда будет – охота.

На следующее утро мы отправились в три разные стороны от избушки. Мы с Фёдором Матвеевичем надели лыжи, Григорий Петрович почему-то решил охотиться верхом. Он набросил на жеребца старый ватник и скоро скрылся в сосняке.

Долго я бродил по зимнему лесу. Мягкий снег скралывал редкие звуки, и лишь иногда нарушал тишину далёкий трудяга-дятел. Долго я бродил без результата, и только к полудню улыбнулось мне охотниче счастье. Над поляной, поросшей молодым сосняком, послышался шум крыльев. Птица шла низко: видно, кто-то из моих товарищей только что поднял её. Я выстрем-

лил. Глухарь дёрнулся в воздухе и, пролетев ещё несколько метров, рухнул на поляну. Поднимая его, я обратил внимание на свежую лыжню. Значит, Фёдор Матвеевич тут прошёл недавно. Пошёл я по этому следу, и удивило меня, что через определённые промежутки снег вдоль лыжни был раскопан до земли.

Вечером я спросил Фёдора Матвеевича, что он искал там, на большой поляне, – уж не грибы ли?

– Там наши олени пастища начинаются. Но эти места погорели когда-то, и мы уже давно сюда стада не гоняем – долго ведь ягель-то выздоравливает. А сегодня убедился я – через пару лет можно будет здесь оленей пасти, – объяснил председатель и, простившись, тронул отдохнувшего коня.

– Не человек, а колесо, везде поспевает, – улыбаясь одними глазами, восхитился Иван Васильевич. – И работает, и живёт мужик аппетитно. Давненько я Матвеича знаю. Глянешь на него – и хочется развернуть стариковские плечи... – Помолчал и, направляясь в избу, добавил: – Живой человек, живой.

Через некоторое время вернулся и мой спутник. Он устал ездить целый день на неосёдланной лошади. Хотя и взял Григорий Петрович одного глухаря, но был хмур и выглядел недовольным...

КЕЛЬЧИ-КНЯЗЬ

Прочитал я как-то хорошего писателя: мол, куда только не занесут ноги пьяного да охотника. Меня однажды охотничьи ноги занесли на обросшее елями, утыканное островками как румянный батон изюминками, большое озеро Писе-ты. Усталый, вышел я на берег, забрёл по камешнику по колено в озеро, с наслаждением окатил распаренное лицо и горло чистой, чуть голубоватой водой и всмотрелся вдаль озера.

Был августовский день. Прохладный ветерок еле рябил поверхность озера и приятно обдувал усталого ходока. Кустарники и березняки уже опахнулись осенним золотом и медью, ельники выделялись густой зеленью. И этот богатый покров небогатой растительности лесотундры, лесистые острова посередине озера придавали всей округе неповторимый вид.

На том берегу, в дальнем конце озера, темнела избушка. В мою сторону неторопливо продвигалась лодка, вернее две лодки. В передней виднелись три человеческие фигуры, а задняя шла пустая, привязанная бечёвкой к первой. Стая гагар время от времени несуетно погружалась вглубь озера между дву-

мя островами. Было тихо, безмолвно. Я присел на переплетение корней прибрежной ели и стал ждать приближения лодок.

Подгреблись. Женщина в чёрном, подпоясанном жакете, в цветастом платке на голове гребла вёслами, старик в накомарнике, по виду ненец, подгребал, а в середине лодки, на куче сухого ёщё невода, сидел коренастый, крепкий, лет сорока, с рыжеватыми усами и бородой, мужик с дымящейся самокруткой в мощной руке.

Представились, разговорились... Мужик назвал себя Никитой, на женщину кивнул – Анна, старик потерялся в улыбчивых морщинах – Ласей. Я шутливо спросил Никиту, почему он, здоровый мужик, сидит и дымит, а женщина и старик работают. Никита усмехнулся, а потом как неразумному объяснил:

– Старик подгребает – так не тяжёлая работа, под неё привычнее вспоминается прошлое... Я сижу, но я думаю... и этим всё сказано, как ты не понимаешь? А баба гребёт... так ведь... ей всё равно... пусть гребёт. – Никита смачно рассмеялся, мотнул в сторону Анны крепкой волосатой головой, весело подмигнул мне. Она кинула на него сочный, всепонимающий взгляд тридцатипятилетней женщины, чуть улыбнулась.

Решил остаться у Никиты. Они забросили тяжёлый невод, и я помог сделать тоню. Выбрали невод на берег – и мотня заворачивалась, заполненная до отказа крупной, серебристой сорогой. С трудом вытряхнули рыбу в пустую лодку. Сделали ёщё две тони – и боль-

шая деревянная лодка почти заполнилась трепещущей, отливающей разноцветьем рыбой.

— Серая рыба... пелядь и сиг позже пойдут. — Никита кивнул на лодку с рыбой. — Теперь всё это убрать надо. Рыба действительно была «серой» — сорога, окунь, щуки. Но какая рыба? Отборная — тридцатисантиметровые краснопёрые сороги, такой же длины горбачи-окуни, метровые, а то и больше, щуки. Про таких щук говорят — с мохом на лбу. Я никогда ни раньше, ни позже не видел столько крупной «серой» рыбы.

В избушке у Никиты оказались трое белоголовых детей: два мальчика и совсем ещё крохотная девочка. Первенцу было лет девять. Они во время рыббалки родителей оставались одни, старший не только смотрел за младшими, но к приезду взрослых готовил уху, чай.

Ветерок утих — навалилась несметная мошара, а рыбу надо было довести до конца: ошкерить, каждую тщательно вымыть и засолить. Я заметил, что пустой бочкотары было немного, а Никита говорил, что план вылова рыбы у него девять тонн. На это моё замечание он ответил, что у них не только бочек мало, но и соли нет.

— А как ты отсюда до деревни рыбу вывозишь? Ведь больше сотни километров наберётся, — спросил я.

— Беру у колхозных оленеводов ездовых оленей и няпоеем доставляю, — объяснил Никита. — А за выполнение плана не беспокоюсь, наловим... Соль есть на реке Колве, километрах в тридцати отсюда, — по болотам... Наношу, шея пока крепкая... А тара... навалю лес,

обтешу плахи, собью ящики, выложу их берестой... Вот и бочкотара.

Мы с Ласеем шкерили рыбу, Анна с детьми мыли её, а глава семьи, дымя неизменной самокруткой, солил. Я всё время думал о тяжёлом положении Никиты. А у него ни в движениях, ни в выражении лица, ни в словах не было никакого сомнения или неудовольствия своим положением. Как будто так всё и должно быть – и соли нет, и бочек нет, и улов самому же придётся доставлять до рыбпункта, а выполнить тяжёлый план по вылову надо – законы жёсткие.

– Вот уместим рыбу, побегу за солью... Пуда два раза приволоку. Раза три сбегаю – опять можно будет половить, – рассуждал Никита, свёртывая очередную самокрутку.

На другое утро, чуть свет, Никита отправляется за солью. Мне надо было в ту же сторону, и я увязался за ним. Мы месили чавкающую под ногами топь, воздух был наполнен болотным смрадом и несметным скопищем мошкарь. В накомарниках, обутые в голяны, зашнурованные и перевязанные, в больших рукавицах, перетянутых на запястьях шнурками, мы как могли спасались от вездесущих воздушных пиратов и, задыхаясь в душном болотном аду, брели как в кошмарном сне. В воздухе стоял непрерывный звон от мошек и поздних комаров, их было столько, что, казалось, платок подбрось, до земли не упадет.

Я брёл и уговаривал себя, что надо хоть через не могу выбраться из этого ада на простор, к реке. И с содроганием думал о том, что Никите надо будет окунуть-

ся в этот кошмар с тяжёлой ношей на спине и не раз, и не два.

Измученные и ошелепленные, мы добрались, наконец, до спасительного, прохладного каменистого берега реки. Встретили там троих геологов. Это были первые разведчики природных кладовых, встреченные в наших краях. Они уплыли при нас вниз по течению на резиновой лодке. Никита долго и сокрушённо возмущался на месте стоянки искателей по поводу учинённых ими, по его твёрдому убеждению, беспорядков, рассматривая окурки, обрывки газет, коробку из-под папирос, три пустые консервные банки. Он собрал всё это в ямку, покачал осуждающе головой и завалил аккуратно прибрежным камнем.

Там за кружкой блаженного чая он рассказывал, что на ближайших озёрах и болотах живут «хозяева», «лесные». Они иногда ревут пароходами, лают собаками, приводя в суеверный трепет редких обитателей этих мест.

Позже люди нашли нефть и газ в наших краях. А я и сейчас думаю, что Никита смутно догадывался об этом уже тогда, хотя и говорил о лесных и водяных обитателях.

Здесь мы расстались с Никитой, и встретил его я уже зимой в устье речки Хата-яги, впадающей в Колву. Он возвращался из деревни на камусовых лыжах к себе на Писе-ты. Никита ходил к председателю колхоза за сотню с лишним километров договариваться насчёт ездовых оленей для вывозки рыбы. Я спросил, выполнил ли он план вылова.

– С лихвой. Да и сейчас ещё ловим подлёдно.

– Кто же сейчас проверяет сети? Ты ведь в деревне был, – я уже знал, что Ласей умер.

– Баба с парнишкой, – невозмутимо промолвил он.

– Но сынишке-то учиться надо, уже декабрь на исходе, а пока ты его привезёшь в школу, февраль наступит... Отстанет он от сверстников совсем, – укорил его я.

– Дого-о-нит, – уверенно протянул Никита. – Если голова есть.

Помолчал, добавил как-то стеснительно, мягко:

– Вот несу гостинцы мальцам – две буханки хлеба и пару кило сахарного песку.

Я понимал и его стеснение, и довольство. Время было послевоенное, и обыкновенный кусок чёрствого чёрного хлеба, посыпанный обыкновенным сахарным песком, покажется неизбалованным детям Никиты лакомством и запомнится, возможно, на всю долгую и, в общем-то, в дальнейшем счастливую и сытую жизнь, как и у всех их сверстников.

Прошло много лет. Жизнь неузнаваемо изменилась, разительно преобразился и облик моего края. И там, где Никита когда-то тащился пешком с тяжёлым мешком груза на плечах, тянул бечевой деревянные лодки, вывозил на оленях выловленную рыбу, я проношуясь в удобной кабине автомашины, вездехода или пролетаю на вертолёте.

Но я всегда помню Никиту. Помню, что его называли Кельчи-князь, что значит Сорожий-князь. Так прозвали его люди не только за то, что он на Писе-ты ловил

много рыбы. Но и за то, что он крепко верил в собственные силы, и в справедливость своего разума, как и в силу и разум окружающих его людей. Поэтому план вылова и доставки рыбы для него, без всяких сомнений, подлежал выполнению. И он его выполнял, не ссылаясь ни на какие обстоятельства. А ещё помню Кельчи-князя за то, что он берёт не по указанию сверху, а по велению собственной совести, как само собой разумеющееся, и эту землю, и эти воды.

МБУК "Ижемская МБО

НЕПОКОРЁННЫЙ СТЕПАН

Золотой день сентября. Только что прилетели на вертолёте и стоим с мужиками около одного из домиков заброшенной фактории Вашуткино. Несколько пастухов-оленеводов, прилетевших раньше нас, разместились здесь в ожидании своих бригад. Перебрасываясь словами, посматриваем на озеро, на берегу которого стоят домики.

Вдруг с удивлением увидел мужика в ватнике и шапке-ушанке, который поднимался на четвереньках от воды по тропинке.

– Кто это? – спросил я.

– Степан, – ответил кто-то. – Воду тащит.

Человек в это время остановился и потянул за шнур полиэтиленовый мешочек с водой, лежащий на тропинке в двадцати метрах от него. Вода в мешочке перекачивалась, но не выливалась – шнур крепко захлестнул горловину.

– Что с его ногами?

– Отнялись... Уж лет тридцать вот так мыкается в этих краях.

– Чем же он занимается, с кем живёт?

— Рыбак-охотник он, — веско, без усмешки сказал по-жилой оленевод. — Да не простой. Лучший. До восьми-десяти песцов за сезон отлавливает. Тоннами рыбу сдаёт. А живёт... Семья у него порядочная. Но сейчас все в посёлке, даже жена. Он часто один остаётся.

Молодой пастух пошёл помочь Степану, а мы зашли в дом. Только сели за стол, со скрипом открылась дверь. Все оглянулись — в дверях появился Степан. По-оленеводчески подобрав ноги под себя, он упёрся кистями рук в пол и легко перебросил своё тело вперёд. Проделав два-три таких движения, оказался возле стола. Кто-то подставил табуретку. У меня в голове пронеслось: «Надо помочь ему забраться на табуретку». Но в следующее мгновение он без посторонней помощи ловко и быстро буквально взлетел на сиденье и, весело улыбаясь, за руку поздоровался с моими спутниками.

Повернувшись туловищем, он протянул мне руку. Это был мужчина лет под пятьдесят с добродушным круглым лицом и крепкими плечами. Но я только теперь поразился и до конца осознал трагедию этого человека: руки одновременно ему служили и ногами. Перевитые жгутами мышц огромные бурые кисти с тыльной стороны имели мощные нарости сухих мозолей. Видимо, Степан не пользовался при движении колодками как другие в таких случаях.

Степан весело оглядел наш стол:

— Чем же угощаетесь? Ну-ка, Лёнька, сходи к лодке и принеси пару хороших чиров. На Вашуткинских озёрах, чай, живём.

Достойно отметив прибытие на временную базу, мужики долго не вставали утром. А у меня не выходил из головы Степан. Поистине крепок человек духом, любовью своей к жизни. Не опустился он, не запил напропалую, как это иногда бывает с увечными. И живёт наравне с земляками. И не где-нибудь, а в сотнях вёрст от посёлка, от тёплого места, в тундре, за Полярным кругом — там, где и здоровый-то не каждый уживётся. Значит, особая в нём, истинно мужицкая связь с жизнью, с этими далями.

Ещё с вечера договорившись съездить на рыбалку, я пошёл к Степану, который жил в другом домике. Позавтракав в его избе, необычно опрятной для таких мест, направились к озеру. На берегу у Степана была сооружена пристань. Вроде обычного пирса — прямо с берега на вбитые в дно озера колья уложены толстые доски вровень с бортами лодки, которая покачивалась тут же.

— Отвязывай лодку и стой на месте, — сказал Степан.

А сам взял крючковатую палку, уже отполированную его руками, и на четвереньках направился к корме. Ухватившись одной рукой за борт, а другой при помощи палки опираясь в дно лодки, он опять же ловко перебросил себя прямо на заднее сиденье.

— Молодец, — вырвалось у меня невольно, но в то же время промелькнуло в голове: «А вдруг выйдет осечка — посколькунётся палка или заденет ногами о борт... Да если ещё один окажется?».

Целый день мы проплавали со Степаном по сказочно путанной системе Вашуткинских озёр среди строгих, но неповторимых тундровых сопок. Живописны и прекрасны озёра и их окрестности в тихую ясную погоду. Кажется, сама всемогущая природа специально создала этот неповторимый уголок, чтобы показать как гармонично может быть сочетание воды и земли даже в таком суровом краю, как тундра.

Плыvём по протоке, я держу ружьё, ожидая взлёта уток, а Степан осторожно направляет веслом наше плавательное средство.

– Говорят, ты зимой своих оленей сам пасёшь, а в прошлом году обучил к работе в упряжке неприрученного.

– Приспособился я к этому делу – пасти, ездить на оленях. И обучал необученных, – отвечал Степан, рассматривая свои могучие руки. – Очень просто. Сначала накину аркан на рога, потом подтяну к себе милейшего, свалю на снег, надену на него верёвочный недоуздок, привяжу к саням и через два-три дня, когда он намётт себе шею и обессилит, запрягу и поеду.

Глаза его при этом смеялись, но в то же время в них мелькнула грусть, они как бы говорили: «Сам понимаешь, как это трудно сделать. А я сделал и счастлив. И это для меня не маленькое счастье, а большое. Значит, я жив и не беспомощен, несмотря на свою ущербность – парализованные ноги».

Да, я понимал как трудно, почти невероятно в его положении вести жизнь рыбака, охотника, оленевода. Я бы, может быть, и не поверил, если бы сам ни уви-

дел. Вот он, Степан, со своим укладом жизни. Живой. Улыбающийся. Работающий.

После некоторого молчания он продолжил:

– На суще всё проще. Сложнее, когда дело связано с водой, – сесть в лодку или выйти на берег, когда это не около дома; поставить подвесной мотор или снять его с лодки. Тут уж без посторонней помощи трудно обойтись. Но ухитряюсь и здесь изловчиться, найти выход, если приспичит.

Я заметил, что Степан применяет множество всяких приспособлений: палок, крюков, подставок, верёвочек, мешков... При помощи одной только крючковатой палки за день он выполнил десяток различных действий: заходил в лодку, выходил из неё, подтягивал к себе за тетиву сетку при её осмотре. Столь оригинальное орудие труда служило ему как бы продолжением руки. Не сходя с места, он быстро и ловко проделывал множество операций.

Всё время был весел, шутил. Может быть, старался показать, что и ему неплохо жить на свете. И этой же весёлостью, балагурством заранее отмечал любую попытку проявления жалости к себе.

Но повседневное состояние Степана, видимо, было всё-таки иным. Нет, уныние, растерянность были ему не свойственны. Это подтверждает вся его жизнь. Но ему нередко приходилось жить наедине с природой. Такие люди обычно задумчивы, спокойны, любители порассуждать о смысле жизни. И это вскоре подтвердилось.

Уже подходя к берегу и перебирая мокрые сети в лодке, рыбак-охотник задумался, покачал крепкой сво-

ей головой и, оглядывая жёлто-изумрудные осенние сопки, глуховато заметил:

– Осень – это как благородная, богатая старость здорового человека, если прожил жизнь толково, ладно. Так и в природе. Осенью листья умрут и опадут, но перед смертью они красивы строгой красотой. Да, и сам знаешь, что в земле заложена новая жизнь...

На другой день за мной приехали на упряжке оленей, и я отправился в чум. Степан провожал меня. Крепко пожал мою ладонь своей могучей рукой. Просил ещё приезжать.

Мне больше не довелось встречать его, но с тех пор в памяти живут два образа. Величественные, богатые рыбой и дичью Вашуткинские озёра с окружающими их суровыми, но неповторимыми по строгой красоте и непокорёнными жестоким климатом землями. И образ Степана, увечного, но тоже непокорённого недугом, невзгодами повседневной жизни в экстремальных условиях Заполярья. Образ труженика, крепкого духом человека, влюблённого в жизнь и в этот суровый край, где он обрёл причал своей судьбы.

ЕВСЕЙ

Стоим мы на болоте. Возвращаемся с охоты, но чего-то случилось с нашим «Бураном». Евсей, небольшого роста, круглолицый, уже пожилой человек, и Елисей, лет под тридцать, высокого роста, крепкий, с темноватым лицом, чинят нашу «лошадку». Тихо сопя, они наклонились над снегоходом. А я бегаю вокруг – греюсь.

Елисей сокрушённо выдохнул:

– Ничего в природе не осталось: ни зверя, ни дичи, ни рыбы.

Евсей выпрямился и ворчливо заметил:

– Бесстыжий! Вооружился всякой техникой, навесил на себя пищали и как чёрная баня гоняешься в тайге за зверем, да к тому же ещё недоволен: мол, всё исчезло.

Темноволосый, с лицом словно пропитанным смольницей, в тёмном бараньем тулупчике, крепкий как бык Елисей действительно чем-то напоминает чёрную баню с такой же каменкой. Он теряется от такого ответа и опять молчит.

Сверху падает мокрый снег и промозглым холодом проникает под нашу тяжёлую сырую одежду. Было не-

уютно, давно уже урчит в животе, а у моих товарищей работа не ладится. Двигатель «Бурана» молчит. У меня и Елисея никакого настроения, но только никак не со-бьём Евселя. Он усердно ползал вокруг снегохода, ста-рался помочь Елисею: то подаст ему нужный ключ, то протянет чистую тряпочку, чтобы руки обтёр, то удру-жит зажжённой папироской.

Ну, хоть что ни делай, а все мы уже поняли: придёт-ся заночевать под ёлкой и обойтись без ужина. Ведь из припасов у нас всего-то осталось только несколько су-хариков. Не было ни чая, ни сахара.

Евсей вынул из саней топор и отправился к черне-ющему лесочку подготовить место на ночь.

Мы с Елисеем закрыли брезентом нашу «лошад-ку», постояли, с досадой плонули и невесело дви-нулись вслед за Евсеем. Тот не спеша копошился около костра. Утоптал снег под толстой ветвистой елью, постелил под ноги еловые лапки, приготовил всё для ночлега.

Снег перестал падать, стало тихо, появились ред-кие пока звёзды. Стал одолевать ночной холод. Но нам около костра было тепло, влажная одежда парила и сохла. Мы не спеша глотаем кипяток, закусывая суха-риками. Ждём утро. Нам тепло и хорошо не только от жаркого огня. Мы забыли про усталость и голод. И все-му причиной балагурство Евселя. Он всё время вспоми-нает про разные случаи из своей жизни, и не знаешь, где правда, а где вымысел.

— Ты давай рассказывай, как на войне действовал, — обращается к нему Елисей.

Евсей ненадолго замолкает, подбрасывает сухие ветки в костёр. Потом улыбается и, прищурив глаза, ведёт своё повествование дальше:

— Всякое бывало на войне. Вот однажды такой случай был. Воевал я тогда лётчиком-разведчиком на мальчишком самолёте «По-2». Как-то возвращаюсь на свой аэродром после разведки над немецкой территорией, от радости пою песни. Хорошие данные доставляю командиру — как не радоваться! Но что это? Оборачиваюсь назад и вижу: догоняет меня «Мессершмит». Спрятаться в воздухе некуда — под куст не залезешь и за камень не спрячешься. Ну, думаю, Евсей, коми парень, пришёл тебе конец. Даст тебе немец прикурить по всем статьям — у него и машина посильнее, да побыстрее твоей. Но умирать совсем неохота. Значит, надо найти выход из этого неприятного положения. А времени нет — противник за спиной. Но у чёрта, говорят, всегда есть два выхода. Если один не удастся, то второй где-то поблизости. А фриц уже рядом. Того и жди — срежет меня из пулемёта.

Летел я тогда над сверкающим куполом церкви да левой рукой ухватился за самый верхний крест. И стал вокруг креста крутиться на своём самолёте как бешеный бык на привязи. А сам всё время нажимаю на газ. У немца-то самолёт большой, поворачивает неуклюже — не может фашист приблизиться ко мне. Только-только проскочит мимо и опять начинает пристраиваться к моему хвосту. Но куда уж — я на своём юрком «По-2» кручуясь вокруг креста, руку не отпускаю — как будто привязанный.

Немцу, видно, досадно стало из-за своих неумелых атак. Занервничал, допустил оплошность при очередном заходе на цель, сорвался в штопор и врезался в землю... Я этого и ждал, оттолкнулся рукой от креста и полетел дальше – к своему аэродрому...

Евсей поправляет костёр, сдвигает головешки в кучу, а другой рукой укрывает лицо от огня. Лицо у него, кажется, из бронзы. Этот искрящийся вольный огонь да внутреннее веселье придают особый блеск лицу Евсея, делают его ещё более близким человеком. Он смотрит на меня улыбающимися глазами, потом поднимает голову к небу, к тихо мерцающим звёздам, и продолжает свой рассказ:

– Да-а, всякие дела бывали. Однажды был в разведке, и напали на меня немцы, а я один оказался. Стал бежать от них, а они – за мной. Бегу, бегу и никак не могу оторваться. Догоняют меня. Устал, глаза пот ест, отышатся не могу. Упал на колени, всего меня трясёт. Ну, думаю, конец тебе пришёл, товарищ Канев. Прощай, мой Коми край! Прощайте, коми бабоньки!

Собрался из последних сил и хотел в пропасть кинуться. И вдруг слышу позади на моём родном коми языке: «Хальт! Говорят тебе, остановись, сатана!».

Я сразу же споткнулся. Что это? Или с головой уже не всё в порядке, если ко мне немец на коми языке обратился? Повернул голову назад: мать моя родная! Все немцы – Каневы. Сразу же пришёл в себя. Ладно... хоть на моём родном языке говорят эти нелюди!..

Мы громко хохочем. Евсей не стал рассказывать, как целым и невредимым вышел из этой истории. Да мы и

не просим. Знаем, что Евсей может сутками вот так балагурить. Но потом он уже серьёзным голосом подвёл итог своим байкам:

– Хитрым и выносливым был немец, да не смог побороть русского солдата. Русский всё равно смог над ним верх взять.

– Ты же, Евсей, не русский сам, почему себя таким считаешь? – сквозь смех спрашивает Елисей.

– Все мы – русские: и коми, и русский, и армянин, и какой-нибудь селькуп, – а не так просто русские. Есть большая разница. Но только объяснить не смогу. Трудно это мне. Но сердцем чую, – тихо и строго отвечает Евсей и опять кидает в костёр сухие ветки.

Потом снова улыбается, и опять перед нами шутник-балагур, неунывающий, всё умеющий и ладно склонный Евсей.

– Стою однажды на перроне. Вдруг слышу, кто-то мягко трогает меня за плечо. Оборачиваюсь назад. Мать моя, матушка! За мной стоит Гитлер и улыбается. Чувствую: все волосы, которые на мне есть, встали дыбом от испуга. «Попал ты, парень, впросак, – думаю. – Теперь уже точно конец». А Гитлер, поганая рожа, вперился в меня и спрашивает: «Ты что, Канев, тоже здесь? Где находишься, чем занимаешься?».

Но я взял себя в руки. Дескать, в плену у вас, да вот в отпуск собрался, сейчас свой поезд жду. Наверное, поверил. Дальше спросить ничего не успел. Его поезд подошёл, и он зашёл в свой вагон. А потом через окно ещё раз помахал мне рукой, и нечистый отвёз куда-то.

то этого поганца. Чуть не подвёл меня дьявол. Я ведь тогда в разведке был...

У Елисея кружка с кипятком опрокинулась. Сам обеими руками схватился за живот, лёжа на еловых ветках, обессилел от смеха. Долго смеётся втроём и никак не можем успокоиться. Елисей снова наливает себе из чайника горячую воду и собирается пить, но только взглянув на Евсея, опять начинает трястись от смеха.

— Далеко ли ты дошёл на войне, видел ли хоть живого немца? — спрашивает Елисей, — уж очень язык у тебя вертлявый.

— На фронте дороги долгие и трудные. А немцев видал, Елисей, видал. Был и под фашистом, был и на фашисте, — отвечает Евсей. И непонятно, всерьёз ли говорит или шутит.

Так, за балагурством и шутками, незаметно проходит холодная зимняя ночь. Небо посветлело, а мы уже копошились у нашего «Бурана». Вскоре всё уладили и быстро доехали до дома.

После этого я как-то встретился с Евсеем в сельсовете. Там районный военный комиссар вручал ветеранам войны юбилейные медали. Председатель сельсовета и военный комиссар сидели за столом, перед ними по стойке смирно стоял Евсей в новой рубашке, в новом костюме, а на груди блестела новая медаль.

— Что же вы, Евсей Григорьевич, в такой день не надали другие свои награды. У вас же три боевых ордена и пять медалей, — говорил военком. — Чтобы прошёлся по селу и чтобы все увидели — это Евсей Григорьевич Канев, активный участник Великой Отечествен-

ной войны, старшина морской пехоты Северного флота, четырежды раненый, а сейчас ветеран труда, но всё ещё в трудах и заботах... Гордиться надо такой славной судьбой.

— Так жил не только я, сын коми охотника, но и другие. И сейчас живём неплохо, да часто вблизи не замечаем хорошего. А ордена и медали... может, изредка и надо их надевать, но самая большая награда — сегодняшняя возможность жить красиво и богато...

Евсей стоял около стола и не улыбался. И как будто совсем другими глазами я увидел его. Это был плотный, красивый и такой надёжный, свой человек.

Своим человеком он был и раньше, а внутреннюю основательность и надёжность его я увидел только сейчас, вдруг представив всю его прежнюю жизнь.

РОДОВА

Сидим на набережной южного городка и любуемся стоящими на рейде кораблями. Море могуче, но как-то нехотя ворочается и наваливается бледно-зелёными валами на окованный бетоном берег, ворча отходит и наваливается вновь.

Рядом молча думает о чём-то парень из припечорской деревни. Его опущенные между колен сильные, красивые руки, отливающее бронзой сухощавое лицо, длинное мускулистое тело дышат невозмутимым спокойствием. Но я знаю, что мой друг в состоянии показать накопленные в нём силу и ловкость единственным взрывным движением.

Мне нравится этот молодец, и я осторожно спрашиваю о его жизни и происхождении. Он коротко взглядывает на меня и неторопливо рассказывает о своём полуголодном житье-бытье в военную пору без отца и матери. Позже частенько усыплял голод тем, что собирал с колхозного картофельного поля прошлогодний «крахмал». А ещё позднее были уже относительно сытые дни в ремесленном училище.

– На нелёгкие годы пришлось детство, и если бы не отцом-матерью да дедом-бабкой заложенные внутренние крепость-запасы, не стал бы, может, и таким – езжу на довольно крупные спортивные соревнования, – ведь парень рассказал спокойно.

Скупая улыбка тронула его лицо, и сколько-то просидев молча, качнул головой и уже более весёлым тоном продолжил дальше:

– Мы люди что ли... Вот батька мой был мужик так мужик... Рослый, статный, с прекрасным лицом, сильный и как рысь проворный. Гармонист, песню и радость любил и... механик. Такой во все времена – первостатейный мужик... Бабка моя довольная рассказывала, что, уходя на войну, стоял он на палубе белого парохода и весело помахивал рукой, а когда судно стало отходить от берега, чуть ли не половина деревенских баб с воем полезла в реку, – сдержанно, но с какой-то нежностью улыбается мой друг.

Улыбаюсь и я.

Праздный народ чинно прохаживается по набережной. Два закоптелых трудяги-катера деловито выводят от пирса в открытое море огромный, прекрасный морской лайнер, похожий на аристократа в сравнении с буксирами.

– Дед мой, бондарь, старик Проны – он, друг мой, по сию пору в наших краях целая легенда, – продолжает Володя. – Высокий, прямой, как сейчас перед глазами, шествует куда-то посередине деревенской улицы без суety по своим делам... Встречный народ приветствует его серьёзно, пожилые – с обя-

зательным поклоном. С одними он очень достойно здоровается, сдержанно наклоняя голову, с другими – так себе, а на некоторых даже не посмотрит, пройдёт, как будто не замечая, – значит, считает старик таких людей пустыми, никчёмными. Навстречу хоть трактора-машины, хоть конные повозки – старик дорогу никому не уступает, на обочину не отходит, те сами его осторожно объезжают.

Строго и горд был старик Пронь, но крепко уважал человека, который был мастером по какому-нибудь ремеслу, кто работал много и умело, не жалея себя в труде крестьянском. Сам он работал топором самозабвенно, красиво и долго – до последних дней инструмент свой нехитрый держал в исправности и оберегал строго. Однажды сосед его, одногодок, пришёл спросить стамеску на время, и хотя жили они всю жизнь дружно бок о бок, дед Пронь отказал: «Если сильно надо, отведи вон старуху мою. Она с ногами, вернётся. А инструмент на сторону давать противно духу моему».

Хозяйство своё старик держал в порядке и старался от людей не отстать ни в чём, всего добивался своим трудом, старанием, заботливостью. Ещё в прошлые времена увидел он у крепких мужиков первые косильные машины, конные косилки. И душа загорелась. И хотя у чердынских купцов купить было не на что, он не пал духом... Взял острый топор, пару запасных лаптей, в котором каравай хлеба положил и по-старинному тракту из деревни в деревню пошагал в далёкий Город – так называли тогда Архангельск – деньги на жить. Видимо, доходил он до Города, потому что спус-

тя порядочно времени вернулся морем и привёз на зависть соседям новенькую косилку.

Я тоже слышал эту историю от старых людей и сказал об этом Володе.

– Ничего удивительного нет в том, что ты слышал про это... Случай редкий – и удивление, и какая-то гордость обуяли мужиков не только нашей деревни. А может, это просто легенда или мечта мужицкая дошла до нас. Всё может быть...

Мой собеседник задумался и продолжил после паузы:

– Ревностно стариk приглядывался сначала к сыну, а позже к внукам, следил за их статью и силой-мощью. Мой прадед Иван, отец старика Проня, тоже, рассказывают, был человек огромной мощи. Говорят, купеческий пароход на спор удержал за канат у берега... Не знаю, точно ли так было, может, тоже легенда, но стариk Пронь приидрчиво присматривался к внукам... У меня был старший брат, Петром звали, квёлый парнишка от рождения – мать застудила ещё в утробе. И вот какой жуткий разговор произошёл у Пронь-деда со своим сыном Степаном, моим отцом.

– Степан!

– Что, батя!

– Олёшку-то, может, забьём?

– Почему, батя? – поразился сын.

– Родову нашу, поколение наше испортит!

Володя поднял руку на уровень глаз, долго и внимательно рассматривал её, потом прервал молчание:

– Брательника моего звали Петром, а не Алексеем.

А Алёша самым никчёмным человеком в деревне, по понятиям деда, был. И вот внука за хилость не своим именем звал, а именем самого не подходящего по сердцу человека... Не радел стариk Пронь беднягу Петра, а меня вот с малолетства к себе приваживал, но никогда сильно-то не баловал... А Пётр усох в тяжёлые годы, сразу после матери... Привычки баловать ребятишек у деда никогда не было, а забота о них проявлялась тоже своеобразно – он давал возможность поработать топором ли, пилой ли, ножом ли... Долго жили мой дед и моя бабка. Она умерла под утро. Я заметил и разбудил старика:

– Дед! А дед! Бабка-то умерла!
– Э-хе-хе, – пробормотал стариk Пронь, повернулся на другой бок и продолжал спать крепче прежнего.

– А нечего и дивить старого – девяносто два года уже было ему. Но прожил после этого ещё лет пять. Перед смертью сходил на кладбище, пробыл там довольно долго на могиле старухи, а вечером попарился в бане и сказал, что этой ночью он, возможно, умрёт. Наказал, чтобы похоронили его по-людски возле старухи и при этом не уронили своей, то есть нашей, чести перед хорошими людьми... Как сказал стариk – так всё и вышло.

Мы долго сидим молча, смотрим на расхаживающих по набережной людей и думаем – каждый о своём. Море без устали ворочается и, кажется, хочет показать людям, что ему мало ещё и этих неохватных глазом просторов...

Порядочно времени пронеслось над землёй с тех пор. А всё вспоминаются деревенский мастеровой старик Пронь, его сын, весёлый и удалой человек с берегов Печоры Степан, который ушёл на большую войну на белом пароходе, да так и не вернулся. И их внук и сын Владимир, который работает в судоремонтных мастерских, и такой же ладный, красивый, сильный и работающий, как и его дед, и отец.

Всё это я вспомнил, когда проходил по улице моего родного города и увидел Володин портрет среди фотографий знатных моих земляков.

СПАСЕНИЕ ОТ... СЕБЯ

Выйдя по дороге из деревни, В.П. побрёл узенькой тропкой по косогору, не оглядываясь. Одной рукой он придерживал за ремень ружьё, заброшенное за плечо, в другой сжимал рукавицы. Полная душевная отрешённость овладела им, и В.П. даже казалось минутами, что это не он уходит прочь из деревни в лесную глушь, решив расстаться с жизнью вдали от людей, а кто-то другой. А он просто видит этого кого-то со стороны, понимает его состояние, его трагическое решение, но даже не пытается остановить, помешать. Всё надоело, осточертело, впереди одна муть, грязь. Никакого просвета в дальнейшей жизни, ничего нового, неизведанного.

Печальное солнце бабьего лета мягким, нежгучим теплом ласкало всё окружающее, но на горизонте надвигалась одинокая чёрная туча. Тропинка вывела В.П. к ручейку с каменистым дном. Прозрачные струйки прохладной воды весело омывали камешки. Ненадоедливое солнце, бегущая по камням вода, багрянство сентябрьской листвы радовали бы раньше В.П., наполняя душу тихим счастьем. Но сейчас он брёл и отмечал всё

это как бы вторым сознанием. А главное – основное его существо было заполнено мрачной, безысходной тоской.

Тропка запетляла вверх по ручью, обнажая корни близких деревьев, то пропадая за ними, то вновь зовуще появляясь. В.П. шагал по ней как в бредовом тумане и с удивлением охватывал сознанием всю свою жизнь. Как короток человеческий век, если возможно вот так – единственным мысленным взглядом – видеть всю свою прожитую до двух третей жизнь и представить осязаемо оставшуюся треть! И всё так знакомо – и прошедшее, и будущее – не только по личному опыту, но в основном по опыту бесчисленного множества прошедших по жизни до тебя и при тебе людей.

В.П. присел на могучие жгуты корней огромной ели, притулился плечом к её шершавому стволу. Ружьё тоже прислонил к дереву, решив дальше не уходить, а задуманное свершить здесь – вблизи милых когда-то сердцу светлого ручья и могучей ели. А туча, между тем, заслонила солнце, стало сумрачно, и это ещё сильнее наполняло душу тоской.

В.П. закрыл глаза и пытался представить подробно, как же всё-таки он дошёл до такой вот роковой минуты. Но вскоре мотнул головой, как бы отбрасывая все подробности. Главное в том, что были светлое детство, радужные мечты юности, уверенность в своих силах, в правоте своих действий в зрелые годы, была непоколебимая вера в доброту и правоту окружающих людей.

Но всё рухнуло, хотя и не в один день. Он увидел и испытал столько несправедливости, моральных пе-

регрузок, иногда какой-то бессмысленной жестокости одних людей по отношению к другим. И так изо дня в день, из года в год. В конце-концов пришёл к мысли, что светлые мечты о прекрасном сообществе вольных и развитых людей, видимо, просто миф и больше ничего; что люди злы по своей природе, и их не перевоспитать.

Небо потемнело, сверху обрушился поток воды, но В.П. не замечал уже ничего. Он потянулся к ружью, руки делали это машинально, а мысли неслись одна за другой. Что дальше? Крушение всего, чем жил, крахение надежд, идеалов?.. Значит, жизнь обернулась обманом.

Но тут он вспомнил отца, который погиб в войну, будучи вдвое моложе теперешнего его. Он тоже добровольно пошёл на смерть, хотя по состоянию здоровья мог остаться, и был бы, возможно, живым сейчас. Но он отправился на войну ради той самой жизни, которую прошёл после него его сын.

Так что же это значит – отец отдал жизнь, чтобы отвоевать такую вот участь для своего единственного сына? Эта вроде бы простая мысль потрясла В.П. Тут что-то не так, надо прокрутить события и выводы в обратную сторону.

Он старался представить отца, в общем-то физически не сильного, слабого здоровьем, в безмерной тяжести военных дорог и понял, как ему было тяжело. В этом и было спасение В.П. от поступка, который он задумал совершить...

НА ЗАКАТЕ

Вечер. Солнце идёт к закату. Мы сидим во дворе и лениво переговариваемся. Михаил Петрович, пожилой человек, мой сосед по квартире, больше думает о чём-то своём. Мы оба думаем. Так, просто. Может быть, закат солнца наводит на какие-то неясные мысли.

Прожит ещё один день. Что-то мы хотели сделать за этот день и многое сделали. Работали, волновались, торопились, а сейчас вот сидим и следим за солнцем, вернее – за временем. По ходу солнца мы видим бег времени, и каждый из нас притих.

Мы не одни во дворе. На дальней скамейке, под окнами, подолгу сидят ещё двое и смотрят на закат.

Алексей Павлович, старик лет восьмидесяти, ещё крепкий для своих лет, в сером плаще и в чёрной шляпе. Он проживает в соседнем доме и в хорошую погоду приходит сюда.

Анастасия Алексеевна живёт в нашем доме, на нижнем этаже. Это её окна, под которыми они сидят. Ей больше семидесяти лет, но выглядит много старше. Время жестоко отразилось на ней. Тощая, почернев-

шая, вся одетая в чёрное, она напоминает о неумолимости времени.

И вот они, два старых человека, сидят и тоже следят за солнцем. И оно ещё не зайдёт совсем за горизонт, а старики вынуждены будут подняться со своей скамейки и, попрощавшись, разойтись по домам.

Это так. Потому что напротив стоит огромный дровяной сарай и наводит на весь двор густую чёрную тень – старикам становится зябко, и они уходят, быть может, что-то недодумав.

Я ненавижу этот сарай, сбитый из тёмных гнилых досок, забитый дровами и всяким ненужным, заплесневелым хламом. Мне иногда хочется сжечь его и дать старикам возможность посидеть ещё, но это невозможно. Дрова и хлам не мои.

Михаил Петрович посмотрел на старииков, подымил папиросой, ещё раз взглянул и вздохнул:

– Да-а, жизнь...

Я понял, что он начнёт рассказывать историю Анастасии Алексеевны и Алексея Павловича. Да истории в общем-то никакой и не было.

Впервые они встретились, когда обоям не было и тридцати. Он, женатый, уже имел двоих детей. Она была замужем, но детей ей судьба не подарила. Оба были молодые, красивые и сильные. Весь городок знал их и любил за физическую и душевную красоту.

Они полюбили друг друга. Сильно. Страстно. Но было поздно. Они это понимали, и оттого было мучительнее. Они не бросились в объятия друг друга, не нарушили покоя своих семей – они были сильные люди.

И так всю долгую жизнь. И никто не догадывался об их молчаливой любви. Они так и не объяснились, старались никогда не встречаться наедине, а только на глазах людей. Но они любили и знали об этом оба.

Так и прошла жизнь. У неё недавно умер муж. У него умерла жена, давно разъехались дети. И вот в последнее время они тихо сидят на скамейке и о чём-то думают.

Но тайное, как говорится, становится явным. Все мы как-то узнали грустную правду об их жизни.

А Михаил Петрович неторопливо и монотонно всё рассказывает о несุразностях жизни, потом надолго замолкает.

А я слежу за солнцем. Оно одним краешком уже зашло за сарай – и тень тёмной полосой двинулась к нам.

Я посмотрел на старииков. Алексей Павлович встал и, чуть приподняв шляпу старческим движением, что-то сказал Анастасии Алексеевне. Потом повернулся и направился к своему дому.

Солнце уже почти спряталось за сарай, угрюмая тень которого через мгновение заполнит весь двор.

– Приходи завтра, Алексей Павлович, – доносится до нас голос старушки.

Я смотрю вслед старику и, мне очень хочется, чтобы завтра был солнечный день.

...И ПОМНИТСЯ МИГ

З а свою жизнь и голодным бывал, и сытым, как говорится, по горло. Раз, оголодав на лесном озере ещё пацаном, съел я добрый кусок быччьей шкуры, изжарив на костре. А в лучшие дни пробовал и красную икру, и чёрную, и рябчика жевал, и ещё многое кое-чего вкусного и сытного. Всякое было.

И женщин в жизни знал – не слабый был мужик.

А вот вспоминается часто кружка – именно кружка, а не миска – холодных макарон, поданная тёти Катей из деревенской столовой в не сытый пятидесятый год, чтобы я отнёс эту горсть макарон домой и там уже на пару с меньшим братом съел, а не один. И я относил, сгорая от нетерпения, и съедал свою половину, даже чуть меньше.

Брата давно нет – он умер в тот же год. А мы с тёти Катей живы, и она, скорее всего, не помнит, как подкармливала иногда маленьких изголодавшихся человечков. А я вспоминаю ни с того, ни с сего – вроде бы засела доброта человеческая где-то внутри на всю жизнь.

И помнится миг, когда в грозу и ливень мы бежали по приречному широкому песку с соседской пятнадцатилетней девушкой. Ни тогда, ни позже не проводили мы с ней вместе молодых долгих вечеров. Провожаясь она с другими парнями, стала позже женой другого хорошего человека. И я женат на другой хорошей женщине.

Много времени прошло, и она даже не помнит деревенского соседа – не здоровается при случайных встречах в городе. А у меня хранится где-то в закоулках сознания та картина: лето, сенокос в жаркий день, потом гроза, потоки тёплого дождя и она, задорно с восторгом бегущая по песку в обледившем её юное, но крепкое тело мокром ситцевом сарафанчике.

Откладывается, видимо, в копилку памяти истинно доброе, истинно чистое. Не растерять бы каждому из нас такое добро!

БЕЛАЯ ЧАЙКА

Сижу в каморке оленебойщиков, смотрю через окно на уличную непогоду. Очень может быть, что и пурга-то в этом году одна из последних. Хотя в тундре уже лето, середина июня, но в низинах ещё белеет снег. Собаки притащили к чуму оленины головы. Это заметили несколько чаек и грач, слетелись на падаль, жадно клюют, поругиваются.

Среди чаек выделялась одна, белоснежная, только крылья будто припудрены пеплом. Смотрю на птицу, любуюсь её красотой. Что-то ей не понравились соседки, ссориться стала, ворону напрочь прогнала, а потом и на братьев, сестёр накинулась. Ворона отлетела, села на жёрдочку, оттуда поругивается со сварливой чайкой...

Этот эпизод напомнил мне один случай, свидетелем которого я был. Красивая молодая дама беспрерывно ругалась в сельском магазине со стоящими в очереди женщинами. Во мне вспыхнула — нет — не злость, а скорее — жалость к той даме. Надо же, такую красоту губит эта злоба к окружающим людям! И было непонятно, как могут вместе существовать красота и злость?

УКОР

В молодости я был довольно удачливым охотником. Хвалили за это сверстники. И самому приятно, лестно было. С годами самовлюблённость выветрилась, но один случай и по сей день, хоть уже и волосы седыми стали, не могу забыть – не подвластен он времени.

Однажды ранним весенним утром возвращался с охоты домой. На поясе висел притороченный селезень. Его брачный наряд отливал зеркальной сизой синью. Гордо шагаю по центральной улице деревни. Мне очень хотелось, чтобы видели добычу моей удачной охоты как можно больше людей.

Уже подходя к дому, встретил соседа. Старичок хлопотал на своём подворье. Увидев меня, он поздравил с удачной охотой, полюбовался брачным нарядом селезня, а потом, горестно вздохнув, как бы про себя произнёс с укором: «Какую красоту загубил!..».

Давно уже ушёл в мир иной мой сосед. Ещё много лет бродил я с ружьём по лесным тропам. Не скрою, много счастливых мгновений пережил, которые со временем забылись, а вот горестный укор-реплику про загубленную красоту до сих пор помню.

Каждый человек стремится видеть вокруг себя прекрасное, но каждый же и чувствует красоту по-своему: один радуется как бы про себя, тайком, а другой – бурно, как весеннее половодье, и это врезается в память накрепко.

ПЕРЕД РАССВЕТОМ

Ночь была лунная, звёздная. Холодная стынь пронизывала колючими иглами всё вокруг, потрескивала в редких низкорослых сосенках. В мёртвенном свете луны чернели пасущиеся тут и там олени. По краю оленьей копанины сходились с разных сторон две упряжки. Это пастухи Авко-Миш и Шабанов объехали стадо и сошлись у сухостойного дерева, чтобы по греться у костра и погонять чаю. Не каждую ночь нынче пастухи выходят в ночное окарауливание стада, только когда появляются поблизости волки.

Упряжки сошлись, остановились. Пастухи, закуржавевшие на морозе, молча посидели на санях. Потом Шабанов бросил хорей в сторону, привязал вожжи, проговорил:

— Тихо пока... Ты, Михаил, стрельни из ракетницы на всякий случай пару раз, а я дрова соображу.

Ракета, хлопнув, ушла в неживое небо, осветила кругом всё ярким, но таким же неживым светом, разогнав голубые тени редких деревьев. Шабанов тюкал топором около сухостоя. Собаки, тоже закуржавевшие, зорко всматривались в сторону стада. Михаил выстрелил ещё раз и, пока не погасла ракета, стоял неподвижно с ракетницей в руке, прислушива-

ясь. Потом сунул ракетницу под амдёр, отвязал с передка саней закопчённый чайник и небольшой брентовский мешочек с продуктами.

— А не понравится зверине, что мы топчемся около стада... Может, уйдёт к соседям, — проговорил Михаил, набивая чайник сыпучим снегом.

Огонь весело затрещал сухими, не мёрзлыми дровами, понесло теплом, и сразу как бы всё ожило, повеселело. В чайнике снег растаял быстро, и Михаил пару раз добавлял крышкой снег. Шабанов накрошил мёрзлого мяса топором. Ожидая чай, ели осторожно, оттавивая кусочки во рту, заедали мёрзлым же хлебом.

— Зверя меньше стало — перебили с воздуха, и редко выходим в ночное окарауливание. А раньше, бывало, круглый год ночами около стада торчишь, а всё равно, чуть прозевал, резали сволочи десятками иногда за одну ночь, — говорил Михаил, заваривая чайник.

Шабанов подложил новых поленьев в костёр, выпрямился, потом присел на корточки, протягивая руки к огню, сощурился.

Разлили чай по кружкам и, устроившись на сухостоинах, стали пить небольшими глоточками, шумно отдуваясь. На морозе он казался особенно горячим, но макали мёрзлый хлеб, и чай быстро остывал. Тепло приятно разливалось по всему телу, проходила скованность. И хотелось двигаться, опять ехать куда-то в стылую ночь. Но сидели у жаркого огня, неторопливо говорили. Налили по второй кружке. Михаил выпустил ещё две ракеты подряд, постоял около упряжки, прислушиваясь, и успокоенный тишиной, подошёл к кост-

ру. Собаки, свернувшись, лежали – это тоже успокаивало.

– Зверь нынче поредел, хотя беспокойство и урон нам приносит... Но беда не в нём... Нефтяники нас с годами съедят: буровые и посёлки растут как грибы в подходящую погоду, везде дороги, а пастбища убывают... Да ещё сами не стали загонять стада на зимовку в дальние боры по Печоре с притоками. Скармливаем последний ягель в тундре, лесотундре. Выбиваются последние пастбища... Но и в леса не заходим тоже из-за строительства.

Михаил подбросил ещё дров в огонь, устроился на прежнее место и закончил:

– Недаром старики говорили, что зверя, рыбы не останется на земле, и внукам только по картинкам будем рассказывать про них... Так и с оленями будет. Ты, Шабанов, будешь рисовать оленя и говорить внуку, что были такие животные и ты их пас.

Авко-Миш рассмеялся и, шумно дуя в кружку, посмотрел на Николая.

Вдруг собаки вскочили и уставились в сторону стада. Пастухи насторожились, стали прислушиваться. Ни звука не слышно было. Собаки успокоились. Но Авко-Миш выстрелил ещё пару ракет.

– Не хочется верить в такие предсказания, Михаил... Да и не верю. Слишком мрачно такое будущее.... Не так просто загубить жизнь... Я заметил за эти годы как олени приспособливаются к окружающей среде. Не так уже боятся машин, дорог и кормиться начинают даже в зимнее время всем подряд: подснежной зеле-

нью, листвой ягодников, лиственной ветошью. Есть же где-то в Сибири такие олени – обходятся круглый год без ягеля. – Шабанов допил чай, покачал пустой кружкой, как бы взвешивая её, и сунул в мешочек с продуктами.

– Все кустарники и ягодники съедят... Тундра же кажется беспредельной только людям, не знающим её. А она даже тесновата, когда каждый уголок её оленевод знает и бережёт на особый случай. – Михаил тоже допил чай и убрал кружку.

– Всё в людях кроется... Научатся они пасти оленей и не при таких условиях. А технику, дороги будут использовать с толком и в оленеводческом деле да ещё будут посмеиваться над нашей с тобой дремучей дикостью – испугались нового. Сами мы боязливее наших оленей.

Шабанов собрал остатки чаепития в мешочек и пошёл к упряжке:

– Животные – они приспособительнее к жизни. А травы, кустарники растут каждое лето, руки дойдут – можно подсеивать, подкармливать их.

Покурили ещё около затухающего огня и собрались обхехать стадо. Звёзды стали гаснуть одна за другой – уже начинался рассвет...

Шабанов издали увидел стоявшую упряжку Михаила и его самого возле неглубокого ручья. Николай подъехал ближе и почувствовал что-то неладное. Возле распластанного на снегу оленя Михаил, нагибаясь, что-то рассматривал и безостановочно и однообразно матерился.

Растерзанная туша оленя была ещё не замёрзшей. Стали осматривать внимательно место ночных происшествия. Волк сделал своё дело толково, смело и аккуратно. Он подобрался к отдыхающему на лёжке оленю по ложбинке ручейка с подветренной стороны и настиг огромными прыжками свою жертву. Всё произошло быстро, и хотя ближние олени кинулись прочь, общей паники всего стада не произошло. В этот момент собаки пастухов и насторожились. Но дальше волк вёл себя осторожно. Он не погнался за остальными оленями, как обычно это делали в подобных случаях его сородичи, а расправился с одной жертвой.

Успокоилось стадо, успокоились и собаки – они не могли учゅять зверя, который предусмотрительно подобрался с подветренной стороны. И хотя люди стреляли сразу после этого дважды из ракетницы, опытный и смелый зверь не бросил свою добычу. Он насытился до отвала и только после этого удалился по тому же ручью. Но главное – поражало то, что зверь ведь по ракетам, следам, звукам, запаху знал, что стадо оленей охраняется людьми, но всё-таки выбрал удобный момент, удобное место и очень удачно, необыкновенно смело и осторожно напал на оленя. И не проявил из осторожности обычной своей кровожадности – не погнался за другими оленями. Он проучил пастухов за их извечную самоуверенность – раз мы здесь, зверь побоится напасть на стадо.

И теперь мужики отчаянно дымили папиросами, матерились искусно и лихорадочно соображали, как те-

перь оправдаться перед бригадиром, товарищами за такой явный промах.

– Этот Сядей как тадибей – он будто знал, что этой ночью обязательно нападёт зверь. Послал на дежурство двоих против обыкновения – и на тебе... Позор! – Авко-Миш сплюнул окурок и сразу начал мять пальцами новую папиросу.

– Ты, Михаил, оставайся тут и смотри за стадом. – Николай потянулся за хореем. – А я попытаюсь достать этого хитрована – брюхо у него тяжёлое нынче, да и снег ему неудобный... Авось нагоню.

Снег был в основном рыхлый и только местами задубелый. Николай погнал упряжку по ходу звериного следа. Видно было, что отяжелевший после кровавой трапезы волк тянулся трудно, глубоко увязая. Шабанов знал, что наглотавшийся по горло живого мяса зверь далеко не уйдёт, умостится где-нибудь в удобном месте на лёжку.

Так и случилось. Проехав около километра, он увидел длинное, как белесая лодка, тело уходившего зверя. Он явно направлялся к черневшему вдали лесочку. Шабановым овладела какая-то спокойная уверенность в том, что он добудет зверя. Извечный враг волка пастух кипел злобой, но был до удивления спокоен от сознания близкой и неотвратимой расправы над смертным своим недругом.

Он остановил упряжку, вынул из чехла малокалиберную винтовку. Порывшись в кармане, достал крохотный кожаный мешочек, где хранились патроны. Оказалось всего шесть штук, но раздумывать было некогда. Нико-

лай зарядил винтовку, бросил её поперёк сапог и, прижав вытянутой правой ногой к сиденью, погнал оленей наперерез серому, стараясь отбить его от леса.

Расстояние между зверем и пастухом медленно сокращалось. Волк упорно, на махах пытался прорваться к спасительному лесу. Шабанов отжимал его от спасения в чистое поле. Когда расстояние сократилось метров до ста, хищник начал вырыгивать на ходу куски мяса, облегчая себя. Николай схватил винтовку и, не останавливая упряжки, выстрелил. Это была, конечно, с его стороны ошибка. Попасть из винтовки в скачущего зверя с такого расстояния и с несущихся по неровной тундре саней, да ещё с одной руки, трудно. Надо иметь большой навык для этого – как у Алёшки, его верного товарища. Но Алёшка в чуме и сейчас только готовится к своей смене – он должен заменить Николая и Авко-Миша у стада.

А волк всё ближе. Николай выстрелил ещё раз – пуля взбрала снег чуть дальше и сзади хищника. С третьего выстрела Шабанов попал: видно было как дёрнулся зверь. Но он не остановился, а уходил по-прежнему крупными прыжками. Однако пока Николай заталкивал очередной патрон в патронник, волк перешёл на шаг, и в поведении его, в движениях появились вялость, обречённость. Он сунулся было в занесённый снегом кустарник, но тут же, вспоров снежный пласт, ринулся дальше.

Пастух быстро привязал вожжи и, проваливаясь, бросился к волку. Уже с близкого расстояния раз за разом сделал два выстрела и тут обнаружил, что пат-

ронов больше нет, – в спешке, видимо, уронил последний в снег. А зверь прошёл ещё несколько шагов, опять ринулся в кустарник, опустился медленно всем тулowiщем и зарылся мордой по глаза в рыхлый снег.

– Что, стыдoba берёт, зверюга? Глаза прячешь от меня? – Николай, не раздумывая, продрался сквозь кусты и снег к серому и со всей силой ударил прикладом по носу зверя. Тот дёрнулся всем мощным тулowiщем, а его преследователь ещё раза три ударил, норовя попасть меж глаз.

Подъезжая обратно к стаду, Шабанов увидел две упряжки. Видимо, Алексей приехал сменить их с утра. Бригадир беспокоился за сохранность оленей, а волк крутился последние сутки около стада постоянно.

Николай поглядел на завёрнутую и перетянутую верёвкой шкуру зверя на передке саней и с облегчением подумал, что этот уже беспокойства оленеводам не принесёт.

МАДУК

Вольно раскинулась тундра. Начало мая, но вся она покрыта снежным настом. Бело, бело. Не на чем глазу остановиться, не появились ещё спасительные проталины, где бы могли пасться олени. Трудно животным стало доставать корм.

Легко и привычно бежит упряжка. Так же легко касается Михаил оленей хореем, лишь бы напомнить им, что он не спит. Передового не трогает, передовой чувствует хозяина головой через вожжи. Убаюканный ровным бегом саней, притих за спиной шестилетний Витька, задумался и сам Михаил.

Многое изменилось в тундре даже на его глазах. Давно ли было... Уходили со своими стадами пастухи в тундру за отступающим холодом в апреле, а возвращались в родные ягельные леса в ноябре-декабре. И никакой весточки не подашь – не примешь по полгода. Оставили как-то его старики младшего сына в деревне – учиться. Он умер. Родители узнали об этом только через пять месяцев.

А сейчас... Э-э! Что сравнивать! Каждый день бригадир связывается с другими бригадами, спрашивает, как у них дела, что думают делать. Разговаривает иногда

с самим директором, а с радиостом, который тоже сидит в кабинете, беседует иногда по два раза в день. Вертолёты почту привозят. Как хорошо бывает, когда вертолёт прилетит. Тут уж без посылки-другой не обойдётся. А продукты? Если не сумел по какой-то причине в деревне отовариться — кричи в микрофон. Начальство поворчит, а что надо, всё равно подбросит на том же «вертике». А значит, опять праздник, хотя и не отмечен он в календаре красным.

Детишек после школы привозят к родителям. Заболел кто-нибудь — опять же свезут в больницу, а то врач и в чуму прилетит.

— Айко, найдём мы Мадук? — затормошил Витька за спиной.

— Найдём, куда денется, — отвечает Михаил. — Сейчас, может, повстречаемся. Наверное, торопится к своему чуму — по хлебу соскучилась.

Ищут они авко, то есть ручную олениху, выхоженную женой Михаила в трудный для её сородичей год. В этом году телёнка принести должна, и Витька с нетерпением ждёт радостного дня.

— А как назовём теля? — чуть ли не в десятый раз спрашивает мальчишка.

— Наверное, Дзоляк, — утопив в улыбке узкие, но зоркие глаза, отвечает отец.

Всегда чумарихи дают авко ласковые имена. Мадук — милая, Дзоляк — маленький. По утрам выходят женщины из чума с подолами, полными нарезанного хлеба, и несутся по тундре ласковое и призывающее: «Мадук, Мадуке-э! Дзоляк, Дзоляке-э!». И те,

ещё маленькие, с колокольчиками, с любовно и искусно сшитыми ремешками на шеях, и другие, подросшие, рогатые и безрогие, несутся со всех ног получить свой пайк.

Авко для оленеводов служат своеобразным утешением в их нелёгкой жизни, скрашивают однообразные дни, смягчают их суровые сердца. Женщины нянькают оставшихся без матерей телят, как детей своих – кормят чуть тёплым супом, хлебом, размоченными сухарями. И те привязываются к людям, как детишки. А став большими и сильными, часто выручают оленеводов. Работают передовыми в упряжках, при перегоне стад через реки увлекают остальных оленей. Благодарные хозяева не забивают авко на мясо. Если кто-то из другой бригады поднимет руку на авко, то наживёт врагов на всю жизнь по всей тундре.

Мадук всё время крутилась возле чума. Но три дня назад наладилась за приезжавшим из соседнего чума оленеводом. Михаил с сынишкой только что съездили туда, но Мадук там не оказалось. Сосед сказал, что она отстала от них на полпути с тремя отбившимися от стада оленями.

Как-то неспокойно стало Михаилу. Никогда Мадук не отлучалась на такое время от чума, тем более в столь трудную с кормами пору. Но не показывает оленевод сынишке своей тревоги. А может, Мадук отелилась и прячет где-нибудь за холмами беспомощного пока телёнка от людских глаз. Бывает такое.

Но через несколько минут сердце Михаила словно оторвалось. Упряжка споткнулась о трупы оленей. Четыре мёртвых оленя. Между ними впечатались в снег

следы вездехода. Михаил остановил упряжку, трясущимися от волнения руками привязал вожжи.

— Что это такое, айко... Звери их, что ли? — Витька подбежал к ближнему оленю и, округлив от ужаса глаза, озирался вокруг.

Нет, не звери свирепствовали тут. Это люди нагнали оленей на вездеходе, уложили их из ружья. И не мясо нужно было им. Люди сняли с ног оленей только камыс. Камыс, чтобы сшить модные нынче пимы. И живот Мадук был распорот. Кто-то вытащил телёнка на шапку. Ворсистую. Тёплую. Мягкую.

Михаил не был слаб сердцем, не раз видел десятки погибших одновременно и в одном месте животных. Но там распоряжались стихия, природа. А здесь — люди...

Витька валялся на снегу около Мадук, плакал безутешно и бессвязно выкрикивал сквозь слёзы то упрёки отцу, то угрозы тем дядям и тётям, приезжающим в их чум на вездеходе или на вертолёте, которых они с такой радостью угощают самым вкусным айбарчём и самым жирным жаркó. И приезду которых Витька бывал так рад, потому что они весёлые и добрые.

— Пусть попробуют приехать ещё... Я им покажу... Я натравлю на них всех собак... Никогда не возьму их конфет, — грозился выместиТЬ своё первое в жизни горе маленький оленевод и бился головой и ногами о наст.

А Михаил стоял, забыв даже закурить. Круглое задубелое локоричневое лицо его выражало растерянность. Избитые иссушающими весенними ветрами губы подрагивали, узкие дальновзоркие глаза затуманились. Было горько и больно. И больнее становилось оттого, что всё это видит, понимает и

переживает своим маленьким сердцем его последний сын. Его малыш. Если бы знал, что придётся увидеть такое, ни за что не взял бы дитё.

Он подошёл к сыну, осторожно поднял его на руки, вытер ему лицо подолом малиновой рубашки, отнёс на сани, успокаивая ласковыми словами.

Потом постоял ещё около своей упряжки, грустно уставившись на следы вездехода. Он знал этих людей. Они приезжали к ним вчера. Привезли свежий хлеб, индийский чай со слоником, водку. Весь день угощались, веселились. Когда уезжали, Михаил дал им всем по пыжику. Его жена подарила вдобавок белого камыса: уж очень хороши были гости. Что ещё знал про них Михаил? Как их звали: Алексей, Санька, Борис, Надя. А больше оленевод не знал ничего, да вряд ли узнает когда-нибудь.

Михаил знал по прежнему опыту, что вездеход отсюда вышел на большую дорогу, чтобы запутать следы, но всё же решил проверить – вдруг ошибся.

Нет, не ошибся. Следы привели к трассе, которая соединяла многие буровые. Он остановил упряжку, уселся поудобнее и стал рассматривать дорогу. В одну сторону прошли одна за другой несколько больших, очень больших, гружёных трубами машин. Водители поглядывали на оленевода, один из них кивнул ему курчавой головой. Вверху пророкотал МИ-6 с подвеской. Михаил не разбирался в марках машин и вездеходов – о них у него были понятия «большой» и «маленький», а вот вертолёты различал не только по форме, но и по звуку. Меньших размеров «вертушки» – двойка, четвёрка, восьмёрка – не раз садились к его чуму, а

этот обычно тащил какую-нибудь подвеску. МИ-6 – серьёзная птица, к каждому ярану за айбарчем не сядет.

Со скрежетом в снежной пыли пронеслись по дороге два больших вездехода. И так уж обиженному Михаилу стало ещё обидней от чего-то. У него даже защемило в груди.

Обида прожгла за прежние случаи бессмысленного и безжалостного истребления оленей. И даже за водку, которую привозили ему «хорошие друзья». Михаил обычно расхваливал их, гордился перед женой знакомством с такими образованными и деловыми людьми. Но где-то в душе, очень глубоко, он даже сам себе в этом не смел сознаться, понимал, что дружба эта скротечная, что есть в ней корысть и неискренность. Как ни странно, боль стыда полоснула и за Настю, дочь старого тундровика, которая не вышла за его старшего сына Петра, а умотала телефонисткой в один из балочных посёлков нефтяников.

В это время напротив остановилась машина. Из кабины не спеша вышел знакомый шофер. Он оглядел колёса, заглянул под кузов и только после этого радушно поздоровался.

– Здорово, тёзка. Что хмурый сидишь? – на ходу водитель вытащил пачку сигарет. Его тоже звали Михаилом, и был он давним и хорошим знакомым оленевода. И никаких причин для сомнения в искренности дружбы быть не могло. Но именно на него, этого в сущности безвинного человека, выплеснул Михаил всю клокотавшую в нём злость. Он не кричал, не матерился, но ноздри его раздувались с трепетом и левая щека дёргалась:

— Ты волк, ты хуже волка... Волка можно убить, тебя — нет... Волк боится меня, ты — нет, — оленевод с ненавистью, раздельно выдавил из себя эти слова, с минуту смотрел на окаменевшего шофёра, потом резко повернулся к нему спиной.

Сердцем почувствовал водитель, что оленевода обидели сильно, и обиду эту нанёс кто-то из тех, кто пришёл в тундру в последние годы. Кто-то из тех, кого местные жители называют общим словом «экспедиция». «Экспедиция» — это все, кто пришёл в тундру, чтобы освоить уже разведанные богатства холодного края и найти ещё не найденные. К экспедиции относится и он, шофёр Михаил, волжский парень, волею судеб попавший в эту белую зимой пустыню и никогда не делавший зла её людям. Но Михаил знал, что экспедиции принадлежат и те, кто примчался сюда, чтобы хапнуть что угодно: деньги, меха, тёплое или высокое место — всё, что сулит беспредную и красивую жизнь. Михаил не то чтобы презирал их — он каждый раз стыдился их.

И вот эта встреча со своим тёзкой. Он не стал спрашивать, что случилось. Поковыряв носком валенка оттаявший за день наст и глядя на спавшего Витьку, он сказал:

— Прости, Миша. Не так уж много среди нас таких... Прости. Прикрутим их, честное слово... — Больше он не знал, что говорить, но долго и прямо смотрел в глаза оленеводу.

Через минуту машина и упряжка двигались на север. Первая — к маячившей в синем весеннем воздухе буровой вышке, вторая — за холмы, туда, где стоял чум оленеводов.

В ЧУМЕ

Михаил подъехал к чуму уже вечером. Витька молча сопел за спиной. К ночи опять похолодало, и полозья поскрипывали по затвердевшему насту. Вылетавшие из железной трубы вместе с дымом искры подсказали Михаилу, что из чума их заметили раньше и расшевелили печку, чтобы вскипятить чай, подогреть суп и жаркó. Привычно это для оленевода – приехать откуда-то в чум усталому и проголодавшемуся. Но каждый раз приятно знать, что здесь тебя ждут люди при живом огне.

Собаки кинулись навстречу с незлобным лаем, узнав своих, повернули назад, но взбрехнули ещё пару раз, видимо, для хозяев в чуме – кто-то подъехал. Тотчас распахнулась полость двери, и наружу высунулась по плечи черноволосая девушка. Она поглядела на подъезжающих, узнав их, скрылась, взмахнув полой нюка.

Михаил сбил снег с тобоков, отряхнул малицу сынишки и, откинув край нюка, заменяющий двери, пропустил сначала Витьку, а затем сам, пригнувшись, привычно проскользнул в тепло чума.

Витька, не сняв малицу, бросился навзничь на оленины шкуры и разревелся. Все насторожились и вопросительно посмотрели на Михаила. Он молча снял тасму, скинул малицу, привычными движениями аккуратно её свернул и неторопливо положил в сеюку. Подвигнулся ногой по латам железную банку из-под ракетных патронов, заменяющую стул, к пылающей железной печке, сел, закурил и, ещё изрядно помолчав, нарушил, наконец, напряжённую тишину:

— Последние други-то наши... поработали... когда отсюда уезжали. Я следы смотрел... Мадук и ещё трёх оленей ухлопали, растерзали как звери.

Михаил оглядел всех с тенью жалости и вины на лице, как будто сам был виноват в том, что побили оленей. Витька перестал реветь, видимо, прислушивался к тому, как взрослые будут ругать «рушких». Он всех, кто приезжал не на оленях, называл русскими, но выходило это у него по-своему.

— Хорошие тай.. холеры. Поишь, кормишь, а вот чем платят, — проговорила жена Михаила, крупная женщина лет пятидесяти, одетая в широкий сарафан и цветастую кофту.

Ольга сидела в переднем конце чума на шкурах, прислонившись спиной к свёрнутой постели, и пришивала камысовые рукавицы к малице своего старшего сына. Пётр лежал здесь же, закинув руки за голову, и на сообщение об уничтоженных оленях, кажется, никак не реагировал. Он молча смотрел на вечернее небо через мокоту — верхнее дымовое отверстие. Катя, красивая чернявая девушка лет двадцати, дочь Михаила и

Ольги, проворно собирала на низенький столик ужинать.

На правой половине чума сидели сам бригадир Иван Сядей, мужчина средних лет с мощным телосложением, скеластый, с чёрными прямыми волосами, и Николай Шабанов, русоволосый молодой мужик. Мария, жена Сядея, как и Ольга, одетая по-старинному, с зелёным кокошником и красным кашемировым платком на голове, помогала собирать на стол.

— Вот тай... хорошие тай, — промолвил Сядей спокойно, не повышая голоса, бросил окурок в таз под умывальником и, подвинувшись, сел к столу. И нельзя было понять по его задубелому бесстрастному лицу — взволновало его известие об оленях или нисколько не задело.

Впрочем, каждому в чуме было известно, что больно это слышать бригадиру, крепко он переживал за каждого пропавшего животного. Сядей знал каждого оленя в стаде не только по масти и в «лицо», но и, как говорится, по кости. Он мог узнать в чужом стаде потомка давно пропавшей своей важенки. Недаром за ним укрепилось прозвище «Кэр-кутш» (Олений орёл).

— Завтра надо по радио начальству сообщить... Запишут ёщё один факт, и дело, пожалуй, опять на этом закроется... Уж который раз такое случается. Сообщали, а что толку, — Шабанов отложил упряжь, которую чинил, и тоже подвинулся к столу.

— Ну, почему же, судили же в прошлом году двоих. По два года дали и присудили стоимость оленей возместить, — Катя окинула Шабанова чёрными красивыми глазами и чуть улыбнулась.

— Это капля в море. Дожили до того, что если олень отколется от стада хотя бы не надолго, то пиши пропало. Пастухи стали больше бояться людей, чем зверей, — сказал Сядей. — Да и что удивительного — люди шастают по тундре на мощной технике и многие при оружии. Поди пойми, пастух, что у них на уме.

Михаил обгладал кость, бросил её сидевшей сзади лохматой собаке, сказал, как бы обращаясь ко всем:

— А я Мишку-шоффёра встретил на трассе. Накричал на него, а зря. Не виноват он.

— Зря, конечно. Да добрый он, поймёт. Топку опрокинете при встрече и опять побратаетесь, — по мнению Ольги, любое дело, даже самое запутанное, можно разрешить за «топкой» водки.

Сама она принимала «топку» самозабвенно. Привозила или заказывала спиртное в достаточном количестве и употребляла втихомолку до тех пор, пока вышедший из терпения Михаил не находил проклятую ёмкость, раскидав предварительно всё семейное имущество, и не разливал содержимое её без остатка всем членам бригады.

Ужинали неторопливо и долго. Обговаривали создавшееся положение. Почти все сходились на том, что оленеводство постепенно захиреет. Оленей бьют во все сезоны года кому не лень. Молодые не идут в пастухи, а старики, выйдя на пенсию, оседают в деревнях. Пастбища отходят под посёлки, дороги, буровые.

Веками олени паслись в тиши и спокойствии. И вдруг в их размеренную жизнь бурно и стремительно ворвалось что-то непонятное, пугающее с грохотом и скре-

жетом на земле и в воздухе, с неприятными запахами повсюду. И если стада с самого начала болезненно восприняли происходящие вокруг перемены, то оленеводы поначалу обрадовались. И как не обрадоваться! Вертолёты стали садиться прямо к чуму, вездеходы приходят и большую помощь в трудную пору оказываю. Специалисты на совещаниях сулили перемены к лучшему от применения техники в оленеводстве. Но они же первыми почувствовали неладное. Результаты труда ухудшились, дисциплина пастухов пошла вниз.

Николай Шабанов молча слушал разговоры пастухов и чумработниц за столом. Он был моложе всех мужиков в бригаде, в тундре работал лишь несколько лет. Остальные были коренными оленеводами. Они здесь родились и выросли. Пастушеское дело, как говорится, впитали в себя с первыми вдохами стылого воздуха, с первыми шагами по суровой, но родной для них земле.

Шабанова, пришедшего в бригаду уже после службы в армии, ещё совсем недавно называли иногда в шутку, а то и всерьёз – яндо, человеком из деревни, не смыслящим ровно ничего в оленеводстве. И хотя сейчас Николай считался одним из лучших пастухов совхоза, он всё-таки не торопился высказать своё мнение, тем более, что мысли его отличались от высказываний остальных.

Он знал, как трудно стало управляться в последнее время, сколько непредвиденных сложностей принесли нефтяники. Пастбища за последние годы сильно сократились. И какие пастбища! Лучшие: ягельные-зимовочные, осенние, весенние-отельные. Пастбища с неза-

менимым, дефицитным ягелем, который миллиметр-полтора в год растёт. Не стало спокойного выпаса.

Старики говорят, что люди сумели приручить оленя потому, что тот в течение долгого времени почувствовал, что человек стережёт, спасает его от волка, даёт ему возможность спокойно пасться. Человек приносил спокойствие. Сейчас же наоборот – человек несёт беспокойство.

– Не до конца согласен с вами, – заговорил Шабанов. – Не может быть такого, чтобы оленеводство доконали. Не допустят... А пока нам самим надо кое-что предпринять. Новые зимовочные пастбища искать... по Печоре, например. Да и дороги, транспорт можно использовать нам на пользу.

На минуту в чуме воцарилась тишина. Стало слышно как потрескивают дрова в печке да шипит на раскаленном железе выплеснувшееся из котла булькающее варево.

– Умный ты, Николай. Зря в пастухах ржавеешь, – с усмешкой бросила Катя. И нельзя было понять, серьёзно она говорит или подсмеивается. Но глаза тепло выплескивали: «Умный, самый умный. Хороший, самый хороший».

Шабанова окатила стеснительная теплынь от девичьего взгляда, и он, поспешно потянувшись к кружке с чаем, замолк.

Сядей отодвинулся от стола, прилёг на шкурах, опершись на локоть и вытянув ноги под столом. Закурил и, прищурив глаза от табачного дыма, проговорил:

– Вот отпушу с Ильина дня тебя в отпуск – три года уже толком в люди не выходил. Погуляешь и заодно

съездишь вверх по Печоре, посмотришь зимовочные места. Летом, оно, легче и виднее.

— Можно, — коротко согласился Николай и, отодвинувшись от стола со своим стульчиком, стал подбрасывать дрова в затухающий огонь.

Железная печь, разделяющая на две равные части и чум, и самих обитателей этого древнего, но пока не-заменимого обиталища людей тундры, сразу ожила по-трескиванием, гулом длинной железной трубы, шипением и бульканьем котлов и чайников на своей горячей спине. Железная печь — это несложное устройство, давно забытое большинством людей, живущих в нормальных человеческих условиях, обогревает, сушит, поит, кормит оленевода, является самым желанным и доступным благом в его неуютной кочевой жизни.

Блаженно после сытного ужина, развалившись в тепле на оленых постелях, покуривая, смотреть через мокоту на звёзды и о чём-то думать. А можно ни о чём не думать — просто лежать, наслаждаясь сытостью, теплом, близостью своих товарищей, и слушать тихий шёпот звезд.

Но сейчас все думали, каждый по-своему, но мысли у всех были об одном: как проведёт бригада год от отёла воженок, который начался в эти дни, до следующего отёла? Какие испытания оленям выкинет капризная погода? Что готовит судьба для пастухов?

Угадав общую думу, Мария, убиравая посуду в погребец, сказала чуть слышно, но для всех:

— Бог даст — судьба смилостивится... Удачный год выйдет — опять круг сделаем и увидим весну-кормилицу в этих местах живыми глазами.

Никто не ответил на слова Марии, но каждый в душе согласился с этой её удобной мыслью. Любой хочет, чтобы всё обходилось хорошо, чтобы, по крайней мере, ближайшие дни не сутили ему неприятностей.

И никто из членов бригады не догадывался, как распорядится судьба ими в ближайшее время. Не знали пока и Николай с Катей, что не пройдёт и года, как они станут мужем и женой. Не знал и Иван Сядей, что ему придётся перейти в другую бригаду простым пастухом, а свою сдать полуяндо Шабанову. Не знал и Михаил, что и в его семейной жизни произойдут крутые перемены: уснёт навеки жена Ольга, уйдёт из оленеводства сын Петро, не выдержав неудовлетворённости собственной жизнью, тоски по чернявой Насте и припадков самодурства бригадира Сядея. И отвезёт Авко-Миш, так звали Михаила по всей тундре за простодушие и доверчивый характер, осиротевшего сынишку Витьку в интернат. И ещё одну утрату понесёт бригада: замёрзнет в пургу бесшабашный здоровяк Алёшка, который в этот день был на дежурстве в стаде.

Ничего этого пока оленеводы не знали. Они спокойно укладывались отдыхать. Отходили последние головешки в печи, и белесый дымок терялся в мути неживого неба. Неторопливо хрустели на тандаре между возами авко, прибежавшие поискать чего-нибудь солёного. Собаки, свернувшись каждая около саней своего хозяина, «просматривали» в сторожком сне свои дневные дела.

По тундре растеклась короткая светлая, но блёклая весенняя ночь.

ПРОПАЖА

Весь этот длинный апрельский день Шабанов и Алёшка кружили старыми оленьими тропами, припорошенными свежевыпавшим снежком. Искали отбившихся от стада оленей. Пару раз видели одиночные следы, но оба раза они терялись. И не удивительно – тропа как раз поперёк хода оленей прошивалась двумя оживлёнными автомобильными трассами.

Оленя тропа – это не просто дорожка, по которой идут олени. Это площадь, на которой пасётся стадо, двигаясь в определённом, заданном пастухами, направлении. И вот через такую тропу проходили две машинные дороги, и олени никак не могли миновать их. Поди разберись, что произошло. Возможно, олени побрали по трассе, а снующие взад-вперёд машины погнали их и след сбили. А возможно, «весёлый» водитель сшиб передком непрятного весеннего оленя, кинул его в кузов и укатил дальше, довольный собой.

Постояли мужики, посмолили курево. До чума ещё далековато, а подсаночные олени за день надёргались, стоят, безучастные ко всему.

— Заедем к Губайдулину, потягаем чайку, — решил Шабанов.

Молодой татарин Губайдулин жил с красивой женой из коми и дошкольницей-дочуркой Алёнкой в балочном посёлке буровиков и работал шофером. Он был давним знакомым оленеводов, сам не раз бывал в чуме, да и пастухи иногда заезжали к нему на чаёк.

Губайдулин с женой встретили гостей радушно. Пока хозяйка хлопотала насчёт стола, Губайдулин, чернявый, небольшого роста крепкий мужичок лет тридцати, принялся расспрашивать пастухов про их дела и сам неторопливо рассуждал про свои.

— Земля эта пробуждается от вечного сна, можно сказать... Вот пришли мы сюда, первопроходчики, можно сказать... и там, где нога человека не ступала, строим город, посёлки, дороги. Пожалуйста, пользуйся, товарищ Шабанов, пользуйся, товарищ Алёшка, цивилизацией. Наше дело — это свет луча в тёмном царстве... пользуйтесь, — веско говорил хозяин, нарезая толстую колбасу самодельным охотничьим ножом.

Гости молча курили и время от времени кивали головами. В душе Шабанов возражал Губайдулину: «Там, где нога человека не ступала, говоришь. А мы что же, не люди что ли? Деды, прадеды наши здесь веками жили... не люди разве?». Но он молчал из деликатности и думал о том, как бы перевести разговор на что-нибудь другое.

Маша, жена Губайдулина, полногрудая, круглицая, живая, проворно сутилась около электрической плитки — дожаривала на сковородке мясные консервы.

– А где Алёнка? – спросил Шабанов.

Он любил детей, а жизнерадостная чернявая Алёнка была как-то особенно по душе. И Николай часто подсаживал её на колени и охотно отвечал на бесконечные «почему?»

– Да на улице где-то, с друзьями своими, – отзвалась мать. – Беда с ними, им бы в садик, а они всё с черномазыми буровиками водятся. Отстанут от своих сверстников в развитии.

Маша сняла сковородку с плитки и поставила на стол, предварительно бросив туда старый журнал. Она откинула крышку, и по комнате пошли такие аппетитные запахи, что Алёшка с шумом потянул носом, покхлопал шутливо себя по груди:

– Хорошо! Это по мне!

Все довольно рассмеялись, и Маша пригласила к столу.

Отдохнув, Шабанов и Алёшка собрались в дорогу. Губайдулин проводил их до саней, поболтал немного, попрощался и ушёл по своим делам.

Алёшка возился с упряжью, и пастухи немного задержались. Откуда-то подошла Алёнка и затараторила. Шабанов присел на корточки и, покуривая, слушал её и улыбался.

– А папка с дядей Борей ходили на охоту и тоже принесли оленя. Только мёртвого, не живого. Мясо и шкура вон в сарайке. Шкура красивая, где-то белая, где-то чёрная, – поблескивая невинными чистыми глазами, сообщила Алёнка и указала на видневшийся между соснами сарайчик.

Шабанов и Алёшка переглянулись. Оба подумали об одном и том же: в этих местах диких оленей нет. Да и окраска дикаря однотонная, светлая. Значит, в сарае у Губайдулина совхозный олень. Вот тебе и давний знакомый, друг, хороший малый! Вот тебе и «луч света в тёмном царстве»! Надо было что-то делать. Сообщить в контору совхоза или в райисполком, благо, телефон в посёлке есть. Пусть приедут с сотрудниками милиции и воздадут должное «лучу света» – и будет справедливо.

Возбуждённый Шабанов решил, не откладывая, позвонить в контору совхоза. Он по-коми сказал Алёшке:

– Потяни время – чини упряжь, сани, что угодно, и не спускай глаз с сарая. Я вызову кого надо.

И решительно направился к знакомому вагончику-конторке, откуда уже доводилось звонить раньше. На полпути оглянулся, увидел Алёнку и... остановился. Девочка держала в вытянутой руке желтозелёную ветку сосны с крепкой, будто литой шишечкой на конце, другой ручонкой показывала на эту шишку и что-то весело говорила Алёшке. И дрогнуло озлившееся было сердце оленевода, обмякло.

Нет, этот маленький, безвинный, чистый человечек своим присутствием не разогнал, не унял гнева в душе Шабанова. Маленькая девочка своей бесхитростностью заставила встрепенуться доброе, справедливое сердце пастуха и встревожиться. Не пострадает ли каким-то образом ребенок во всей этой истории с отстреленным оленем, не ранят ли взрослые незаслуженным упрёком беззащитное детское сердце?

Чувствовал Шабанов – не первый раз Губайдулин занимался своим грязным делом. Часто в этих местах олени пропадали бесследно, только вот поймать с поличным никого не удавалось. Сейчас ниточка к развязке появилась. Но пострадать может малый ребенок, и Николай застыл на месте, задумался. Потом вернулся к нартам, молча отвязал вожжи и вывел упряжку на целину, за бруствер истерзанной техникой дороги. Алёшка последовал за ним. Он, видимо, понял состояние товарища без слов, понимающе взглянул на него и кивнул в сторону Алёнки. Пастухи на минуту остановились, помахали ей.

– Ну, расти большая! – крикнул Алёшка, и упряжка двинулась.

«Ничего, теперь знаем, что за гуси этот Губайдулин и его друг Борис. Будем присматривать за ними – поймаем с поличным, никуда не денутся. А уличать через Алёнку – душе претит. Не хочу, чтобы эти негодяи считали её виновницей своего провала. А у них хватит на это ума», – так успокаивал себя Шабанов, неторопливо подгоняя пелеев.

И ещё он думал о том, что таких, как Губайдулин и Борис, не так уж много среди пришлых людей. В основном они хорошие и понятливые. Ведь вот ребята из бригады Ангуладзе наткнулись на ослабевшего оленя и не стали сдирать камыс с него как некоторые, а дали знать оленеводам. И пока те не приехали за животным, подкармливали его неделю возле буровой...

А Губайдулин в это время со своим приятелем Борисом, заправщиком горючего, потешался над наивно-

стью пастухов, не подозревая о том, что те только что чуть не раскрыли его истинное лицо. Приятели строили новые планы поживиться за счёт оленеводов и были уверены в успехе. Тем более, что ни один уж год занимались «добычей» мехов разными путями, и всё проходило нормально.

Отстреливали отбившихся оленей, выменивали у подвыпивших пастухов на водку, самогон и технический спирт камыс, пыжик, а повезёт – и песца. И всё сходилось как нельзя лучше. Жить можно, пока эти пастухи кочуют здесь.

Так рассуждали приятели. Им и в голову не приходило, что совсем скоро придёт конец их «деятельности».

МАЙСКОЙ НОЧЬЮ

День угасал. Алёшка и Шабанов остановили упряжки на одном из холмов и в бинокли стали осматривать разбредшееся стадо оленей. Алёшка, высокий красивый молодой мужик, со смоляными бровями, с весёлыми чёрными глазами, сдёрнул с саней бидер, кинул около саней и блаженно растянулся на нём.

— Стадо спокойно, Шабанов... Крути лучше бинокль в другую сторону, к чуму. Может, там что-нибудь высмотришь. Я вот без трубы с земли вижу: юная матанька из-под ладони через холмы пытается узреть сокола, — Алёшка, изломав в дурашливой улыбке брови-крылья, уставил на Шабанова смеющиеся глаза.

А тот невозмутимо и долго ещё оглядывал дали. Потом, взглянув на Алёшку и весело рассмеявшись, сказал:

— Бесшабашный ты, чёрт. Но удачливый. Всё тебе шутя даётся. Шутя первого гуся в весну влёт собьёшь, шутя у девки сердце заарканишь.

— Не бойся, брат Шабанов. Катерину твою не умыкну. Больно уж вы друг другу по сердцу и больно уж вы оба мне любы... Вот возьму на руки одну яраночку и

долго буду идти с ней по жизни. Жизнь-то – она действительно хороша, брательник... Дышать хорошо. Просто жить хорошо.

Шабанов смотрел на Алексея и думал о том, что жить на самом деле хорошо, особенно когда рядом такие простодушные, доверчивые люди. Такие, как Катя, отец Кати – Михаил, как этот большой, добродушный ребёнок Алёшка...

– Га-га, га-га, – донеслось до друзей щемяще ожидаемое в долгую зиму. Метнувшись к своим саням Алёшка выхватил разом из чехла двустрелку и замер на корточках, прикусив от азарта нижнюю губу. Обе собаки с лаем выкатились чёрными куделями навстречу подлетающей паре гусей. Подсаночные повернули головы с бархатными весенними рогами в ту же сторону. Но обычно сторожких птиц не пугают олени и собачки. И на этот раз птицы снизили скорость и, переговариваясь между собой, стали наплывать на оленеводов. Два резких хлопка слились почти в один звук, и птицы тяжело ударились в наст.

– Охристь ты! – добродушно заругался Шабанов. – Самку-то зачем?

– Как же я на лету могу узнать, который гусь – инь, а который – ай? – Алёшка невинно смотрел на Шабанова.

Тот, смеясь, пригрозил пальцем: прекрасно, мол, знаешь, что самка всегда летит впереди, самец – сзади...

– Объедем-ка стадо с двух сторон. От виски отвернуть оленей надо. Не дай Бог, чтоб переходить её на-

чали... Погибнут телята. В этой проклятой виске и в середине зимы не везде вода замерзает. а берега крутые, как будто специально ловушка сделана... В какой-то год у соседей наших там голов тридцать по недогляду погибло.

Шабанов отвязал вожжи, взял хорей и, кивнув в сторону синевшего вдали лесочка, добавил:

– Встретимся там, чай сообразим.

Он ехал краем тропы, осторожно объезжая пасущихся по проталинам оленей. Животные разламывали копытами наст с краёв проталин, ворошили мордами зернистый около земли снег. Отёл был в разгаре. Окрепшие телята уже резвились около матерей или, собравшись по несколько вместе, носились наперегонки. Неокрепшие ещё, только родившиеся малыши тряслись на слабеньких ножках, тыкаясь мордашками под брюхо матерей.

Хорошо и покойно было на душе Шабанова – отёл важенок проходил нормально, да и в бригаде всё было в порядке: спиртного никто не привозил, и бригадир Иван Сядей пребывал в мирном настроении, не скрипел зубами, не стучал огромными своими кулачищами по латам. В чуме была ласковая Катя. «Мадук, – говорил шутливо Шабанов, – дай чего-нибудь горло окатить». И она, счастливо и ласково улыбаясь, протягивала полный ковш снеговой воды...

Подъезжая к лесочку, Шабанов увидел, что с другой стороны подходит упряжка Алёшки, и решил сходить вглубь островка за сухостоем. Высматривая подходящее на дрова дерево, он медленно шёл от одной

ели к другой. Вдруг собака настороженно вырвалась вперёд. «Наверное, заяц», – подумал пастух, и в то же мгновение в оцепенении замер на месте: из-за ели вымахнул матёрый, желтовато-белесый зверь. Шабанов инстинктивно взмахнул топором. То ли его решительная поза с поднятым над головой топором, то ли ещё что, но медведь с ходу упёрся могучими лапами в наст и, готовый к прыжку, уставился на него полыхающими свирепостью глазками.

«Если метнётся, не успею ударить, – пронеслось в голове. – Алёшка же должен быть уже близко». И он крикнул:

– Алёшка! Медведы! Стреляй!

И тотчас на опушке отозвалось:

– Сейчас!

Медведь с виду неуклюже, но легко и стремительно метнулся на этот голос. Два выстрела один за другим полоснули тишину, и через минуту донеслось:

– Ты живой, брат?!

– Живой, – осипшим голосом отозвался Шабанов...

Медведь лежал на боку, откинув лобастую голову, небольшие уши выставились в стороны и, казалось, прислушивались к чему-то.

– Напроказил мужик, – кивнув на зверя, заговорил Алексей, – двух телят с моего краю хамкнул и большого оленя в чащу утянул. Ты его, видимо, с обеда стронул. Вот он и взъярился... Я подумал, что он где-то близко, и патроны на пулевые заранее сменил...

Медведя освежевали. Распластали огромную шкуру по насту.

— После клыки отделяю, — решил Алёшка, — по одному нам с тобой, один Петру — твоему будущему шурину, а один Авко-Мишу — твоему будущему тестю. А шкуру мы с тобой Катерине под ноги бросим...

Пастухи мирно чаёвничали. Тишину и покой майской ночи, привычный отдых разлётавшихся по холмам оленей нарушал лишь суматошный клич любвеобильных в эту пору куропаток.

— Перекурим и двинем снова к виске, — Шабанов достал часы, — скоро половина ночи.

В этот момент до друзей донеслось знакомое стрекотание. Из низины вынырнул вездеход и стремительно понёсся в сторону стада.

— Куда же он?! — Шабанов вскочил на нарты, закричал, замахал руками, выхватил из-под амдёра ракетницу, дважды подряд выстрелил.

На вездеходе заметили. Машина замерла на месте, развернулась и, заурчав сердито, поползла к пастухам. Из вездехода вылезли четверо здоровых парней. Приветливо поздоровавшись с Алёшкой и Шабановым за руку, с восторгом и удивлением рассматривали убитого медведя, трепали густую шерсть, изумлялись:

— Как же вдвоём с таким справились?!

Шабанов смущился, хотел объяснить, что медведя уложил один Алексей, но в это время увидел ещё одного человека. Тот только что выбрался из кузова и, улыбаясь, направился к ним. Глаза оленевода зло сузились, и весь он пружинисто напрягся. Это был Борис, один из тех людей, которые приезжали в чум последний раз, а, уезжая, ухлопали четырех оленей, со-

драли с них камыс и, распоров живот важенке Михаила, выдернули недоношенного телёнка.

Борис, высокий мужчина лет сорока, по одежде больше похожий на работника Аэрофлота, чем на простого заправщика горючим одной из баз сейсмиков (так он представился в тот раз), протягивая Шабанову руку, приветливо заговорил:

— Здорово, Николай! Как дела? Как коротают дни Авко-Миш и Иван, ваш бригадир? — Заметив злой взгляд Шабанова, продолжил: — Э-э, да ты хмурый ныне. Или он сильно похозяйничал в твоём стаде? — и кивнул на медвежью шкуру.

— Авко-Миш — он действительно авко, доверчивый, может, слишком доверчивый... Но он правильно сказал про тебя — волк! Хуже волка! Авко-Миш выследил вас тогда по следам... Что тебе нужно в тундре? Не черни большое дело и чистых людей! Убирайся к себе! Такие, как ты, отнимают доверие к людям даже у таких простодушных, как Авко-Миш.

Холёное, с белесыми бровями лицо Бориса исказилось в злой усмешке:

— Ты, виношник! Осторожнее со словами! Не пойман, не вор! Мало ли в тундре следов! Я сам подъеду к Ивану, бригадиру, тогда всё и выясним...

Проснувшись, Шабанов старался вспомнить, как всё случилось. Вначале распили бутылку с вездеходчиками, а после, когда те уже уехали, пили противный, отдающий резиной спирт, который мужики отдали Алёшке за медвежью шкуру. За ту самую шкуру, которую они собирались кинуть под ноги Кате. Алёшка оправдывал-

ся: «Не Борису отдал шкуру, другому... Да чёрт с ней, со шкурой...».

Шабанов приподнялся. Алёшки не было. По еле заметному протаску от полозьев понял: тот укатил на базу сейсмиков «добрать» – видать, не хватило.

А как же стадо? Щемящая тоска от предчувствия беды, чувство вины и стыда, жестокое похмелье грызли и переворачивали душу. Ещё издали он понял, что произошло непоправимое – стадо перевалило виску...

Шабанов вытянул из воды двадцать три окоченевших телёнка. Потерявшие своих телят важенки подбегали к ним, обнюхивали и, отпрянув в испуге, бросались к ручью, принюхиваясь к мутным потокам, звали живых телят.

Живых не было, а эти, погибшие, курились на огромном утреннем солнце еле заметным паром.

Шабанов, весь мокрый, подошёл к выступившему из-под снега кусту багульника и обессилено бросился на взничь. Он беззвучно плакал. От обиды на себя, на музыколов с вездехода, на Алёшку.

Уже в полдень Шабанов подошёл к чуму, ведя упряжку за вожжи. В сани были с верхом навалены погибшие телята. Николай передвигал ноги как во сне, что он будет говорить, как объяснит гибель стольких оленят? Но знал, что не соврёт, скажет всю правду, как ни горька она.

Подойдя ближе, он услышал нетрезвые голоса. На лай собак вынырнул из чума шестилетний Витька, степенно подошёл к Шабанову.

– Гуляют... Приезжал Борис на вездеходе, привёз полную канистру водки...

И ещё горше и обидней стало Николаю. Ведь только вчера уезжали они с Алёшкой из этого чума, где были покой и деловитость. От Витьки же Шабанов узнал, что Катя уехала окарауливать ездовых оленей («мужики-то теперь все пьяные»). И он решил, не заглядывая в чум, ехать в основное стадо.

ВЫСТРЕЛЫ В КАРЬЕРЕ

Было раннее апрельское утро. Солнце выкатывалось из-за дальних лесов, и всё кругом наполнялось его светом: и лес, и снежный наст, и мягкий голубой воздух. Всё становилось мягче, ласковей. Вместе с теплом появились стайки клестов-еловиков с призывным «клек-клек», облетающих оживающие еловые лесочки. Но с приходом тепла размяк и наст, стал обрушиваться под тяжестью оленей.

Старая важенка безошибочно брела в те края, где она сама когда-то впервые почувствовала тепло матери и где уже много раз появлялись на свет её малыши. За ней тянулось несколько десятков понурых оленей, исхудавших за трудную зиму. Животные остановились. Перед ними, поперёк пути, серела бетонная автотрасса. Олени насторожились, сгрудились, пугливо уставившись на дорогу.

С фырканьем пронеслась машина. Несколько молодых оленей в испуге отпрянули. Но опытная важенка вскинула голову с прекрасными темнокоричневыми рогами и, картино вскидывая пружинящие ноги, как бы проплыла через дорогу. Остальные стремительно

проскочили бетонку и устремились за ней вглубь неизвестного лесочка.

Разламывая ослабевший наст, животные с трудом пробивались на Север. Но тут опять встретилась дорога. Но эта тянулась почти в ту же сторону, что и стадо, и важенка выбралась на твёрдое.

А в это время в конце дороги, в балке при въезде в старый карьер, сидели трое. Чаёвничали, неспешно перекидывались словами. Карьер отработанный. Дорога, на строительство которой вывозили гравий, ушла дальше, и работа здесь закончилась несколько дней назад. Но оставался вышедший из строя автокран, и крановщик, рыжеволосого лет двадцати двух здоровяка Николая привозил сюда на ремонт Губайдулин, водитель «Татры». Пока они копались в двигателе автокрана, увязавшийся с ними на охоту заправщик Борис обошёл с ружьём ближние леса.

Наст не стал выдерживать человека и на лыжах. Проваливаясь иногда по пояс, чертыхаясь, Борис всё-таки прошёл километров пять. Дики никакой не видел, но в бору встретил пасшееся большое стадо оленей. Опытный в таёжных делах Борис знал, что нет в этих местах дикарей, но всё же подкрадывался близко к стаду. Долго стоял под толстой, низкорослой, разлапистой сосной, до дрожи в руках сжимал неподводившую никогда малопульку, но стрелять не решался. А жадность толкала на выстрел, она отчаянно требовала свалить лёгкую добычу. Но инстинкт самосохранения подсказывал быть осторожным. Нутром чувствовал, что не уйти от возмездия

по такому пути, коль окажутся ненароком пастухи-оленеводы поблизости.

Сорвав с запарившейся головы шапку, Борис сунул её за пазуху, постоял, тяжело двигая могучей грудью в такт дыханию и раздувая по-животному напрягшиеся от волнения ноздри, буквально заставил сам себя уйти от соблазна. И вот теперь в балке за кружкой чая он неторопливо рассказывал всё это Николаю и Губайдулину.

— Между прочим, зимник к этому бору подходит с другой стороны. Правда, крюк надо делать порядочный, но на машине это раз плюнуть, — подвёл итог всему сказанному Борис и испытующе посмотрел на своих более молодых друзей. Губайдулин молча дул в кружку. Николай лениво махнул тяжёлой, измазанной мазутом рукой, чуть тряхнул рыжими волосами и, щурясь в оттаявшее оконце балка, проговорил:

— Начерта нам губить этих оленей. Продуктов достаточно завозят, мясных в том числе... Да и весенние олени худые.

— Здоровый ты, Микола, а всё дитё. Мясо свежее, оно и худое, а всё-таки свежатинка. Но главное — камыс, пусть даже весенний. Камыс нынче всему голова — что угодно через него можно достать. — Борис закурил новую папиросу, затянулся глубоко и прогнал неспешную струю дыма в сторону парня.

Вдруг Николай напрягся, подался к окошку и, всматриваясь через мутное стекло, осторожно вслепую отодвинул кружку с чаем.

— Олени, — прошептал он одними губами.

Борис и Губайдулин кинулись к окошку, опрокинув при этом скамейку.

Олени стояли в нерешительности на развилке дороги, метрах в ста от балка, и настороженно присматривались к машинам и к балку, раздувая ноздри, ловили струи весеннего воздуха. Дорога в том месте раздваивалась на два рукава и входила в карьер с двух сторон: с одной стороны пустые машины въезжают, с другой – выезжают гружёные. Левый рукав дороги сейчас был перекрыт отремонтированным краном, машиной Губайдулина и балком, разившим горелым углём. Правый был свободным.

Животные потянулись по нему. Они не могли знать, что несут свои жизни в жестокую ловушку. Люди дождались, пока олени прошли линию балка, и только тогда опрометью кинулись к машинам. Стадо испуганно шарахнулось в карьер. Губайдулин и Николай мгновенно завели автомобили и через считанные секунды перекрыли выходы из карьера. Машины были поставлены поперёк дороги в самых узких местах: при въезде и выезде.

Животные оказались в западне. Ровная площадка размером сто на пятьдесят метров была охвачена со всех сторон отвесными гравийными стенами высотой в двадцать-тридцать метров. Олени остановились на середине площадки кучно и, поворачивая головы то в одну, то в другую сторону, стали осматриваться, как будто что-то соображая.

Губайдулин и Николай стояли около урчавших машин, готовые криками и размахиванием рук отпугнуть оленей,

если бы те кинулись прорываться из карьера по дорогам. Борис двинулся по краю отработки поближе к животным. Он держал малокалиберную винтовку наготове, пригибаясь, ноги переставлял осторожно, как бы подкрадываясь, хотя олени видели его всего и следили за его движениями лихорадочными в испуге глазами.

Борис присел на корточки, вскинул винтовку и мгновенно прицелился за левую лопатку старой важенки, той самой, которая так уверенно вела сородичей на Север. После выстрела олениха дёрнулась, как от удара током, и рухнула на месте. Борис знал своё дело – выстрел был точным. Остальные животные рванулись к выходу, но урчавшие машины и орущие люди остановили их.

Через полчаса всё было кончено. Столько времени потребовалось Борису, чтобы уложить сорок семь метавшихся в страхе, загнанных в западню оленей. Машины из осторожности заглушили, и теперь все трое стояли на середине карьера и нервно курили.

– Чёрт знает, что такое, зачем нам столько? – Николай резким движением отбросил окурок, оглядывая место трагедии.

Туши оленей были раскиданы по всей площадке, некоторые животные ещё дёргались в предсмертных судорогах.

– Губайдулин, быстро заведи машину. Сvezём всё вон в тот закуток, поснимаем камыс и трупы завалим гравием... благо у нас есть кран. Не дай бог, кто-нибудь завалится, не оберёшься беды, – возбуждённо проговорил Борис.

Он отошёл в сторону, снял фуфайку, бросил под ноги и положил на неё мелкашку. Полуобернувшись к Николаю, напряжённо улыбнулся, располагающим голосом сказал:

– Спокойнее, Микола, нервишки в зубы и – за дело. Снимай куртку, придётся попотеть: будем закидывать с тобой в кузов, а татарин свезёт и опрокинет в конце карьера.

Николай нервно дёрнул плечами, как при ознобе, но куртку снял и направился к заезжавшей в карьер машине. Он злился на Губайдулина, на Бориса, а больше всего на самого себя за то, что так бездумно, без всякого нажима со стороны приятелей пошёл на это, совсем ненужное для него, даже противное его натуре, дело. Но, тем не менее, уже оказался соучастником преступления и распоряжения Бориса выполнял хотя и без энтузиазма, но быстро и споро-висто.

Сняли со всех оленей только камыс, не отрезая ног, не снимая всей шкуры. Трупы лежали целые, но без камыса на ногах. И это было так омерзительно, что Николая чуть не стошило. Он вспомнил, что видел в кино: в таком же карьере трупы расстрелянных гитлеровцами женщин в верхней одежде, но в туфлях на босую ногу. И ещё вспомнил, как видел однажды забой оленя знакомым пастухом и даже пробовал сырое, ещё тёплое мясо с кровью, сдобренной солью. Но ни тогда, ни теперь это не вызывало отвращения, поскольку выглядело как-то естественно. А сейчас это была дикая, мерзкая бойня.

Когда подогнали кран, и Николай собрался заваливать набросанные друг на друга туши, Борис вдруг захлопнул руками. Крановщик остановил на полпути полный гравия ковш. Губайдулин застыл над раскрытым мешком. А Борис подскочил к кровавой мешанине того, что только что было живыми, трепещущими животными, и, умело орудуя ножом, стал вырезать языки оленей. Он страшно торопился: жадность и страх возмездия бурлили в нём одновременно — надо было взять как можно больше и в то же время скрыть следы преступления как можно быстрее.

Побросав в мешок штук двадцать окровавленных языков, он выпрямился на минуту, подмигнул хмурому Николаю:

— Отличная закусочка будет. Подфартило сегодня, здорово подфартило.

Потом опять схватился за нож и набитой в таких делах рукой ловко рассёк живот ближней важенки. Ткнул нож в ляжку туши, чтоб не затерялся, основательно вытер обе руки о шерсть, закатал рукава свитера по локоть.

— Тыфу, старый лешак... Как неосторожно, одёжу в крови завозишь, — ворчал Борис при этом на себя.

Он залез руками в ещё тёплое, дымящееся чрево животного, поворочал там ими и вытащил плод.

— Губайдулин, снимай пыжик! — Борис отбросил в сторону мокрое, скользкое тельце крохотного оленёнка, так и не увидевшего белый свет. А сам взялся за следующую важенку.

Когда всё было кончено, завалили гравием туши, закидали кровь на площадке. Разделили между со-

бой камыс, языки, пыжик. Николай и Губайдулин побросали свой пай в один мешок. У крановщика не было ни мешка, ни желания что-либо взять себе с этой кровавой тризны. Хотелось быстрее уйти, уехать подальше от проклятого карьера, забыть этот злосчастный день. День, когда он, здоровый, честный парень, так малодушно стал соучастником преступления.

Прибыв в балочный посёлок, где жили все трое, Николай сразу пошёл к мастеру и отпросился срочно в отпуск, сославшись на неотложные личные дела. Мастер согласился – парень давно поговаривал о женитьбе.

Губайдулин и Николай для успокоения нервов распили бутылку. Но легче не стало. Выпили ещё. А потом продолжали всю ночь и весь следующий день. Борис у них не появлялся. Он исправно работал – заправлял машины и трактора горючим.

В следующую ночь собутыльники проснулись враз в балке Губайдулина, поглядели друг на друга воспалёнными глазами. Было после полуночи.

– Надо сбегать к тёте Нюре в «десятый» магазин... Ещё тяпнем – и баста, надо кончать, – Губайдулин махнул рукой жене, приподнявшей голову с подушки, – спи, мол. Он порылся в кармане и протянул десятирублёвку Николаю.

Опрокинули по рюмке, покурили. Вроде в голове посветлело, стало лучше.

– Зря мяса совсем не взяли. Перетрусили, закопали, даже языки не все вырезали... А ведь в отпуск едешь

не откуда-нибудь, а с Севера, – пожалел Губайдулин товарища.

– Да и рогов можно было прихватить. – Николай сам удивился тому, что сказал, – только что думал о том, как сбежать отсюда навсегда подальше.

«Значит, не такой уж я трус», – решил парень. На душе стало вольготно, и он потянулся к бутылке. Но Губайдулин остановил его движением руки.

– Сначала дело... Помнишь, Борис про стадо говорил. Поедешь в свою Хохляндию в полном ажуре: и деньги, и мясо, и рога, и камыс, и пыжик... Погуляешь всласть. – Губайдулин заткнул горлышко бутылки, сунул в карман. Посидел, уставившись на спящую жену, поднялся, чуть качнувшись, нахлобучил на голову шапку и без телогрейки и рукавиц направился к двери. Николай тоже в одном пиджачке последовал за ним.

Была ещё ночь. Апрельская, но довольно холодная. И начиналась пурга. Северный жгучий ветерок проносился порывами между вагончиками, как бы пробуя запас моши и прислушиваясь к себе. Но не замечали этого Губайдулин и Николай. Они сходили к Борису за мелкашкой, кинули в кузов две пары лыж и уже через несколько минут неслись на «Татре» по дороге, подсказанной Борисом.

Стадо нашли довольно быстро. Крайние олени не подпустили на выстрел, бросились вглубь тропы. Двигаться по изрытому животными снегу на лыжах было почти невозможно. Бросили лыжи и, обрадовавшись затвердевшей на морозе копатине, двинулись налегке. А ветер между тем крепчал, переходил в метель. Нико-

лай уже прикрывал уши красными, без рукавиц, руками. На поляне встретили группу оленей. Животные заметили их, но стояли на месте, настороженно присматриваясь сквозь пургу. Не выходя из-за деревьев, Губайдулин уложил пятерых крупных оленей. Остальные метнулись и скрылись.

Приятели выскочили из-за деревьев и сразу окунулись в жгучие порывы метели. Лихорадочно начали сдирать шкуру с первого оленя, но руки уже не слушались. Их сводило, они деревенели, а холод пронизывал все внутренности насекомые.

Выпили из горлышка остатки водки. Губайдулин второпях вспорол животы двум оленям, но не вытащил даже внутренности — мочи уже не было терпеть холода. Трупы животных так и остались застыть, замерзая снегом, растерзанные, не нужные людям.

Негодяям было уже не до них. Они сами замерзали. Бросив и нож, и винтовку, Губайдулин кинулся бежать к дороге. Николай, корчась и закрываясь руками от ветра, бросился за ним. А неумолимые порывы метели пословали их — природа делала своё дело безразлично, спокойно.

Злодеи замерзали на ходу, забыв и про машину, и — дорогу, проваливаясь, падая и снова поднимаясь, пробивались в сторону человеческого жилья. Губайдулин, сильно обморозившись, всё же добрался до посёлка. А Николая нашли утром. Мёртвым. Он не дошёл до ближних балков восемьсот метров.

После выздоровления Губайдулина судили за пять застреленных совхозных оленей. Про тех сорок семь

несчастных животных, убитых в карьере, никто ничего не знал. Обвиняемый показал на суде, что винтовку когда-то нашёл в заброшенном тягаче Николай – иначе пришлось бы нести ответственность и Борису за незаконное хранение нарезного оружия.

На судебном заседании присутствовали кое-кто из товарищей по работе. В перерыве к Борису подошёл старый мастер:

– А ведь не без тебя всё это заварилось. Мутишь ты с самого начала людей.

Борис запротестовал. Но мастер погрозил ему пальцем:

– Не шелушись, мужик... Видим, знаем натуру таких людей, да плохо то, что долго молчим...

Суд отмерил Губайдулину два года колонии и постановил вернуть совхозу стоимость пяти оленей.

А Борис вскоре уволился. Но не уехал туда, откуда прибыл с твёрдым намерением побольше хапнуть, а устроился в другом, не менее выгодном месте. Он поразмышлял и пришёл к выводу, что незачем самому шастать с ружьём для того, чтобы достать что-то. Меха, мясо, рыба сами придут к нему, к Борису, потому что голова у него работает. Не то, что у его наивных подельников по кровавой тризне в том карьере...

И пришлось оленеводам столкнуться с ним ещё не раз.

ЯМДАНКА

Гнилой западный ветер влажнил лица людей обрывками низких облаков, время от времени гнал заряды липкого сырого снега. Но за этой полосой влаги и мокрого снега, за низкими лохматыми, рваными облаками в вышине пробиралось к закату солнце. Это было необычное солнце, а огромная бесформенная масса густо-жёлтой жидкости, как будто пойманной в безразмерный прозрачный мешок, тяжело переватывающейся в этом мешке из стороны в сторону и с трудом бредущей сквозь мокрую небесную муть.

Вся тундра от края до края была залита жижей из воды и снега. Долго стояли холода, и только в последние дни, перед этой непогодой, в середине июня, жарило солнце. Потом ударили сильный дождь, снега запитались водой, а ручьи ещё не открылись – и тундра стала морем от горизонта до горизонта.

Ни пройти, ни проехать. Но бригаде Ивана Сядея надо было непременно ямдать – перебраться со всем чумовым хозяйством на новое место. Прежняя стоянка оказалась неудачной, в низине, и неожиданные весенние воды залили пастбищные участки ездовых бы-

ков. Да и основное стадо ушло далеко вперёд и оказалось отрезанным от чума довольно широкой речкой. А оленей в эти дни оставлять без присмотра никак нельзя. Отёл важенок в основном закончился, но телята ещё слабые – за ними нужен хозяйствский глаз. Можно было бы подождать дня три-четыре, пока не прорвёт ручьи и вода не уйдёт по ним, но тогда разломало бы заторы, по которым Сядей надеялся переправиться на тот берег речки.

Аргиши живой цепочкой тянулись один за другим. Сядей, стоя на санях, сам вёл передний аргиш, остальные след в след двигались за ним.

Бригадир знал здесь каждую лощинку, каждый бугорок и сейчас под сплошной водой и талым снегом безошибочно угадывал более высокие места, обезжал низины, переходил ручьи по крепким ещё заносам снега. Сядей знал наперечёт эти сугробы, задубевшие под бесконечными тундровыми ветрами за долгую зиму, выдерживающие переход обоза и целого стада до самого лета и повторяющиеся на одних и тех же местах из года в год. И караван почти без происшествий, петляя и выбирая более сносный путь, но всё-таки в ледяной воде, медленно, но упорно продвигался к намеченной Сядеем стоянке.

Катя вела предпоследний аргиш из четырёх нагруженных нарт. Она, как и Сядей, стоя на легковых нартах, управляла подсаночными оленями и время от времени оглядывалась назад, проверяя, всё ли в порядке с грузовыми ездовыми, которые, казалось, из последних сил волокли тяжёлые сани. Заодно она посматривала

на Николая Шабанова, который шёл со своим аргишем замыкающим, готовым прийти на помощь остальным членам бригады в случае какой-нибудь неполадки. Алёшка подгонял свободных ездовых оленей и сильно отстал.

Катя не только зрением и слухом, но и всем своим молодым телом ощущала неровный, дёргающийся ход аргиша. Она помахивала хореем, делала своё привычное повседневное дело и думала тоже о своём привычном, девичьем.

Девушка думала о Шабанове и Алёшке. Оба хороши: один – одним, другой – другим. С кем пойдёшь рука об руку по жизни? С кем будут радостными немереные, нелёгкие пути-дороги ямданок. Оба любы. А который же любее? Черноволосый, весёлый, бесшабашный здоровяк Алёшка или русый, задумчивый крепыш Николай? Оба любы. А почему же не один? Или это ещё не любовь? Думай, думай, Катерина! Чует трепетное сердце – скоро дать ответ придётся.

Волнующие и приятные мысли трепещут в голове девушки. Трудно, с надрывом сквозь встречную метель ездовые вытягивают тяжёлые нарты.

Передние обозы остановились. Катя провела свой аргиш на более сухое место. Оказалось, дошли до Колва-виски, своеенравной, извилистой тундровой речушки. Она преградила путь мутными потоками воды.

Осмотрелись. Выше по течению оказался затор. Испытывающие смотрели на не очень надежный переход. Нес широка речушка, метров сорок-пятьдесят, может, будет, но не перепрыгнешь с тяжёлыми санями, не пере-

правишься со всем хозяйством без плавсредств. Есть деревянная лодка у бригады, но до неё далеко — припасена она в чаще на берегу далёкой Каратайки. Там она нужнее — широкую Каратайку без добротной лодки не одолеешь. А тут надо суметь перейти затор по застравшим в русле льдинам.

Алёшка, проверяя железным наконечником хорея крепость льдин, перебрался на другой берег, осмотрелся, махнул рукой. Мол, можно переходить. Метель унялась, но так же низко неслась изодранные в клочья облака и сквозь них по-прежнему огромным сырым яичным желтком перекатывалось солнце. Люди промокли насовсем, с ног до головы. Но надо было двигаться, чтобы сохранять в себе тепло.

Тяжёлые нарты переправляли по колыхающимся льдинам, по одной, осторожно, но с большой сноровкой. Привычное дело — оленевод круглый год в пути, а дорог и мостов никто ему не настилает. Сам должен смекать, как провести аргиши так, чтобы и самому остаться сухим, и не замочить запасы продуктов и одежды.

Таскались с санями в основном мужики. Авко-Миш подводил к переправе очередных подсаночных с нартой, а Алёшка и Шабанов проводили их с одной льдины, что попрочнее, на другую. На том берегу Сядей подхватывал вожжи, стремительно взбегал на крутизну и ставил сани на нужное место. Так продолжалось раз за разом.

Ольга решила провести сама. Витька сидел на материных санях в уютном пологе, дремал. Ольга, под-

поясненная тасмой, в тобоках, стянутых по голенищам шкурками, осторожно переходила с одной льдины на другую, вожжей и хореем направляла передового олена и пелеев. Льдины ворочались как живые, мутная вода тяжело перекатывалась в проёмах.

На самой середине речки случилось то, чего больше всего опасались оленеводы. Нижняя по течению льдина, подпиравшая до этого остальные, вдруг начала отходить, разворачиваться. И тотчас все другие льдины пришли в движение, зашевелились.

Люди на обоих берегах тревожно закричали, забегали. Ольга растерялась и не успела вовремя перепрыгнуть на следующую льдину. Олени, почувствовав опасность, задрожали, в смертном испуге таращились на переваливающуюся жуть водной пучины. Через минуту льдина, на которой находились подсаночные, стала одним краем погружаться в воду. Олени шарагнулись, бултыхнулись меж льдин и сразу запутались в упряжи. Сани опрокинулись, и Витька, не успев даже заорать, с вытаращенными в ужасе глазёнками вылетел из полога и головой вниз ушёл в бурлящую муть. Льдины окончательно разошлись, и переправа лишилась ледяного перехода. Разлившийся весенний поток воды с плывущими по нему отдельными льдинами обрёл свободу...

Ольга пластом лежала на своей льдине и с перекошенным в невероятном страхе лицом дико выла. На берегах творилась лихорадочная кутерьма. Катя, в голос ревя, во всей одежде сунулась в воду, но сразу ушла с головой и стала выкарабкиваться на скользкий берег,

цепляясь за мокрые кусты. Авко-Миш непередаваемо матерился и трясущимися руками распутывал аргиши. Шабанов, отталкиваясь и подгребая хореем, лихорадочно стремился к месту, где пропал Витька. Плача и что-то выговаривая нечленораздельное, жена Сядея помогала Кате вылезти на берег. И только Сядей и Лёшка без лишней суеты, но споро, не потеряв головы, готовились на противоположных берегах к осознанным действиям. Один собирал аркан для броска, второй сбрасывал с себя всё лишнее: малицу, пиджак, тобоки.

Лёшка в штанах и рубашке, но босой, стремительно вошёл в обжигающий ледяной поток и поплыл на боку к той льдине, около которой только что показалась то ли рука, то ли нога Витьки. А Сядей с невозмутимо каменным лицом, со спрятавшимися в щелках глазами деловито и ловко забросил аркан на шею барахтавшегося передового оленя и стал мощно подводить к берегу бьющуюся в смертных судорогах упряжку. Жалко было бригадиру таких хороших, становых, как он называл их, ездовых быков.

А Ольга в это время, уже пришедшая в себя после первого испуга, понявшая, что ей лично мало угрожают коварные потоки, убивала себя по утонувшему в этих грязных весенних водах Витьке. Она с силой ударялась всем лицом о шершавый лед и с надрывом выкрикивала:

– О, Боже! Боже! За что?!

Но Алексей всё-таки выловил Витьку под водой. Еле откачали мальчишку. Нахлебался воды и сам спаси-

тель – рвало его от этого, мutilo. Корчился он какое-то время от «северного ветра» в судорогах, растирал обеими руками окаменевшие мышцы ног. Сняли с льдинны и Ольгу, всю мокрую, с разбитым в кровь лицом. Погибли три ездовых оленя из её упряжки...

Чум поставили здесь же, на берегу. На обеих половинах жилища яраны сидели за столиками, чаёвничали. Все сухие, согревшиеся теплом печки и выпитых стопок. Мужики уже со смехом вспоминали подробности трудного дня. Укрытый тёплой малицей, спал Витька. А Ольга с исцарапанным, в кровоподтёках лицом, всё ещё тревожная, не верившая в чудо, то и дело кидала в его сторону ласково-боязливые взгляды. Катя всячески старалась угодить Лёшке, а Авко-Миш называл его кумом:

– Раз ты спас Витьку из воды, значит, ты отныне ему крёстный, а нам со старухой – кум.

Все с этим соглашались, всем было хорошо, покойно на душе. И только отяжелевший Иван Сядей, нагнув толстую шею, пробубнил:

– Трёх становых быков угробили, а вам всё смешочки.

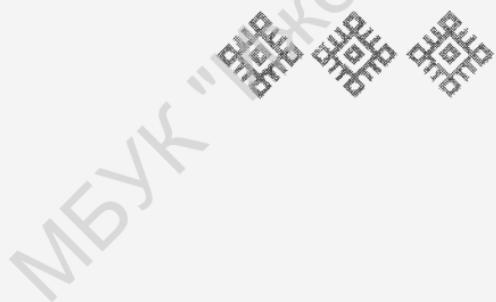
Никто ему не ответил, хотя все подумали одно и то же: «Тебе ездовых жальче людей. А что ты стоишь без нас, без людей?». Но никто ничего не сказал, не хотелось разгонять это умиротворённое состояние, которое наступило у всех после трудового дня, чуть не закончившегося трагически.

Стали готовиться к отдыху. Только весёлый Алёшка не утерпел, поддел Ольгу:

– Ты, тётка Ольга, креститься-то толком, наверное, не умеешь, а как припекло, так и вспомнила Боженьку: «О, Боже, Боже!».

Рассмеявшись, он прихватил старую малицу и вышел из чума – надо на ночь идти к ездовым, окарауливать их, чтобы сильно не разбрелись. Ведь завтра опять новая ямданка. Может, не такая трудная, а, возможно, и труднее, и без быков никак не обойдёшься.

Была уже ночь. Погода разгулялась. Воздух был чист и свеж. Низкое солнце обещало назавтра погожий день.

ХАЛЕ-ТЫ

I

Звонким от молодого октябряского морозца днём бригада Ивана Сядея приымдала на видимое в бинокль расстояние к каралю Хале-ты – базе оленеводов с несколькими бревенчатыми домиками, складскими помещениями. Тут же находился убойный пункт мясокомбината, авиаплощадка с радиостанцией и сам караль – изгородь для просчёта и зооветеринарных обработок оленей.

Обычно здесь обитают три человека: совхозный сторож Федька и сторож мясокомбината Ванюта Прокопий с женой Машей. Осенью же, во время забоя оленей, здесь шумно, людно. Каждый день садятся самолёты, вертолёты, жизнь клокочет, ворочается, с одной стороны, бурно – кипит работа по просчёту, зооветобработке поголовья, забою оленей и вывозке продукции; с другой – пьяно, с головной болью, а иногда разгульно и весело. Недаром один опытный ветеринар говорил: кто провёл в оленеводстве несколько лет, тот многое знает, но кто при этом прошёл и через Хале-ты,

тот знает всё. Считай, прошёл огонь, воду и медные трубы, и все крутые повороты.

Совхозный сторож был мужик лет сорока, среднего роста, плотный, чуть рыжеватый, с порядочным красным носом. Был он когда-то неплохим пастухом, ходил с семьёй по тундре в оленеводческой бригаде. Но жена что-то приболела, дети пошли в школу, и оставил Федька Дарью с детишками в деревне, а сам определился в Хале-ты сторожем. Охранял вещи пастухов, что оставляли те посезонно: весной – зимнюю одежду, чумовое хозяйство, а осенью наоборот – всё летнее. Можно было работать и в деревне около семьи, но Федька думал долго и, подвыпив, выложил жене программу:

– Ты, Дарья, держи хозяйство в деревне, а я буду наживать богатство в тундре – хоть зарплата сторожа и невелика, но рыба, мясо, меха всегда будут. А нынче где волосато – там богато.

Подморгнул, дёрнул сизым носом игриво и добавил серьёзно:

– Не дай пропасть копейке. Наоборот, прирасти к ней другую, к моей копейке свои рубли подбрось – и заживём всем на зависть. Кумекай – всё, что буду привозить из тундры, можно сбывать в десять раз дороже.

И хотя Дарья знала своего Федьку по части выпивки, по непутёвости в хозяйственной жизни, соблазнилась на посулы, отпустила одного в тундру и стала ждать.

Ненец Ванюта Прокопий – местный человек. Он и родился на озере Хале-ты, и все свои сорок лет про-

жил здесь же. Выезжал в город иногда только для сдачи рыбы, когда ещё работал в госпромхозе рыбаком. В один из таких выездов и встретил бойкую соблазнительную Машу. Она была лет на десять моложе Прокопия, без мужа, но растила тринадцатилетнего сына.

Малограмотная, но сообразительная и пронырливая, она была где-то при «деле», имела благоустроенную квартиру в городе, знала достаточно мужчин, но всё-таки пребывала в постоянной неудовлетворённости жизнью – хронически не хватало денег. И тут на её горизонте появился Ванюта с кучей денег за сданную рыбу и с тugo набитым песцовыми шкурками рюкзаком. Маша не растерялась и скоро прилетела в Хале-ты как законная жена Ванюты. Она даже расписалась с ним и сменила свою белорусскую фамилию на ненецкую Ванюта. С ходу уговорила Прокопия заиметь сберегательную книжку одну на двоих, оформленную на неё, Машу, и зажила бурной, деятельной жизнью по сколачиванию денег.

Цифра в книжке увеличивалась быстро – Маша умела всё оборачивать в деньги. Моталась на попутных вертолётах между городом и Хале-ты: туда везла мясо, рыбу, меха, а оттуда – Прокопию очаровательную улыбку свою, жаркие ласки и канистры водки.

Между тем сторож сам не заметил как почти бросил пить, а водкой стал поить пастухов, проходивших мимо со стадами оленей. Те были в восторге от доброты Прокопия, особенно Маши, и в приливе признательности, ответного уважения забивали оленей около благодетельного домика, везли камыс, пыжик.

Но аппетит приходит во время еды. Маша быстро сообразила: зачем везти товар в город – накладно и небезопасно, а обратно – водку, можно здесь же варить бражку, гнать самогон. Задумано – сделано, и дело забурлило...

Пока женщины ставили чум, затаскивали в него постели и разную хозяйственную утварь, Иван Сядей не спеша, деловито возился около аргишей. То глянет, путём ли стянуты верёвками вещи дальнего следования, те, что сразу не понадобятся, но возить их надобно с собой; то поднимет упряжь и подвесит – пусть прорывается ветром.

Потом долго смотрел в сторону Хале-ты. Строения просматривались как в мареве, но что там внутри домов – не видно было, и это подмывало Сядея узнать, кто там есть сегодня, чем занимается.

– Николай, поезжай в Хале-ты. Дотемна успеешь туда, а с рассветом мотай обратно – вести привезёшь, а, может, и письма, и посылки есть, – проговорил Сядей, проходя мимо Шабанова.

Тот кивнул лохматой рыжеватой головой. Через несколько минут он нёсся на упряжке знакомой воргой, наезженной не одним поколением оленеводов.

В Хале-ты Николая Шабанова встретили как долгожданного гостя. Тут были управляющий оленеводством совхоза Иван Иванович, сторож Федька и пять пастухов для забойного стада. Оленей для сдачи государству сначала отделяют от основного стада, а потом уже, во второй половине ноября-декабре, забивают в убойном пункте и продукцию увозят в Печору.

В отдельном домике жили аэропортовцы: начальник авиаплощадки Борис, давний знакомый оленеводов, и ещё трое молодых мужчин. Они прилетели устанавливать ночной старт, рацию, привод.

Ванюта с Машей жили в небольшой комнатке с отдельным входом общего барака, где обычно размещаются рабочие, приезжающие на забой оленей.

Управляющий Иван Иванович – высокий, сухощавый, пожилой уже мужчина – знал нужды хозяйства хорошо и каждый год прилетал с бригадой рабочих в караль вовремя. Караль, жилые помещения, баня всегда были в порядке, готовы к работе. Он тепло поздоровался с Николаем и стал расспрашивать про бригадные дела. И сразу же принялся собирать на стол ужин. Взял с печки чайник и неторопливо разлил чай по кружкам.

– Люди здоровы, Иван Иванович, настроение рабочее. Упитанность оленей – на спинах вода собирается. Большинство поголовья можно сдать самой высокой упитанности...

Николай взял кружку с чаем, бросил кусочки сахара, а сам скосил глаза на мужиков. Он нешибко любитель спиртного, но так уж повелось, что первый приезд в Хале-ты всегда отмечался. Управляющий нагнулся и вытащил из-под стола бутылку. Разговор пошёл оживлённее. Пастухи с забойного стада и Иван Иванович выкладывали деревенские новости, а Николай – про дела в других бригадах.

– Большинство оленей здоровые, но есть и копыточные больные, надо бы забить их сразу, иначе потеряются в пургу.

Николай раскраснелся от непривычного избяного тепла, выпитой стопки и сидел теперь, отодвинувшись от стола, курил. А, может, его бросило в краску от волнения – сильно его задевало положение со сдачей оленьпоголовья государству. От управляющего он знал, что когда-то построили убойный пункт Хале-ты только для того, чтобы вести забой оленей в оптимальные сроки – в октябре. И в первые годы забой действительно проводили в октябре, отличное мясо вывозили на самолётах в город. Результаты оленеводства резко улучшились – совхоз большие прибыли стал получать. Ивану Ивановичу орден дали – много труда он вложил в организацию этого дела.

Но позже положение менялось в худшую сторону. В последние годы начало забоя отодвинулось уже на вторую половину ноября, а весь процесс затягивается до середины января, то есть возвратились к тому, от чего с большим трудом когда-то ушли. Соответственно ухудшились и результаты оленеводства. Предубойные пастбища истощились передерживаемым поголовьем. Все старания оленеводов по сохранению животных, сдаче мяса высокого качества, повышению экономических показателей сводились к минимуму по вине заготовительной организации.

Несвоевременный приём оленей мясокомбинатом наносил и огромный моральный ущерб – падала производственная дисциплина пастухов. Они видели равнодушное отношение государственной организации к результатам своего труда и в то же время знали исключительную заинтересованность в нём буквально всех и каждого.

– Больных оленей, Николай, забьём, но мясокомбинатовских пока никого нет. Прилетят только через месяц, как всегда. Но плохо то, что убойный пункт не вполне готов к приёму оленей, тоже как обычно, – грустно сказал Иван Иванович, понимая беспокойство пастуха.

На улице зашумели собаки, кто-то заскрёб веником. Проскрипела дверь, и в комнату вкатилась мама-Маша.

Мамой-Машей её прозвал радиост оленеводства за то, что она азартно и без всяких сомнений всех подряд поучала, всем давала житейские советы, всем на словах сострадала.

– Вечер добрый, дорогие! С приездом, Николай... Как доехал, как здоровье? – запела Маша, и глаза её излучали столько доброты и внимания, что Шабанов и все сидящие мужики, знавшие её близко, разом подумали: «Вот баба-стервоза!».

Было в этой их мысли и своеобразное восхищение, и ещё какое-то переплетение чувств, которое каждый выразил тоже мысленно: «Бывают же на свете ловкие люди!».

– Как здоровье, Николай, твоего бригадира Ивана Сядея? Как поживает его жена? – Мама-Маша направилась к Ивану Ивановичу и села рядом с ним на скамейку.

Николай подумал: «Знаешь, небось, где что-то можно вырвать, через кого что-то выгадать».

– Да ничего живут оба, поклоны тебе слали.

– А сам не женился?.. Смотри, опоздаешь!

– Нет пока, невеста, наверное, подрастает ещё, – ответил Шабанов.

Посмотрел Иван Иванович на Николая и сказал:

– Я его сейчас забираю от Сядея учётчиком к себе...

Так что осенью он будет в Хале-ты, а в общем у него жизнь будет путевая-дорожная... Невесту быстрее найдёт.

Николай от неожиданности вспыхнул. Но подумал: «Не шутит ли управляющий?».

Мама-Маша уже засыпалась:

– Вот был просто Николай, а тут сразу Николай батькович... Начальником становишься, парень!

А Иван Иванович рассеял последние сомнения Шабанова:

– Я давно к тебе присматриваюсь, Николай... Это не вдруг, мне нужен помощник... Уставать стал, а дел много. Так что, решено.

– Но у меня ещё есть бригадир, и людей в обрез в бригаде.

– Вот бригадиру твоему я всё и объясню... А ты передай, чтоб стадо загнал в караль через день. Надо начинать отделять весь забойный контингент. Утром поезжай и передашь, а сейчас отдыхать надо, – закончил твёрдо начальник.

Утром Николай мчался на упряжке к чуму и чувствовал в душе, что решение Ивана Ивановича – крутой поворот в его, Шабанова, судьбе.

II

Стадо в Хале-ты пригнали чуть свет. Пастухи забойного стада во главе с Иваном Ивановичем были наготове возле караля и загнали оленей в изгородь без задержки. Олени закружили в основном загоне, а мужики разошлись, чтобы переодеть-

ся в лёгкие и удобные в работе старые малицы, попить чаю.

Работа в карале пошла споро. Мужики старались вовсю, и неудивительно – надо было за короткий осенний день пропустить через руки двухтысячное поголовье. А это – огромный физический труд, проводимый в быстром темпе.

Оленей надо небольшими партиями загнать в рабочую камеру, буквально каждого мечущегося в страхе, полного жизненных сил животного поймать и зафиксировать. Одним ввести подкожно препарат против сибирской язвы, другим вырезать на ушах соответствующие клейма и не перепутать совхозных и личных оленей. Провести выбраковку, просчитать всех, опять же отмечая отдельно совхозных и частных оленей. Яраны при этом должны помнить и отличать сотни клейм, потому что у каждой бригады, у каждого пастуха своё личное клеймо. А рядом находятся ещё и другие хозяйства, их пастища не перегорожены, и олени обязательно перебегают из своего стада в другое.

Подъехали пастухи из других бригад и двое из соседнего совхоза. Они стали помогать и высматривать своих оленей. Работа пошла ещё быстрее. Иван Иванович удовлетворённо покрикивал, подгонял и так уже старающихся мужиков.

Зоотехник был доволен бригадой Сядея. Упитанность животных была высокая, и на глаз опытный оленевод прикинул по численности стада, что не потеряли пастухи оленей во время бесконечных перегонов.

Пастухи и бригадир сами были довольны, поэтому и работа спорилась. Шабанов ловким движением ловил одной рукой за основание рога метавшегося в тесной камере оленя, тут же левой хватал за нижнюю челюсть, усмирял взбесившееся животное и сразу кричал:

— Иголка! Нож!

Веттехник Терентьев подскакивал и ловко вводил иглу шприца в область шеи оленя, а бригадир Сядей точным движением острого ножа делал отметку на шерсти, чтобы не обработать повторно.

Тут же сразу в два голоса неслось:

— Иголка! Нож!

Это Алёшка и Санька старались рядом.

Шабанов ловил следующего оленя и прикидывал: «Если дело так и дальше пойдёт, то управимся до темна со стадом». Но тут же он увидел через сетку стоявших и глазевших на работу Ванюту с мамой-Машей и Бориса. Недобро в голове пронеслось: «Ждут своего часа!».

Пропустили через рабочую камеру полтысячи оленей, и Сядей велел Авко-Мишу забить телёнка на айбарч. Михаил справился с привычным для него делом за несколько минут. Поймал упитанную телю-важенку, вытащил за изгородь, забил, снял ловко шкуру и распластал в сторонке на снегу. Разделав тушу с одного боку, на другой стороне туши оставил горячую кровь как в корыте, бросил туда горсть соли, размешал ножом — и айбарч готов.

— Айбарч! Айбарч! — крикнул он, а сам отхватил оленье ухо, макнул в тёплую, солёную кровь и, ловко ору-

дуя ножом, быстро и смачно отправил его по кусочкам в рот.

Пастухи споро подходили к нехитрой трапезе и без лишних слов подключились к айбарчу. Кто-то предложил: «Тут не худо и пропустить», – и сразу в руках Ивана Сядея откуда-то появилась бутылка, а кто-то уже протягивал кружку. Мужики стали многоречивыми, расслабились.

– Ешь, ешь, сват! – Авко-Миш услужливо уступил место рыжебородому кривому пастуху из соседнего совхоза и тут же повернулся к Николаю Шабанову:

– Старайся, старайся, племяшь! Работы много, сил чтоб хватило до конца.

Вслед за первой появилась вторая бутылка. После айбарча с выпивкой работа вначале пошла ещё спорее. Но скоро количество работающих стало уменьшаться. Мужики стали пропадать куда-то, а кто вновь появлялся, тот был уже навеселе.

С разрешения Сядея и мама-Маша, Ванюта и Борис вытащили из карала за рога по телёнку. Пока по одному.

Бригадир всё чаще стал выходить из рабочей камеры, за ним сразу же удалялись двое-трое пастухов. Иван Иванович покрикивал на работников, но и сам уже оказался весёлым.

Шабанов увидел, как приезжие пастухи ещё троих телят вытащили из загона, освежевали их и тут же исчезли вместе с мясом, шкурами и камысом.

Иван Сядей вскоре совсем исчез из карала, вместо него отмечать и выкрикивать по половозрастным группам

пам и принадлежности оленей стал Алёшка. Дело шло уже через пень-колоду, а тут ещё послышался гул вертолёта. Работа в караале сразу прекратилась.

Шабанов и Алёшка побежали вдоль загона, успокаивающе подавая голос мечущимся в страхе сленям. Другие пастухи кинулись к своим перепуганным подсаночным, а Санька начал торопливо свежевать оленя. Шабанов заметил, что это был олень с чужого стада.

Могучий Ми-6 сделал разворот, ещё более переполошив животных в изгороди, и приземлился на площадке, загнав всё окружающее в снежную круговерть. Прилетели мастер мясокомбината и несколько рабочих для ремонта убойного пункта.

Около каалая появились лётчики — посмотреть на оленей. А Санька уже разделал туши и торопливо направился к ним, неся на весу камыс.

Иван Иванович, веттехник Терентьев, Шабанов и Алёшка пошли в избушку пообедать. Остальные разбрелись кто-куда. Большинство толпилось около вертолёта.

За обедом Иван Иванович достал из-под подушки бутылку водки и разлил на четверых.

— Мы что, рыжие? Все сейчас выпьют, и нам не грех, — проговорил Иван Иванович, стараясь разлить точнее.

— Не успеем сегодня пропустить всё поголовье... Напьются вконец пастухи, — с неохотой чокаясь с товарищами, проворчал Николай.

— Ничего, сейчас пообедаем и постараемся собрать народ.

Иван Иванович сказал это, но сам был уверен, что сегодня уже ничего не выйдет толкового с работой. Дай Бог, чтобы завтра пропустили. А это означало, что двухтысячное стадо оленей напрасно будет стоять без корыма в загоне.

— Сутки простоят в караля — невелика беда.. Стояли и больше, — успокаивающе сказал Алёшка.

Но у Шабанова уже щемило в груди от предчувствия всеобщей пьянки пастухов, в результате чего оленям не одни сутки придётся прошаркать копытами в загоне без корма, воды и чистого снега.

После обеда пошли собирать народ на работу. Вертолёт ещё не улетел, но около него уже никого из пастухов не было. Только Санька шёл с той стороны с ведром, полным жидкости, отдающей голубизной. Он нёс ведро очень осторожно, стараясь не расплескать. Шабанов не обратил особого внимания на это — идёт куда-то с водой, да и только.

— Давай в караль, подгоняй всех, — сказал Николай и пошёл дальше.

В караль пришли, кроме четверых, Авко-Миш на заплетающихся ногах и один из пастухов из соседнего совхоза, рыжебородый кривой Пронька, тоже тёпленький.

Начали загонять животных из общего загона в предрабочую камеру. Но они, как говорят в таких случаях оленеводы, «испортились» — носились, сломя голову, по общему загону и никак не хотели заходить в более мелкие предрабочую и рабочую камеры. Долго пытались загнать хотя бы часть оленей, но ничего не получилось. Наконец вертолёт улетел, но это ничего хоро-

шего не принесло. Он оставил в Хале-ты свой ядоносный груз – рабочих с булькающими рюкзаками, ведро технического спирта – то, что пронёс Санька мимо Шабанова, отдав взамен камыс и мясо, принадлежавшие чужому дяде, а не пастухам бригады Сядея.

Шабанов и Алёшка проверили ворота загонов, закрепили покрепче задвижки, чтобы олени не выбежали, и тоже направились в домик.

В маленьком посёлке жизнь кипела вовсю. Весёлые и радушные мясокомбинатовские затопили печку в своём домике и осваивались на новом месте возбуждённо, гостеприимно.

Вечером Николай решил обойти караль и проверить, не прорвали ли олени где-нибудь сетку. Около ворот задержался и при свете луны насчитал четырнадцать брюшин. Одного оленя забили на айбарч и там же оправой съели, значит, тринадцать голов ушли налево – на пропой. К вертолётчикам, к Борису, к маме-Маше с Ванютой.

Шабанов пошёл вдоль загона, вполголоса матерясь, и заметил, что кто-то впереди возится, пригнувшись. Осторожно подошёл, предвкушая, как сейчас накроет чужака с поличным. Но им оказался Алёшка. Он увидел Николая, но, не обращая на него внимания, продолжал снимать шкуру с крупного оленя. Николай удивился больше не тому, что Алёшка в неподходящем месте забил оленя, а тому, как он доставил сюда из загона такого крупного, необученного кастрата.

– Как ты перетащил его сюда? – спросил Николай, на ощупь узнавая ушное клеймо животного.

— Перебросил через изгородь... Помолчи, олень чужой, не из нашего стада... Лучше помоги разделать, не одному же Сядею польшевать... Загоню маме-Маше на самогон, отведу душу. — Алёшка последним мощным движением сдёрнул шкуру с оленя и бросил тут же под ногами.

— Вы здесь четырнадцатого чужого оленя сегодня будете пропивать, а где-то точно так же наших забивают. Вот и удивляемся — куда же они деваются, неужто, мол, в земле дыра есть... Дыра-то есть — наши глотки.

Николай зло выговаривал товарищу справедливые упрёки, хотя чувствовал, что не в Алёшке только дело. Что-то организовано не так, что-то устроено неправиль-но. Вот это разгильдяйство и даёт возможность мамам-машам и борисам скучать оленя за три-четыре бутыл-ки спиртного, а сядеям и остальным — продавать.

— Ты иди в избушку, а я оформлю всё это и приду туда же, — ничуть не рассердившись, проговорил Алексей беззаботно, закончив разделывать тушу.

Поздно вечером сидели в избе Ивана Ивановича. Алёшка щедро разливал добытое у мамы-Маши «добро». Пришёл и мастер мясокомбината Александр Васильевич. Он принёс спирт — гостинец Ивану Ивановичу — и остался за столом. Шабанов выпивал со всеми, разговаривал, но в душе было муторно, в голове воро-чались мысли тяжёлые, тревожные.

— Помнишь, Иван Иванович, как мы с тобой лет двадцать назад здесь начинали? Сколько трудов положили, чтобы поднять по воде за полтысячи километров материал на эти домики, склады, караль!.. Сколько за эти годы отличного мяса

отправили государству! – Александр Васильевич выпил из стакана остатки спирта, добавил: – И водки за это время выпито... – он не договорил, а показал раскинутыми руками – сколько было употреблено.

– Ничего не скажу, пить пили, но дело не забывали... Плановые показатели почти всегда перекрывали, – Иван Иванович мотнул тяжёлой головой: – Не то что молодёжь нынешня... Пьёт и забывает о деле начисто... Вот сегодня... Из-за водки дело остановили, и бессловесные животные вынуждены томиться в загоне.

– Иван Иванович, Александр Васильевич, вот вы старые работники, начальство... Неужели нельзя прекратить этот бардак? Ведь на глазах происходит буквальное спаивание и ограбление пастухов... Мужики пропиваются и своих, и чужих оленей, камыс, пыжик, разные шкурки – и всё за бесценок... Если незнающему человеку рассказать – не поверит.

Шабанов говорил взволнованно. Видно было, что высказывал он наболевшее, волновавшее его давно и глубоко. Он откинул рукой волосы со лба и взялся за подбородок, губы нервно дёргались.

Алёшка отодвинул пустой стакан на середину стола и, хотя сам сегодня загнал за несколько бутылок водки целого оленя, проговорил:

– Вот, вот... Ответьте Николаю... Он мой первый друг, сердце у него горит за справедливость.

Установилась тишина. Александр Васильевич потянулся осторожно за куском мяса, видимо, решил отмолчаться и дать возможность ответить Ивану Ивановичу.

— Вопрос в лоб... Хале-ты — пупок, через который ловкие люди высасывают соки с оленеводства... И всё безнаказанно, — веттехник Терентьев бросил обглоданную косточку, вытер руки и потянулся за лежавшей на краю стола пачкой сигарет.

— Видишь ли, Николай, здесь тундра, люди отрываются от дома, семьи, в тяжёлых северных условиях работают. И каждый сюда едет, чтобы что-то достать... Иначе зачем и кому этот Хале-ты нужен, — Иван Иванович облокотился на край стола, продолжил: — Сам подумай, кому охота отрываться от домашнего уюта и здесь — в грязи, в тесноте, в пургу и в холод — надрываться, если никакого приварка не будет... Опять же то, что здесь достанешь, ни в каком магазине не купишь законным путём.

Иван Иванович ещё что-то говорил насчёт удалённости от районного центра, от начальства, но Шабанова всё это не удовлетворяло, не убеждало. Он, кисло скривившись, курил, роняя пепел на стол.

— Они едут сюда на короткий период, им обязательно нужен приварок, а что же мы?.. Круглый год в тундре, зарплата у нас намного короче, чем у этих командированных... Что же нам тоже надо хапать, растоптав свою совесть? — Шабанов подвинул свой стакан поближе к Алёшке: — Лучше налей ещё, друг, опрокину стаканчик да завалюсь спать. Завтра работы под завязку.

III

Утром Шабанов согнал в караль хмельных ещё пастухов, но не всех. Бригадир Сядей и Санька были не в силах двигаться. Санька пластом лежал на полу у аэропортовцев и Сядей тоже на полу — у мамы-Маши вос-

седал, подобрав под себя ноги как турецкий паша. Сощурив узкий глаз, бригадир другим сверлил несуществующего собеседника и вёл с ним разговор о честности и добропорядочности в оленеводческом деле. Вопросы задавал сам и тут же азартно на них ответствовал.

Как ни старались Шабанов с Иваном Ивановичем и веттехником вдохнуть в мужиков желание работать и пропустить стадо – провести ветобработку и выбраковку оленей, затем выпустить животных на волю, – ничего путного из этого не вышло. Сатанинская сила запасов мамы-Маши и Бориса была сильнее увещеваний местного начальства, и мужики один за другим исчезали с фронта работы и оказывались в ином месте: кто за столом, кто под столом много видевших, несуразных халептинских домиков.

Мясокомбинатовские рабочие во главе с мастером тоже гуляли. Весь день одуревшие, бормотавшие что-то невнятное мужики, шатаясь и падая, переходили из одного домика в другой.

Проходя мимо домика мамы-Маши, Шабанов увидел кривого Проныку из соседнего совхоза. Он лежал на боку, положив лохматую рыжую голову на чурку, где обычно Ванюта рубил мясо, колол дрова. Сбоку торчал воткнутый в снег топор-колун. Проныка заметил Николая, приподнял голову.

– Никола, друг, не поленись, отсеки топором башку, – голова Проныки обратно стукнулась о чурку, глаза закрылись. Проныка пропил вчера маме-Маше оленя за четыре бутылки самогона. Сегодня башка трещала, но

мама-Маша «за так» не похмеляла, а дать ей что-либо было уже нечего.

Шабанов сплюнул с досады и пошёл звать Ивана Ивановича. Надо было торопиться и, использовав хотя бы скучные наличные силы, пропустить стадо. В домике Николай застал Ивана Ивановича и Федьку-сторожа. Управляющий держался за грудь и с нетерпением смотрел на Федьку, а тот пытался накапать в ложку сердечные капли. Оба были пьяны.

— Ты, Николай, прости меня, старика, поработай за меня, просчитай оленей один... Что-то у меня мотор заклинивать стал. Выпью капли, полежу, — Иван Иванович принял. наконец, из рук Федьки ложку с сердечным, выпил.

— Что-то капли эти тягучие, но ничего, полежу, может, отойдёт, — управляющий лёг на бок, отвернувшись к стене лицом.

— Да чёрт знает что за лекарства нынче, еле накапал! — Федька укрыл начальника малицей и довольный выполненным долгом — всё-таки спасает самого Ивана Ивановича, — сел и закурил.

Шабанов взял «рубильную» доску — расграфлённый фанерный лист для отметки оленей при подсчёте по половозрастным группам — и заторопился в караль. Не дай Бог расползётся нетрезвая рабочая сила!

Вдруг он остановился как вкопанный, постоял мгновение, потряс головой и побежал обратно в домик. Николай понял, что Федька лечил начальника обыкновенным kleem, который находился в такой же точно бутылочке, что и сердечные капли.

Забежав в домик, Шабанов посадил Ивана Ивановича на койке, накапал настоящих сердечных капель в ложку, но нетрезвый начальник затряс головой:

– Уже принял, много тоже вредно для здоровья.

Николай не стал говорить ему, что он принял клей вместо лекарства, и стал убеждать, что капли старые – выдохлись, нужна двойная доза. Начальник сдался. Шабанов уложил его по-новой, укрыл, велел Федьке одеться и погнал в караль.

Только на четвёртые сутки выпустили измученных оленей из загона. Из поголовья, предназначенного для сдачи государству, пастухи на второй день нашли в кустах трёх павших оленей. Иван Иванович вздохнул и развел руками:

– Издержки производства.

А у Николая стучало в голове: «Какие же это издержки... Это преступление... Пастухи год работали, а сейчас идет усиленное спаивание их с целью открытого грабежа, и никто ничего не может сделать... Да и пытались ли кто-либо серьезно помешать этому?».

Но надо было работать дальше, пропускать другие стада, отделять от них забойный контингент. И работа пошла, хотя через пень-колоду. Рабочие мясокомбината в это время занимались ремонтом убойного пункта, а аэропортовские приводили в порядок своё хозяйство.

Шабанов часто задумывался над тем, почему же ремонт убойного пункта, дизеля и жилых помещений, подвозку горючего, дров не проводить заранее и не сдавать оленей сразу после пригона, а не с забойного стада. Тем более что рядом строится город, и мясо там тоже нужно.

IV

Сторож Федька бросил пить и в свободное время усиленно занялся подлёдным ловом рыбы и промыслом песцов петлями. Видно было, усиленно что-то соображает, шмыгая красным носом. Наверняка занялся претворением в жизнь своей мечты разбогатеть, о чём говорил когда-то жене Дарье. И дело у него наладилось. Брал у пастухов подсаночных оленей и каждый раз привозил по мешку-полтора мороженой рыбы с озера, а частенько и белоснежного песца вдобавок. Федька выпросил у Ивана Ивановича положенную ему норму камыса, сложил в мешок, перевязал крепко бечевкой, забирковал и тоже водрузил в угол склада, где хранилось несколько мешков рыбы. Высушенные песцовые шкурки хранил в брезентовом мешке под койкой, но сохранность их его беспокоила.

Время шло. В один из дней сторож пришёл откуда-то выпивший, взвалил на плечо мешок рыбы и затопал к Борису. Ровно на неделю усиленной попойки хватило ему пойманной честным трудом и сбережённой для семьи рыбы.

Один раз хмельной Федька зашёл к маме-Маше. Ванюты не было дома. Федька постоял около дверей, разстопырив распухшие от длительной хмели и мороза пальцы рук, поводил красным носом, подошёл к столу и опустошённо опустился на выщербленный годами табурет. Мама-Маша оценивающе посматривала на него.

– Всё... Борис больше не даёт похмеляться... Выгнал, сволочуга... Почувствовал, что рыба у меня кончи-

лась... А песцов и камыс я не отдам... Ни за что! – Федька тяжко вздохнул и уставился многозначительно на маму-Машу. Она сразу поняла состояние Федьки.

– У меня, Федя, тоже ничего нет... Не могу пособить тебе, хотя и жалко горемычного, больно уж маешься, – мама-Маша жалостливо посматривала на сторожа, переставляла, не торопясь, посуду на столе.

Взгляд Федьки неотступно, с мольбой следил за руками мамы-Маши. Вот она взяла чашку, задержалась, и сердце гостя сладостно ёкнуло – знакомая чашка, не раз приводившая горемыку в сладостное состояние опьянения. Хозяйка поставила чашку на середину стола, и в душе Федьки затеплилась надежда. Да и было ещё чем козырнуть мужику перед этой дьявольской бабой. И она знала, что делает.

– Есть, есть у меня, Федя... Сам знаешь, но просто так не могу дать... У меня припасено на дело... Я даже от Прокопия прячу, уж тебе-то проболталась, но ведь понимаешь сам... на дело, – мама-Маша прижала руку к высокой груди и с пониманием и ожиданием какого-то решения Федьки смотрела на него.

– Налей, заполни склянку... Дело будет, – сторож решительно переставил к себе заветную чашку: – Есть не снятый песец, припру мигом.

Мама-Маша не стала больше тянуть. Благостно для уха самодовольного гостя забулькало из горлышка канистры в чашку, а через минуту он налаживался успокоенно закурить. Но Маша точно знала действие своего зелья и выпроводила сторожа за обещанным им песцом.

Вернулся он скоро, прижав локтем к телу мёрзлого песца и держа в другой руке лёгкий по виду мешок. Песец брякнулся об пол, и мама-Маша сразу схватила его, приговаривая:

— Осторожнее ты, охламон... Хвост отломишь.

Но Федька не слушал её, голова его была занята другим.

— Мёрзлого, не снятого бери себе... Пять бутылок налей... А этот мешок скрою пока надёжно, тут дюжина высушенных шкурок... Пусть полежит у тебя, пока запой у меня пройдёт... Потом заберу, отправлю домой.

Федька запихнул мешок под койку и присел к столу, довольный собой, своей хозяйственностью, постучал пальцем по чашке.

Мама-Маша подвесила песца около дверей, набросила на него сверху платок так, чтобы не было видно, что здесь висит, толкнула двери и осторожно выглянула наружу. Никого поблизости не заметила, все были на работе: кто в карауле, кто в убойном пункте. Только метель кружила вихри между домами, заметая всякие следы и всё, что лежало не прибранным, забытым на снегу.

— Налью ещё чашечку — поправляйся. И с собой ещё пару бутылок дам... Хватит, спиртное сверху тоже не льётся, — махнула она рукой на Федьку, который при упоминании двух бутылок набычился было.

Но сторож был уже не в состоянии что-то возражать маме-Маше и торговаться. Он потянулся за чашкой с самогоном, но закашлялся, засыхал и чуть не пролил её содержимое.

Через некоторое время плутовка выпроводила его, шатающегося, с бутылками в карманах, захлопнула крепче двери, накинула крючок и поспешило вытащила Федькин мешок из-под кровати.

На другой день мама-Маша улетела в город на самолёте, увозившем мясо. Через день вернулась обратно, а Федька был ещё пьян. Он потихоньку пропивал камыс Борису. Увидев маму-Машу, обрадовался и потащился за ней в дом.

— Ты, Маша, того — налей ещё... Вода не зальёт наши отношения... Шкурки-то мои сохраняй надёжнее, сочтёмся как-нибудь, — Федька кивнул всклокоченной головой на хозяйкину койку. Он хоть и пьян был, но помнил, что затолкал туда мешок с песцовыми шкурками.

— Шкурки! Одна и была, да и не шкурка, а не снятый песец. Я с тобой за него рассчиталась полностью.

Маша стала решительно переставлять вещи, наводить порядок в комнате. Сидевший тут же Ванюта виновато взглянул на оторопевшего сторожа, схватил малицу, ничего не сказав, поспешил вышел на улицу.

— Не шути, Маша, понимаешь про какие шкурки я толкую... Да и за проданного зверя ты не больно-то расщедрилась... Так что налей чашечку, не обеднеешь.

Федька помотал головой, чихнул, нагнулся и заглянул под койку — там никакого мешка не было. Резко пояснула догадка: «Обмишурила... Обокрала». Но верить в такое не хотелось.

— Что ты, что ты, Машенька, шути да не перешучивай... Убрала шкурки подальше и надёжнее. Не зря же

из-за них я коченел в тундре под свирепым ветром, — Федька с деланно бодрым видом щёлкнул по чашке, присел к столу и уставился на Машу.

С желтизной, с красными прожилками глаза умоляли маму-Машу не брать грех на душу, превратить всё в шутку. Но плутоватая бабёнка решила всё сразу и бесповоротно ещё тогда, когда Федька пришёл с мешком. Сцапала богатую добычу совершенно бесплатно и без свидетелей. Хватка у неё была мёртвая, и отпускать это добро из когтей вовсе не собиралась. Она вдруг заплакала горько и, размазывая слёзы по обиженному лицу, запричитала:

— Бедная я, бедная... Связалась с дикарями вонючими... Ублажаешь их, охорашиваешь, но они же и плюют тебе в душу. Один в воровки с пьяных глаз толкает, другой к этому же дураку ревнует... Вон выскочил из избы, а ночью опять изводить будет — мол, живёшь с Федькой-сторожем.

Мама-Маша, всхлипывая, держалась одной рукой за грудь, а другой наполнила самогоном чашку. Ополивленную бутылку поставила на середину стола. Удручённая, убитая «горем», она остановилась, почти касаясь Федьки бедром, грудь её вздымалась и опускалась вместе с рукой. И весь её вид показывал убийство и обиду своим положением.

А чашка с самогоном, бутылка на столе, слова Маши о ревности Ванюты и близость её тела делали своё дело верно. Федька уже потянулся одной рукой к чашке, другой обхватил Машу за талию, притянул к себе и стал уговаривать её успокоиться.

– Ну, ну... Машенька... успокойся... Сейчас разберёмся... Конечно, мешок я приносил сюда, я точно помню, но, может, унёс обратно... Надо посмотреть везде.

Федька выпил, отложил чашку и обхватил другой рукой Машу, но в этот момент вошёл Пронька. И хотя Ванюта никогда и не думал ревновать Машу к Федьке, её слова о ревности прозвучали вовремя, с умыслом. Увидев в таком положении жену и хмельного гостя, Пронька дико взывал и кинулся на них с кулаками.

Через минуту они все оказались на улице. Федька с окровавленным лицом, в разорванной рубахе пытался отбиться от визжавшего с перекошенным в злобе лицом Проньки, а разъярённая Маша толкала сторожа и кричала, подзадоривая мужа:

– Так его, так, Проня... Не будет лезть к честной женщине.

Тут она увидела проходивших от караля мужиков и, схватившись обеими руками за грудь, завопила:

– Охламоны! Искалечили меня, изуродовали! Люди! Спасите!

Прибежали мужики, разняли дерущихся. Кто-то, устремившись, повёл Машу в дом. Шабанов пытался увести Федьку к себе, но сторож обиженно вырвался, заплакал, кривя измощдённое лицо и размазывая рукавом слёзы и кровь, потащился к домику авиаторов жаловаться Борису в надежде, что тот в такой ситуации расщедрится, нальёт стаканчик.

Маша добилась своего – на фоне несуществующего «бабского» скандала пропажа песцовых шкурок сторожа как-то отошла на второй план. Да никто толком и

не стал разбираться в этом. Федька был пьян, мог действительно куда-нибудь сунуть мешок со шкурками или отдать кому-то и не помнить этого.

А обиженный Федька в это время решил улететь в деревню и договаривался с прилетевшими лётчиками насчёт «билета». Но Шабанов предупредил командира экипажа, чтобы никуда не увозили сторожа — пусть проспится, нужен на работе. Но Федька в слезах настаивал, обещал камыс, и дошлый уже в таких делах командир решил вопрос по-своему:

— Чёрт с тобой, неси камыс да побыстрее! — сказал командир и направился к самолёту.

Когда сторож подошёл к самолёту с работающим двигателем, бортмеханик взял из его рук мешок с остатками камыса, кинул внутрь машины и, придержав Федьку за плечи, нагнувшись к нему ближе, под рев мотора прокричал:

— Иди вон до той ёлочки, там сядешь... Чтоб твоё начальство не заметило.

Успокоенный предстоящим отлётом Федька потащился к стоявшей в углу площадки ёлочке. А машина взвыла на полную мощность, побежала по неровному полю, оторвалась от неё и, натужно ревя, ушла в морозную синь неба.

Опустошённый Федька с мокрым от слёз лицом сидел прямо на снегу и, грозясь кулаком вслед самолёту, шептал: «Шпиёны... Шпаны...».

А позёмка равнодушно заметала Федькины следы на снегу, и никому не было дела до его горя — люди в домиках, в карале занимались своими делами.

И ещё горше стало сторожу от этого общего безразличия к его банкротству, хотелось мгновенно исчезнуть с лица земли, умереть. Но не так это просто...

Беду можно пережить. И не такое ещё человеку приходится выносить на жизненном пути.

* * *

Прошёл месяц каральных работ. Из всех стад отделили оленей для сдачи государству и пасли отдельно. Но приступить к заботе животных не смогли — началась оттепель. В Хале-ты мясокомбинат не имел холодильника, а на быструю вывозку продукции надежды не было — то самолётов и вертолётов не хватало, то они простоявали из-за непогоды. Пастухи жаловались, что упитанность животных падает, есть случаи падежа отдельных оленей, беспокоят волки...

(На этом рукопись обрывается. Внезапная смерть помешала автору дописать очерк).

ИЗВИЛИСТЫЕ ТРОПЫ

Над ровной тундрой и над сосновыми борами у Печоры-реки вдоль и поперёк почти в течение суток царит полярная ночь. Только часа на два появляется дневной свет. Как раз в эту пору к притокам Печоры возвращаются олени стада совхоза «Усь-Усинский». Поэтому короткий дневной свет так нужен и дорог.

Вот и сегодня пастухи третьей бригады гораздо раньше рассвета, пока не заголубело небо, при свете керосиновой лампы попили чайку и, лёжа на тёплых оленьих шкурах, посматривали в отверстие чума над головой. Нет, они не любовались звёздами, наоборот, ждали, когда исчезнут эти небесные светила.

Наконец на широкие доски, настеленные около железной печки, встал бригадир стада Сергей Григорьевич Манзадей. Он молча надел покрытую чёрным сукном малицу, опоясал свою статную фигуру узорчатым широким ремнём.

Вот и готово. Погладил коротко постриженную красноватую бороду и направился к узкой двери. За ним не стали медлить и остальные, хотя времяя ещё не торопило их.

Пастухи Петра Артеев, Егор Рочев и Максим Ванюта, выйдя в поголубевшую светлую мглу, сразу же взялись

делать карзак – круг из грузовых саней, похожий на рыбакскую тоню. На этом месте ещё вчера остановились, но за ночь к полозьям саней уже успел прилипнуть мягкий снег. Три взрослых мужика кряхтя передвигают сани с места на место. В круге-карзаке таких саней набралось больше двадцати. Оленеводы вспотели и устали. Но понимают, что нельзя медлить с установкой карзака. Вон Филипп Хатанзейский уже встал на широкие лыжи, вскоре погонит к чуму из леса ездовых оленей. А загоняют их в карзак сразу же, как только достигнут чума. Если промедлить – олени опять разойдутся по бору.

Сергей Григорьевич суетится у саней, усердно вытряхивает подстилку из оленьей шкуры (амдёр) с помощью выструганной из берёзы колотушки, которая словно игрушка в его руке. Бригадир всё привык делать на совесть, к этому же приучает других.

Вот из чума вышли женщины. Матрёна Прокопьевна, жена бригадира, заносит дрова. Наташа, «вторая половинка» Петры Артеева, с двумя вёдрами направилась за чистым нетронутым снегом, из которого зимой пастухи кипятят воду.

После установки карзака мужики, немного остыв, успели посмолить только по одной сигарете – и тут из леса помчались широкогрудые чёрные быки. Среди деревьев время от времени слышались окрики Петры.

Когда загнали оленей внутрь карзака, они присмирились, и пастухи начали отбирать ездовых. Сергей Григорьевич привязал к своим саням нужных оленей и начал давать указания рабочим: кому дров привезти, кому свежие пастбища подыскать, кому срубить новые полозья и копылья для саней.

По совету бригадира пастухи отбирают оленей. Обычно дровосекам нужны олени посильнее и посмирнее, а для дальней дороги можно запрячь более бойких ездовых.

Сергей Григорьевич и Максим Ванюта направились к стаду: надо обойти ночную тропу, посмотреть, чтобы олени не отбились, не пропали. Быков и большое стадо пасут отдельно друг от друга, чтобы широкогрудые не пугали сородичей, а те посмирнее себя вели, по-дольше паслись да не так сильно худели, когда кормов меньше обычного.

Бригадир и пастух с двумя санями пробирались через болото к чернеющему вдали лесу, где и ночевало стадо. Без дороги сани еле-еле ползут, Сергей Григорьевич изредка помахивает хореем да думает неспешные думы.

У бригадира и дед, и отец, и родня вся были оленеводами. Только брат деда, Ефим Манзадей, в своё время поменял профессию. Дело в том, что в начале века он был проводником у исследователя Севера, русского учёного Андрея Журавского, который впоследствии открыл в Усть-Цильме опытную станцию. Журавский направил своего проводника, как очень способного, болеющего за свой народ человека, в Петербург, где тот окончил фельдшерские курсы. Во время гражданской войны Ефим Манзадей защищал советскую власть. Впоследствии стал одним из первых руководителей сельсовета в селе Колва. Был делегатом шестого съезда Советов Коми автономной области, где виделся с Виктором Савиным, о котором рассказывал маленько-му Сергею.

Внучатый племянник Ефима Манзадея уже двадцатый год бригадирствует. Всякое случалось за это время. В один год весна запаздывает – важенки отеливаются, а северный ветер всё ещё наст держит. Иногда и вовремя приходит весна, но осень очень капризная. К приходу морозов земля покрылась льдом, и олени плохо питались зимой.

Каждый год – свои заботы. Иногда неплохо и в тундре зимовать, а в хороший год олени быстрее нагуливают вес на обильных пастбищах. Заботливый бригадир всё это замечает, учитывает. И таким образом коллектив каждый год достигает хороших показателей. Работа опытного оленевода высоко оценена – его грудь украсают медали, он награждён Почётной грамотой Президиума Верховного Совета Коми АССР.

После прохода через болото оленей привязали – по лесу на санях не пройдёшь, да и ездовые увязнут по грудь. Встали на широкие лыжи, обитые шкурой с ног оленя, поменяли тёплые малицы на более лёгкие – ведь на лыжах, ох, как сильно пропотеешь. Бригадир обходит стадо с правой стороны, а его товарищ идёт налево, где-то в лесу встречаются, и чтобы не потеряли друг друга, перекликаются.

Стадо в зимнем бору движется не как волна, а буквально продирается вперёд, словно весенний ручей, ищет пастбища пообильнее, потому во время обхода приходится и назад податься, и в сторону. Лыжи оставляют на снегу очень уж заковыристые следы.

Так случилось с бригадиром и сейчас – сильно пришлось петлять вдоль ручья и по сырому ельнику. Да и мысли бригадира сегодня петляли, спотыкались. Стал

думать о будущем: кто сменит его, когда выйдет на пенсию?

У Сергея Григорьевича два взрослых сына. До армейской службы научились ходить с оленями стадами, знают и любят родную парму и тундру, но после службы не захотели топтать отцовскую тропу. «Пускай бы уж на большую стройку подались либо большими начальниками заделались, но ведь в своей родной Кол-ве обосновались, сменили бойких оленей на ревущий, воночий трактор!...», – недоумевал бригадир.

Не то от холода, не то от горьких дум Сергей Григорьевич потирает повлажневшие глаза. «Неужели сейчас сердца сыновей не болеют за оленей? Конечно, болеют». Когда отец бывает в селе, об этом узнаёт по их погрустневшим лицам.

Но только ли его сыновья покидают оленеводство? Поженится вернувшийся из армии деревенский парень на откуда-то приехавшей учительнице или медичке и забудет тундру. Не каждая женщина захочет растить детей вечно в дороге и в закопчённом чуме. Где же выход? Впрочем уже сейчас во всяком деле техника пришла на помощь человеку, но на жизнь оленеводов она ещё не сильно повлияла, если не считать радиоприёмники.

Взять хотя бы пристанище оленевода в тундре. Раньше летом чумы были очень лёгкие, весной из берёзовой коры шили для них крыши. Конечно, забот хватало и мужчинам, и женщинам. Теперь берёзовую кору заменили брезентом. Но под ним холоднее, да и влажный брезент словно свинец тяжёлый. А ведь чум на новом месте часто собирают одни женщины. Что и го-

ворить, такой чум тяжело таскать и быкам. Во время осенних заморозков мёрзлый брезент лопается, ведь его часто приходится сворачивать и развязывать.

Изменилась и летняя обувь. Раньше оленеводы носили пропитанные смольницей и сшитые из кожи ног оленей или из кожи нерпы тобоки. Такая обувь лёгкая и тёплая, не пропускает воду. Многовековой опыт помог выработать нужную для ледяной тундры обувь. Теперь многие об этом стали забывать. Нет смольницы или равнодушие всех охватило? Часто пастухи носят резиновые бродни сорок шестого размера. Не оттого, что ступни большие. Чтобы ноги не озябли, надевают пыжиковые чулки, а подошву подстилают соломой.

Если ненадолго – сойдёт и такая обувь, но за бесконечные часы (пастуху приходится бывать под открытым небом более суток) в резиновой обуви от ног промокают и пыжиковые чулки, и подстилка. Ноги становятся свинцовыми, поэтому в такой обуви быстро и далеко не пойдёшь, а пешком пастуху, ой-ой, как много надо пройти. И за бесконечные месяцы резиновая обувь никому не прибавляет здоровья.

Надо думать, этот недостаток тоже отхолаживает молодёжь от тундры. Давно уже настала пора открыть для оленеводов швейный цех, где бы шили и малицы, и тобоки (для зимы и лета), а также нужные вещи для чума: внутреннюю обкладку из оленевых шкур, крышу. Нужна и мастерская, где бы делали оленьи сани, санки и хореи тоже.

Облегчив труд чумработницам и пастухам, можно больше заботы проявлять о сохранности стада – меньше станет потерь и олени будут упитаннее. Значит, и у оленеводов повысится производительность труда. Мож-

но надеяться, что эти нововведения помогут заманить в тундру молодёжь и решить проблему кадров для оленеводства. Если ныне пастухам хватает забот в любой сезон года, тогда хоть зимой у них будет побольше свободного времени для лучшей организации отдыха.

В своё время в Ижме была школа по подготовке оленеводов, после окончания которой многие её выпускники посвятили себя делу отцов и дедов. Ныне проблема подготовки новых кадров стоит острее, чем прежде. Такую профессиональную школу необходимо вновь открыть. Если рядом с родителями дети в летние каникулы знакомятся с тундрой, накапливают опыт, то эти знания можно расширить и углубить в специальном учебном пункте. Очень неплохо было бы также организовать на его базе мастерские по изготавлению деревянных изделий. Таким образом молодёжь заодно, кроме знаний, получит и навыки по изготавлению нужной продукции.

За последние годы в оленеводстве появились и другие трудности, связанные в первую очередь с ухудшением пастбищ. Как известно, в тундре и лесотундре, как раз в тех местах, где весной и осенью пасутся олени стада, разворачиваются работы по добыче нефти и газа, появляются новые посёлки и буровые, прокладываются дороги. Словом, под промышленные объекты попадают обширные пастбища. Поэтому нужна особая забота о них. Поменьше их надо топтать осенью, быстрее добираться до зимних пастбищ, до боров.

Стоит упомянуть и плохую работу Печорского мясокомбината. На озере Колва-ты оленей предпочтительнее забивать в октябре-ноябре, но забой всегда растя-

---

гивается до нового года и переходит даже на январь. Так теряется не только дополнительная продукция, но ухудшается и качество (животные начинают худеть), вытаптываются весенние пастбища. Из-за этих причин особенно тяжело оленями переносятся поздние вёсны и долго держащийся наст. Такие нерадостные поры остаются в памяти оленеводов, как «плохие» годы. Ведь тогда резко понижается численность стада.

Чтобы сезонные перепады не расхолаживали оленеводов, специалисты считают необходимым готовить к так называемым «плохим» вёснам аварийный запас кормов. Поэтому в южных районах, где боры богаты оленьим мхом, давно пора построить завод по изготавлению гранулированных брикетов. Гранулы изготавливать только из оленьего мха или добавлять в них ивовые ветки. Здесь последнее слово тоже за учёными и руководством сельхозотрасли...

Эти мысли всё чаще беспокоят не только специалистов-оленеводов, но и таких бригадиров, как Сергей Григорьевич Манзадей, всех, кому предстоит, выйдя на пенсию, оставить оленей, среду обитания наших отцов и дедов.

Пятиклассник
Новикбожской
семилетней школы
Плик Артев в 1950
году.

В группе студентов зооветтехникума
(в центре первого ряда). Нарьян-Мар.
1961 год.

В годы службы в группе
советских войск в
Германской
Демократической
Республике. Танковая
часть. 1959 год.

Бригадир животноводства
Новикбожского отделения совхоза
«Усть-Усинский». 1960-е годы.

Слушатель Вологодской
совапаршколы. 1971 год.

В спортивном зале.

Возле оленьей упряжки.
Новикбож, март 1980 года.

С женой Валентиной и сыном
Иваном. Вологда. Май 1971 года.

Призёр межрегиональных
состязаний по тяжёлой атлетике,
г. Туапсе. 70-е годы.

После вручения наград передовикам сельского хозяйства Усинского района. Первая половина 1980-х годов. П.Г. Артёев в центре первого ряда. За ним во втором ряду – первый секретарь Усинского горкома КПСС Ю.А. Спиридонос, позднее – Глава Республики Коми.

В часы отдыха дома. 1986 год.

У Вечного огня в г. Сыктывкаре. 1986 год.

В тундре. Позади оленье стадо. 1987 год.

В чуме с журналистом Евгением Рочевым, позднее – главный редактор городской газеты «Усинская новь». Март 1987 года.

У совхозной радио – на связи с оленеводческими бригадами.

В группе аграриев Усинского района. В первом ряду (второй справа) П.Г. Артееев. Во втором ряду (второй слева) директор совхоза «Усть-Усинский» Г.И. Канев.

ПОСЛЕСЛОВИЕ ОТ РЕДАКТОРА-СОСТАВИТЕЛЯ

Во второй половине горестного декабря 1987 года, когда новикбожцы прощались с именитым уроженцем их деревни, меня одолевала мысль, как бы издать прозу Артеева. Сборник рассказов и очерков стал бы данью памяти и уважения Пику Герасимовичу, его лептой, пусть скромной, в литературу родной республики. Это соображение я высказал на поминальном обеде в фамильном доме оленевода. Его земляки дружно закивали в знак одобрения.

Все минувшие годы меня не оставляло ощущение неисполненного долга перед памятью моего друга и перед его семьёй. Размышлял о том, что надо бы собрать все его опубликованные и ещё не увидевшие свет произведения и выпустить отдельным сборником. Но всё было недосуг – одолевали нескончаемые текущие дела. Да и годы те пришлись на времена, когда трудно было изыскать средства на издание книги.

В 2005 году в силу профессиональной необходимости мне довелось вновь обратиться к творческому наследию Артеева, когда готовил очерк о нём для городской газеты «Усинская новь» к 30-летию со дня выхода в свет её первого номера. Побывав на юбилее газеты, съездил также в Новикбож. С дочерью Артеева Олей посетил деревенское кладбище, поклонился её отцу, матери, которая скончалась за год до этого. Рядом – оградка, за которой могилы родителей Пика Герасимовича. На фотографиях хорошо различимы выразительные лица Герасима Ивановича, рано умершего, и Анны Анисимовны, пережившей своего супруга на 23 года, а сына – на 11 лет.

В Усть-Усе встретился с бывшим директором местного совхоза Галактионом Ивановичем Каневым, с которым не виделся со дня похорон Артеева. Ветеран не без грусти вспоминал былые времена. Тогда хозяйство располагало не только внушительным поголовьем круп-

---

ного рогатого скота, но и многотысячными стадами оленей, приносившими немалую прибыль совхозу. Как раз в ту пору эту отрасль успешно «опекал» управляющий оленеводческим отделением Пик Артееев.

Ныне всё это в прошлом. Разве что-то из мясно-молочного животноводства ещё сохранилось в Новикбоже. А оставшихся оленей передали в бывший совхоз «Северный», преобразованный в общество с ограниченной ответственностью.

В ту мою поездку на Печору определились контуры будущей книги Артееева, о чём я сказал главному редактору «Усинской нови» Евгению Рочеву и журналисту Григорию Кожевину – редактору одного из отделов редакции газеты, земляку Пика Герасимовича. Они высказали готовность помочь в реализации этого проекта, рассчитывая на содействие администрации города.

Наконец осенью 2006 года мне позвонила советник руководителя Управления культуры городской администрации Лариса Наконечная и сообщила, что проект получил «добро» и будет профинансирован из внебюджетных средств. За это выражаю от себя, от семьи и земляков Пика Герасимовича признательность и благодарность усинским властям. Как и другим организациям, которые содействовали выпуску этого издания, имеющего, кстати, и краеведческую направленность.

Сборник собрал под своей обложкой 21 рассказ и очерк Артееева, два десятка фотографий. Были трудности с поиском рукописей автора. Именно первоисточники прежде всего интересовали меня при работе над изданием, поскольку сохранили язык, стиль и душу автора. Скажем, перевод рукописи с русского языка на коми или обратно так или иначе искажает авторский слог. Чего греха таить: иногда рукописи в редакциях (особенно в газетных) немотивированно «урезались», из них нередко выхолащивался колорит языка автора, яркие метафоры и некоторые оленеводческие термины порой заменялись не самыми удачными синонимами. Поэтому-то каждое произведение Артееева требовало от редактора-составителя очень бережной литературной правки, чтобы сохранить авторский дух.

Как получилось – судить читателям этой книги.

Оглавление

ПРЕДИСЛОВИЕ

Заступник родной земли	3
Была бы вторая жизнь.....	4
Пыжиковая шапка	16
Последний романтик тундры	17

РАССКАЗЫ И ОЧЕРКИ

Хранитель печали	36
Серебряные зеркала	39
Разлад	42
Кельчи-князь	49
Непокорённый Степан	56
Евсей	62
Родова	69
Спасение от... себя	75
На закате	78
...И помнится миг	81
Белая чайка	83
Укор	84
Перед рассветом	85
Мадук	93
В чуме	100
Пропажа	108
Майской ночью	114
Выстрелы в карьере	122
Ямданка	133
Хале-ты	141
Извилистые тропы	169
Послесловие	181

Двоюродные братья
у Николая Нади и Валентина
Одеса Рине Артееев - Терасин Ильинский
родн. брат у Августы Ильинской
(Ильин)

Литературно-художественное издание

Артееев П.Г.
Была бы вторая жизнь...

Фотографии из архива семьи П.Г. Артееева и Р.И. Бихерта

Редактор-составитель Р.И. Бихерт
Авторы предисловий Г.А. Юшков, Е.В. Рочев
Редакторы-переводчики с коми на русский язык
И.И. Белых, А.С. Одинцов
Технический редактор И.Р. Бихерт-Андронникова

Подписано к печати 15.11.2007. Формат 70x108¹/₃₂
Бумага офсетная. Шрифт «Arial»
Печать офсетная. Усл. печ. л. 8,05
Тираж 1000 экз. Заказ № 758/2007.

Отпечатано с готовых дисков
в соответствии с качеством предоставленных материалов
в ООО «Типография «Полиграф-сервис»,
167982, г. Сыктывкар, ул. Ленина, 4

МБУК "Ижемская МБС"

ОБ АВТОРЕ

Пик Герасимович Артеев родился 27 ноября 1937 года в тундре. Будучи сыном потомственных оленеводов, до школы разделил со своими родителями все тяготы кочевой жизни в Большеземельской тундре. Его детство проходило также в небольшой деревушке Ига-ди неподалёку от Новикбожа. Учился в Новикбожской семилетке и Усть-Усинской средней школе. После окончания девяти классов работал на одной из шахт города Воркуты, откуда был призван в армию. Срочную службу проходил в танковой части, которая входила в состав группы советских войск в Германской Демократической Республике. После демобилизации окончил Нарьян-Марский зооветеринарный техникум. Позже возглавлял бригаду животноводства в Новикбожском отделении совхоза «Усть-Усинский». В начале 70-х годов учился в Вологодской совпартшколе. Впоследствии – управляющий оленеводческим отделением совхоза, в качестве которого работал до кончины 21 декабря 1987 года.

Свои первые рассказы Пик Артеев опубликовал в газете «Усинская новь», а потом печатался в литературно-художественном журнале «Войвыв кодзув» на коми языке и в сборниках. Его произведения получили благожелательный отзыв литературной общественности республики.